Николай Ващилин

На территории любви Никиты Михалкова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборнике собраны рассказы о встречах и работе с одним из ярких представителей советского и российского кинематографа, актёром и режиссёром награждённым за свои фильмы премией Оскар, Золотой лев Святого Марка, гран-при жюри Каннского кинофестиваля Никитой Михалковым, с котором дружил и работал многие годы до ссоры в 1996 году и который опубликовал в 2015 году свою автобиографическую книгу «Территория моей любви». Эти рассказы бывшего друга и соратника дополнят необъятную биографию Никиты Михалкова и прольют дополнительный свет на события.

- Николай Ващилин
  -
  - Утомленный солнцем
  - Кончаловский
  - Продолжая ФЭКС Григория Козинцева
  - Сибириада
  - Великий пост
  - Честихранитель
  - Опасные гастроли
  - Восемь с половинкой
  - Высокий Абдулов в чёрных ботинках
  - Итальенец vero
  - Дама с чужой собачкой
  - Михалков с ургой
  - Пафос
  - Оргазм
  - Добыча
  - Глазированный Михалков
  - Арт-хаос

Николай Ващилин
На территории любви Никиты Михалкова

Об авторе. Николай Ващилин рос и учился в Ленинграде, живёт в Санкт-Петербурге. Инженер по приборам космической медицины /окончил ЛИАП в 1972 году/, кандидат педагогических наук в области спорта, вице-чемпион СССР по борьбе самбо, доцент кафедры физвоспитания Ленинградского института театра, музыки и кино, руководитель курса трюковой подготовки актёра, проректор Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников профтехобразования, заместитель председателя правления студии ТРИТЭ Никиты Михалкова, мастер спорта СССР по самбо и дзюдо, каскадёр и постановщик трюков, член Союза кинематографистов СССР и России, всю жизнь со студенческих лет писал рассказы о своих встречах и впечатлениях.

О книге. В сборнике собраны рассказы о встречах и работе с одним из ярких представителей советского и российского кинематографа, актёром и режиссёром награждённым за свои фильмы премией Оскар, Золотой лев Святого Марка, гран-при жюри Каннского кинофестиваля Никитой Михалковым, с котором дружил и работал многие годы до ссоры в 1996 году и который опубликовал в 2015 году свою автобиографическую книгу «Территория моей любви». Эти рассказы бывшего друга и соратника дополнят необъятную биографию Никиты Михалкова и прольют дополнительный свет на события.

Утомленный солнцем

Помните, у Высоцкого: "Если друг оказался вдруг…" Впрочем, я никогда не считал себя другом Никиты Михалкова — скорее мы были приятелями. Он — хохотун, весельчак, я тоже большой любитель приколов. Именно юмор, легкое отношение к жизни и сблизили нас. Настолько, что мы приятельствовали более двадцати лет. Я горел вместо него в тракторе на съемках «Сибириады», позже он стал крестным отцом моих сына и дочери. В какой-то момент я даже поверил, что наши отношения тянут на крепкую мужскую дружбу, но это оказалось не так. Пройдя огни и воды, они сломались под звуки медных труб.

…Конец 70-х, идем по Невскому, кадримся к девчонкам. Михалков тогда приезжал в мой родной Ленинград особенно часто — в архивы библиотек дома Пушкина, Салтыкова-Щедрина и Академии наук. Он работал над сценарием к фильму о Грибоедове, который очень хотел снять. Мог бы, конечно, делать это и в Москве, в «Ленинке», но, видно, предпочитал погружаться в эпоху: над Невой, Фонтанкой и Грибоедовским каналом и в те годы витал дух позапрошлого столетия. Впрочем, не исключаю, что Михалкову просто хотелось время от времени вырваться из московской суеты: дома маленькие дети — Аня и Артем, одна без устали бегает, второй — плачет. Так или иначе, при малейшей возможности он приезжал сюда. Останавливался в гостинице, днем работал, вечером заходил ко мне, и мы отправлялись вдыхать атмосферу улиц.

Кстати, к девчонкам мы кадрились в шутку, для настроения: заводить интрижки в наши планы не входило. Скорее был спортивный интерес: как девушки отреагируют, узнают ли Михалкова? Ведь за его плечами было уже несколько картин, в том числе хит Георгия Данелии «Я шагаю по Москве». Не могу сказать, что завидев Никиту, женское население падало в обморок от счастья: в лицо знали, но относились без фанатизма, и это его огорчало. Вот Алексей Баталов или Георгий Юматов — другое дело, они тогда действительно были кумирами всей страны.

Я никогда не считал себя ровней Михалкову. Как говорится: два мира — два детства, хотя и его путь был непростым. Нет, громкая фамилия отца и связи, безусловно, помогали. Вот, представьте, пришел Никита подавать документы в во ВГИК, «Щепку» или «Щуку». Кто рискнет завалить на вступительных экзаменах Михалкова? Хотя выгнали его из «Щуки» с третьего курса с формулировкой «за профессиональную непригодность». А вот во ВГИК приняли…

Да и нужды он не знал, в отличие от меня. Я рос в послевоенном Ленинграде, в подвале дома на 3-й линии Васильевского острова. Такое жилье, земляную шестиметровую нору, выдали моим родителям, которые прошли всю войну. Отец, Николай Игнатьевич, служил в танковых войсках и дошел до Берлина, мама, Александра Яковлевна, была санинструктором разведбатальона и вытаскивала раненых из самого пекла на Втором Белорусском фронте. У обоих — грудь в орденах и медалях. А в 1957-м отца посадили: ляпнул в разговоре, что Хрущев, вместо того чтобы культ личности разоблачать, лучше бы фронтовикам нормальную жизнь обеспечил. Кто-то донес, и он загремел на два года. Пока валил лес на Колыме, мама тянула две работы, но ее копеек не хватало. Помню постоянное чувство голода да драки с дворовыми пацанами, которые дразнили меня «тюремщиком», и я отчаянно лупил их от обиды за отца. Вместе с нами жили мамина 12-летняя сестра Люся, и подслеповатая бабушка Аня, вечером и утром молившаяся об освобождении сына перед иконой Божьей Матери.

— Какими бы трудными не были времена, надо жить по заповедям. По Богу. По совести, не озлобляться, — говорила она мне, перекрестив перед сном.

По сравнению с моим, детство Никиты, конечно, было куда благополучнее. Да и дом строить ему было легче. Кооперативная квартира в центре Москвы на Малой Грузинской, этажом ниже жил Владимир Высоцкий. Была и дача в подмосковном поселке Николина гора. Это теперь Никита возвел роскошный особняк, а тогда только звучало громко — усадьба Михалковых. Да, земли много, с гектар.

Когда позже, в конце 70-х, я приезжал на эту дачу, там было два дома. Один, поменьше, построенный чуть ли не до революции, весь скрипел и трещал от старости. Второй — поновей и побольше, в два этажа: на первом — холл, на втором — спальня и два флигелечка по бокам. Всюду картины деда. Никакого хрусталя и прочей безвкусицы, везде книжные стеллажи и шкафы, особенно много в комнате Андрона, старшего брата Никиты. Стены у него, помню, были заклеены не обоями, а симпатичными зелеными гобеленами из холстины.

Кстати, познакомились мы с Никитой через Андрона Кончаловского. Было это в 1973-м, на съемках фильма «Романс о влюбленных», мне тогда не было и тридцати. К тому времени я успел стать несколько раз стать призёром СССР по самбо. Тренировался у Анатолия Рахлина в обществе «Труд», ученика Александра Массарского, слывшего легендарной личностью не только из-за спортивных достижений: он первым на «Ленфильме»

создал группу каскадеров. Серьезных трюковых фильмов в СССР не было. Нужно подраться в кадре, упасть, проехаться на мотоцикле — все это актеры делали сами. Но в 1965 году на съемках картины «Директор» погиб знаменитый по фильму «Коммунист» Евгений Урбанский, и в Госкино озаботились проблемой: что делать? Не знаю, Массарский ли вышел на киностудию или они на него, но в середине 60-х Александр Самойлович начал использовать своих спортсменов для съемок. Пригласил и меня. Так что в кино я стал работать с шестнадцати лет.

Ученики Массарского просто обожали. Он же называл нас «самбистами», «мальчиками для битья», а режиссерам рассказывал, что мы — люди-машины, можем абсолютно все. Такая реклама нам порой выходила боком. Так, в августе 1972 года в Луге на съемках фильма «Блокада» Массарский предложил нам выпрыгнуть из горящих вагонов. Отрепетировать такую сцену слишком долго и дорого. Что- то пошло не так, вагоны наполнились дымом и спортивная массовка — двадцать человек — чуть не сгорели заживо.

Двумя годами позже нас и вовсе чуть по-настоящему не повесили. Случилось это во время работы над лентой «Звезда пленительного счастья». В сцене казни декабристов из-под ног каскадеров выбили помосты и мы висели над глубокой ямой, а Олег Янковский произносил длинный монолог. Я истошно заорал и сорвал съемку, заметив, что один из наших, Толя Ходюшин, не просто захрипел, а задергался в конвульсиях. Потом выяснилось: страховочный ремень от парашюта так сильно перетянул ему бедренную артерию, что он оказался на волосок от смерти.

Была драматическая история и на съемках фильма «Человек-амфибия»: нашего паренька попросили перепрыгнуть с одного здания на другое, не рассчитали рисков. Бедолага во время прыжка ударился обеими стопами о стену, и его кости буквально рассыпались в труху. Стал инвалидом… «Мы умирали по воле режиссеров», или «Откровения каскадера» — так я назвал книгу, которая скоро выйдет в одном из московских издательств.

С особым чувством вспоминаю съемки картины «Любовь Яровая», где мне посчастливилось познакомиться с Василием Шукшиным. Помню, как мы, группка спортсменов, ожидали в автобусе команды режиссера. Василий Макарович сидел там же — тогда звезды не требовали отдельных апартаментов и прочих благ. Помнится, начал расспрашивать нас, как к соревнованиям готовимся, где уже выступали. Через минуту пригласили в кадр. Сцена расстрела, я рядом с Шукшиным на краю глубокой ямы.

— Давай так: сначала ударишь его прикладом в лицо, —

отдал приказ Массарскому, кивнув в мою сторону, оператор Евгений Шапиро, — потом целишься в Василия Макаровича.

— Как это, прикладом в лицо? — недоуменно перебил режиссёра Фетина исполнитель главной роли. — Живого человека?!

— Да мои спортсмены — люди с железными нервами и телами! — пытался бравировать Александр Самойлович. Но Шукшин даже слушать не стал, ушел в автобус. Сцену так и не сняли, а я избежал возможности пострадать за искусство.

Потом я встречался с Шукшиным на съемках «Даурии», «Калины красной», «Они сражались за Родину». Случалось говорить о жизни.

— Хочу профессионально осваивать трюковое искусство, учить этому молодых, — поделился я с ним, — Во- первых, мне нравится работать в кино. А во-вторых, вы же сами видите, как обращаются с живыми людьми. Словно каскадеры не люди, а куклы.

— Нужное дело! — благословил Шукшин, — И мне скоро хороший специалист понадобится, будем про Степана Разина снимать. Так что учись и никогда ни перед кем не пасуй, Коля, не подстраивайся. Живи так, как подсказывает совесть. Осуществить мечту Василий Макарович не успел — умер на съёмках фильма «Они сражались за Родину». А я его советы вспоминал их каждый день, двигаясь к своей мечте. Окончив Ленинградский институт авиаприборостроения, сменил-таки профессию. Поступил в аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры. Параллельно устроился работать в ЛГИТМиК, где под руководством Василия Меркурьева и Ирины Мейерхольд разрабатывал программу подготовки актёров для трюкового кино. У меня много учеников, среди них Лариса Гузеева, Саша Лыков, Лена Сафонова, Николай Фоменко и другие известные артисты.

Вскоре присвоили звание доцента, получал почти 400 рублей в месяц, гигантскую по тем временам сумму. Мог бы и не ездить на киносъемки, но лучше места заработать и весело провести время в СССР не было. Выполнял, а позже и ставил трюки в лентах, которые сейчас называют легендарными: «Республика ШКИД», «Три толстяка», «Интервенция», «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», «Остров сокровищ» и многих других. Был постановщиком трюков и в знаменитом фильме «Д'Артаньян и три мушкетера», хотя молва с 1992 года упорно приписывает это Владимиру Балону, поставившему всего несколько фехтовальных сцен под моим руководством и крепко дружившему с Михаилом Боярским. Несмотря на такой послужной список, я

никогда не строил из себя крутого парня. В институте студенты спрашивали: «Правда, что вы мэтр советских каскадеров?» Я отвечал: «Нет! Я — два мэтра. Точнее, мэтр восемьдесят семь». Таков мой рост.

С Андроном Кончаловским я познакомился в феврале 1973-го, когда он пригласил меня, как я уже говорил, в команду своего фильма «Романс о влюбленных». Меня ему порекомендовали ассистентки Наталия Терпсихорова и Галя Бабичева, с которыми я работал на картине «Легенда о Тиле». Тогда Массарский на съёмках цунами чуть не убил падающей крышей мальчика из массовки. Да и актёру Роману Громадскому досталось бренном по голове. И Кончаловский вызвал меня из Ленинграда, хотя на «Мосфильме» к тому времени уже появились свои специалисты.

Работать с Андроном Сергеевичем было одно удовольствие. Мы часами скрупулезно придумывали трюки, которые можно было использовать в картине. «Надо же, как ты классно придумал, молодец», — радовался Андрон интересной находке, которую мы только что сочинили вместе.

В том же году Никита вернулся из армии. Не помню уж, сам он мне рассказывал, как туда загремел, или Андрон, но дело было так. Когда ему пришел срок служить, Сергей Михалков попытался устроить сына в Театр Советской Армии. Многие молодые артисты проходили там службу: выходили в массовке или отправлялись на съемки военных фильмов. Но вмешался тогдашний министр обороны Андрей Гречко, который отчего-то недолюбливал автора советского гимна. Стукнул кулаком: никаких поблажек! И отправил призывника Михалкова аж на Камчатку. Позже Никитон бравировал, будто сам попросился границы родины охранять. Наверно, в конце-концов и сам в это поверил.

Вернувшись, частенько наезжал к брату на съемки, присматривался. Меня он не замечал, да и мне он был тогда не интересен. Правда, Никита уже сыграл в нашумевшей картине «Я шагаю по Москве», которую я смотрел аж четыре раза из-за Гали Польских. Она была моим идеалом, позже и жену себе я выбрал похожую. Показался симпатичным и главный герой, которого играл Алексей Локтев. Вот персонаж Никиты не вызывал ровно никаких чувств.

К тому же я знал, что в эту картину Михалкова взяли благодаря старшему брату, которому вскоре пришлось за него краснеть. Андрон учился и дружил со сценаристом Геннадием Шпаликовым, его и попросил замолвить словечко за Никиту перед Георгием Данелия. Отснявшись в трети фильма, Михалков потребовал повысить ему гонорар, иначе играть отказывался. Это

известная история. Но Данелия не поддался на провокацию и чуть было Никиту не заменил. Тот изумился, но стал вести себя скромнее.

В общем, наше первое знакомство с Михалковым, мягко говоря, не обещало стать судьбоносным. Не добавил симпатий к нему и следующий эпизод. Где-то через год я попал на Кавказ — студенты чечено-ингушской студии, мои ученики пригласили меня в Грозный, где Никита снимал свою первую ленту «Свой среди чужих, чужой среди своих». На съемки я ходил со своими студентами и наслаждался выпавшими осенними каникулами. Лишь позже узнал, что на площадке вышла анекдотичная ситуация, впрочем, закончившаяся плачевно. Висело объявление: «Требуются люди для массовки, оплата 3 рубля». Местные жители, мало понимавшие в кино, наивно предположили, что платят не им, а они. Не знаю, о чем думал заместитель директора съемочной группы, но деньги брал. Скандал разразился через полгода, когда картина вышла, а участники массовки не обнаружили на экране своих лиц крупным планом. История получила огласку, заместителя директора посадили на 6 лет в тюрьму. Никита сказал, что аферу тот провернул за его спиной. Скорее всего, так оно и было, но слухи ходили разные.

Лицом к морде мы столкнулись с Михалковым лишь в 1976-м. Андрон тогда снимал «Сибириаду» и снова позвал меня постановщиком трюков. Съемки проходили в Твери, тогда еще Калинине. Как-то вечером режиссер устроил ужин для своих. Пригласил Андрон и меня, что было сродни чуду.

Когда говорят, будто в СССР все были равны и друг другу братья, это чушь. Во все времена существовало избранное общество. Тогда в него входила интеллигенция, а также нужные люди, которых позже мы с Никитой цинично называли «нужники». С их помощью в эпоху глобального дефицита можно было достать что угодно. Отлично помню, как задружившись со вторым секретарем райкома комсомола Ленинграда, добыл для жены сапоги в «голубом зале» Гостиного двора. Наконец, были все остальные: народ, простолюдины — строители коммунизма, среди которых и моя скромная персона.

И вот я, простой парень, вдруг оказался среди самых- самых. Разве не чудо? Помню французских дипломатов, заглянувших к Андрону, очаровательную Лив Ульман, жену знаменитого Ингмара Бергмана. Она тоже приятельствовала с Кончаловским и высоко ценила его как режиссера. Сидим за столом, разговариваем, хохмим, обсуждаем прошедший день и предстоящую завтра работу. Вдруг танцующей походкой входит Никита, игравший в «Сибириаде» одну из главных ролей.

Щелкнул пальцами:

— Привет всем!

Я, видимо, не слишком почтительно кивнул, продолжая начатый разговор.

— А этот что тут делает? — громко удивился Михалков, подчеркнув слово «этот».

Я вспыхнул, но в следующую секунду почувствовал на плече руку Андрона.

— Коля, не обращай внимания. Никита у нас, бывает, хамит, но это не со зла — наверное, не выспался, — примирительно сказал он, умело разрядив обстановку.

Казалось, уж после этого случая ни о каком приятельстве с Никитой и речи быть не может. Но уже на следующий день ситуация изменилась. Снимали сцену с огнем: два деревенских парня из соседских семей Соломиных и Устюжаниных сцепились и падают в костер, во время которой герой Александра Потапова заехал своему брату веслом — шуточный эпизод, который собрал всю группу, и мне аплодировали, как постановщику.

Никита подошел после съемки и, не говоря ни слова, пожал мне руку. Это было по-мужски. Я был тронут.

Еще через два дня я дублировал Михалкова в сцене, когда его герой горит в тракторе.

— Ты как, друг? Живой? — выскочил Никита из-за камеры оператора Левана Пааташвили, едва каскадёры огонь на мне потушили. — У меня чувство, словно я сам горел.

Было видно, что он действительно волновался, переживал.

— Да живой, — утешил я. — Как Ленин, живее всех живых.

И Никита снова пожал мне руку. Я окончательно оттаял.

20 августа у Андрона день рождения. Я подарил ему иконку Николая Чудотворца. Такая же маленькая, величиной с ладонь, только Андрея Первозванного, подарок его мамы, всегда стояла в его гостиничном номере. В семье Михалковых было заведено: где бы сыновья ни находились, в праздники всегда собирались у мамы, Натальи Петровны Кончаловской. Съемки свернули, и мы большой компанией отправились в поселок Николина гора. Так я впервые оказался у Михалковых в их загородной усадьбе.

Вечер был шумный, пили знаменитую «кончаловку», напиток по рецепту Наталии Петровны: водку, настоянную на черной смородине. Из-за стола все разбрелись по огромному участку с высокими разлапистыми соснами.

Потом я часто бывал на даче Михалковых- Кончаловских. «Сибириаду» снимали три года — огромная, тяжелейшая работа. Я успел закончить аспирантуру, поработать постановщиком трюков на двух других картинах, в том числе на фильме

Юнгвальд Хилькевича «Д'Артаньян и три мушкетёра», в моей семье родился второй ребёнок, дочь Оля. И с Никитой, и с Андроном за эти три года мы стали родными людьми. Впрочем, может быть мне это только казалось.

В 1979-м «Сибириада» получила специальный приз жюри на международном кинофестивале в Каннах. Мои сцены в фильме остались, значит, и я что-то заслужил. Андрон всегда это помнит. Когда в 1078 году подарил мне свою книгу «Парабола замысла», то подписал так: «Дорогому Коле, талантливому русскому богатырю».

Наталия Петровна тоже относилась ко мне, как к своему. Не раз просила: «Коля, вы уж, пожалуйста, присмотрите на съемках за Андроном и Никитой. Не давайте им делать опасных трюков.

Помнится, через несколько лет, в один из визитов в усадьбу, она попросила нас с Никитой спилить самую высокую сосну на участке, закрывавшую солнечный свет. Мы рьяно взялись за дело, но колючая красавица повалилась набок, зацепившись ветвями за соседние деревья, и упорно не хотела падать на землю. Наталия Петровна, без слова упрека, вызвала из сельсовета бригаду коммунистического труда, которая быстро довершила дело. Но дел нам больше не поручала.

Она всегда была очень организованной и энергичной, всегда за работой. При этом чувствовалась порода: эдакая величественная сдержанность. Настоящая аристократка, никогда не повышала голос и вела себя так, что каждый в ее присутствии чувствовал себя самым желанным гостем. Ее обожали соседи, подруги, друзья детей и внуков. Крутились вокруг нее, как мотыльки возле лампы.

Вместе с тем домашних она держала, что называется, в узде. Позволю себе процитировать эпизод из книги Андрона Кончаловского, прекрасно характеризующий Наталью Петровну. Когда Андрон расстался с Натальей Аринбасаровой, та, продолжая бывать на даче, начала ссориться с Настей, супругой Никиты. Как-то дошло до того, что и сами братья поругались. Видимо, каждый свою женщину защищал.

В причины ссор Андрон в книге не вдавался, но написал, что мама собрала невесток и сказала: если еще хоть раз из-за вас поссорятся мои сыновья, головы вам не сносить! Приезжайте в гости, двери всегда открыты, но интриг я не потерплю. Сказала это, не повышая голоса, но так, что ни у кого и мысли не возникло ослушаться.

У Михалковых мне запомнилось немало любопытных деталей. Скажем, я долго не мог понять, отчего, когда приносят что то в упаковке, веревочку или ленточку не разрезают, а именно

развязывают. Потом оказалось, что так Наталией Петровной заведено.

— Это занятие, развязывание узелков, — говорила она, — развивает терпение.

Новую одежду детям, а потом и внукам, покупали не часто.

— Вещи не должны быть культом, — внушала Кончаловская. Никита, когда у него росли дочки и сын, по примеру мамы не торопился покупать им обновы. И я проникся этим правилом, и мои Тима и Оля с тех пор не были избалованы изобилием. Я был просто влюблен в семью Михалковых — в целом и в каждого в отдельности.

Да, еще Наталия Петровна пекла потрясающие пирожки с капустой из слоеного теста — маленькие, словно пельмешки, вкусноты необыкновенной! Она их делала много, но огромную кастрюлю съедали в один присест, как семечки. Запекала гуся или утку с яблоками, тоже изумительно. Правда, все это лишь по праздникам или когда было свободное время и вдохновение. В остальные дни хозяйничала домработница Верка — живописная тетка лет пятидесяти. Жила в доме чуть ли не с 40-х годов, ее привезли из какой-то деревни. Одевалась она хуже огородного пугала — всё лучшее вешала на него /берегла от птиц урожай/: старое выцветшее тряпье — сарафан или платьишко из прабабушкиного сундука, на ногах — огромные суконные боты.

Входя утром в дом и на кухню, Верка гремела этими ботами под аккомпанемент кастрюль и сковородок, отбивая ритм своего фирменного степа. К этой музыке Михалковы давно привыкли и мирно спали. Просыпаясь лишь тогда, когда она по какой-то причине задерживалась, и в доме воцарялась подозрительная тишина. Неужели Верка позабыла о своих обязанностях, и завтрак отменяется?!

А готовила Верка так, что пальчики оближешь: пельмени, блинчики… Какую баранью ногу она томила в печи! Естественно, продукты привозили хозяева. Сама Верка за пределы Николиной Горы не выезжала — там и жила с мужем, во флигельке на территории усадьбы. Он сторожем сторожил. На кухне было окошечко, как в столовых на раздаче — через него тарелки с едой подавались в гостиную, где накрывали большой круглый стол.

Бывало, Никита утром проснется, зайдет на кухню:

— Верка, что-то салата из помидоров хочется, приготовь!

А ему в ответ:

— А ты, … твою мать, помидоры привез? Не привез, так чего ты хочешь?!

Беззлобно так, по-свойски. Никита не обижался, подскочит, прижмет ее к себе:

— Ладно, не кипятись, завтра все привезу!

Он к ней как к родной тетушке относился, без намека на снобизм и прочую фанаберию. Порой, в дурном настроении она гоняла его:

— Ты ждешь, чтобы я за тобой посуду помыла? Барин! Нет бы самому?! Сейчас Наталии Петровне скажу, что сын бездельник!

— Главная у нас в доме — Верка, — смеялся Михалков, покорно намывая в раковине тарелки.

Я становился свидетелем и других домашних сцен, не таких забавных. Как-то Никита поссорился с соседом по поселку. Уже не помню ни причин, ни имени недруга Михалкова. Запомнилось только, как этот человек с хамском издевкой сказал ему: «Между прочим, мы вчера бухали вашу «кончаловку», ничего так напиток».

Оказалось, мальчишки, старший сын Андрона Егор, и Никитин Степан, тиснули дома бутылку, уж не знаю, каких коврижек им за это сосед пообещал. Каких же «горчичников» выписали им дома!

— Да кто вы после этого — взяли и открыли врагу наши семейные кладовые! Это последнее дело — из дома выносить! — гремел Никита. Сидевший рядом Андрон согласно кивал головой, правда, он был не столь гневлив.

— Знаешь, у меня ведь похожий грех есть, — вдруг признался мне Андрей, когда Никита отошел. — На съемки фильма «Дворянское гнездо» взял у мамы ее фамильные драгоценности. По сценарию, нужны были бриллианты. А я не знал, что в кадре все равно не видно, натуральные или бижутерия — думал, в кино все должно быть по-настоящему. И у меня из гостиничного номера эти бриллианты утащили. Господи, как же стыдно было перед мамой! А она, узнав о пропаже, только и сказала: «Значит, нам надо было за что-то расплатиться этими бриллиантами — судьба просто так не возьмет».

После этого и я покаялся:

— Однажды в наш двор в Ленинграде пришел незнакомый мальчишка. И принес фантики от конфет — яркие, пахнущие шоколадом. Я в свои пять лет подобного волшебства в глаза не видел, и жадно их нюхал, впитывая аромат. «Хочешь, давай меняться?» — вдруг спросил хозяин богатства. «У меня дома есть мамины ордена, возьмешь?» — сказал я без всякой надежды: какой дурак поменяет такие прекрасные фантики на железки?! «Ладно, так уж и быть», — согласился он. И потом я весь день нюхал и облизывал свое приобретение. А вечером никак не мог понять, почему мама рыдает в уголке нашей каморки. Эта история — моя боль, до сих пор.

Андрон сочувственно закивал. И это был удивительный момент единения. С Никитой я мог шутить, а вот так открыть душу вряд ли.

Сергей Владимирович Михалков, в доме на Николиной горе появлялся редко. Он не любил загородную жизнь, предпочитал городскую квартиру. Не буду рассказывать, каким он мне показался. У Никиты есть фильм «Папа», вот там поэт и автор гимна такой, какой есть, без прикрас.

Мне особенно запомнилось, как Никита в кадре спрашивает отца, изменял ли он маме. И тот честно отвечает: «Да, но она настолько добрая, что прощала». Потом сын задает вопрос: а как ты относишься сейчас к своим знакомым девушкам, которых когда-то, так сказать, щипал за ножки? «Что ты, я не могу на них смотреть — старухи», — с ноткой превосходства ответствует Сергей Владимирович, которому самому тогда было за 80.

Никита чем дальше, тем больше напоминает мне своего отца. Как минимум — внешне. А у его жены Татьяны в глазах я читаю какое-то смиренное достойное спокойствие, как у Наталии Петровны.

От Никиты знаю, что в Москву она приехала из Воронежа, поступила в Институт иностранных языков, что в 70-е для девочки из провинции было не меньшим чудом, нежели сейчас. В свободное от учебы время подрабатывала в Доме моделей. Адский труд. Прежде чем разок прошагать царицей по подиуму, надо выдержать десятки каждодневных, многочасовых примерок. Но Таня была исполнительной, послушной. Этими качествами и покорила Никиту. Он не раз, смеясь, рассказывал историю, как едва познакомившись, пригласил ее поужинать в Дом Кино. Там спросил, что она будет пить и есть, а Татьяна тоном комсомолки и отличницы ответила: «Первое, второе и третье». «Я сразу решил, что она будет моей женой», — вспоминал Никита.

Таня по-настоящему любит мужа. Дом и семья для нее — смысл жизни. Она рядом с мужем в горе и радости, и это не пустые слова. Не всегда Никите светило солнце и дул попутный ветер в парусиновые штаны — хватало и горьких дней, и месяцев, и даже лет. Никогда не видел, чтобы жена пилила его или на жизнь роптала.

В 1981-м Никита снял фильм «Родня» — от начала до конца стёб над советской действительностью. На долгие шесть лет чиновники из Госкино отлучили его от режиссуры, доверив снять лишь одну-единственную семейную драму «Без свидетелей».

Никита звонил мне и с надрывом в голосе говорил:

— Коля, похоже, это конец.

— А может, только начало? Судьба такая штука, никогда не

знаешь, что ждет тебя завтра, — утешал я.

— Тебе хорошо говорить… — горько вздыхал Никита.

Прекрасно помню, как однажды в 1994 году, приехав в Питер на Фестиваль Фестивалей у Александру Мамонтову он выступал на скромной творческой встрече в ДК города Тосно под Ленинградом. Ему заплатили 300 долларов, неплохо по тем временам. Но по дороге в Москву, в «Красной стреле», у него эти деньги вытащили. Никита бегал по всему составу, громко ругался, требуя наказать воров. Поднял спавшую милицию, начальника поезда, закусывающего с проводницами.

— Только не подумай, — повторял он мне, — я не из-за денег хлопочу, а из принципа.

Но губы у него дрожали.

Я к тому времени уже стал проректором Всесоюзного института повышения квалификации в Ленинграде — уважаемая должность, теплое место. Андрон перебрался во Францию, потом в Италию. Непросто, но сумел завоевать репутацию, завести полезные знакомства и вовсю снимал кино за рубежом. Мне часто звонил и писал. Иногда просил принять в Ленинграде его новых зарубежных друзей, показать им город. По просьбе Андрона я принимал у себя итальянского сценографа Эцио Фриджерио, Роберта Редфорда, Марчелло Мастроянни, Анн Консини. Показывал им наши музеи и памятники. Нравилось им и у меня дома. Я тогда купил огромную квартиру — в самом центре, с дубовыми потолками, камином и видом на Петропавловку, обставил ее красивой мебелью.

— Надо же, как хорошо в СССР люди живут, — восхищались иностранные гости. И я испытывал гордость за свою страну, в которой мальчик, выросший в подвале на Васильевском острове, упорством и трудолюбием сумел достичь таких высот.

— Коля, тут один мой приятель, журналист из Италии Кайо Марио Гарруба, собрался снимать репортаж о Ленинграде. Покажешь ему город? — как-то позвонил Андрон.

— Никаких проблем, пусть приезжает!

В тот же день позвонил и Никита. Услышав о приезде итальянского репортера, он уже вечером был у меня. Словно угадал, что знакомство может оказаться полезным. Марио сопровождала жена Алла. Никита сумел ее обаять, и шустрая полька взялась представлять его интересы в Европе. Устроила в Италии просмотр картины «Неоконченная пьеса для механического пианино», пригласила влиятельных друзей, начала им рассказывать, какой талантливый этот русский режиссер. Талантливых людей много, только вот знают об этом не все. В числе тех, кому она рекомендовала Никиту, были знаменитый

продюсер Анжелло Рицолли и Марчелло Мастрояни.

Накануне нового, 1986 года Михалков пригласил их погостить в Ленинграде. Поводил по Эрмитажу, потом зашли ко мне. Выпили водки, закусили грибочками. Мечтали вслух, какой фильм мог бы снять по Чехову Никита. Знал, что Мастроянни любит Антона Павловича, и, конечно же, не устоит. Так оно и вышло. Итогом этого ужина стали «Очи черные» — мелодрама по мотивам чеховской «Дамы с собачкой» с Марчелло в главной роли.

Что и говорить, в чутье и стратегическом таланте Никите не откажешь. Я был очень рад за него и горд от своей, пусть опосредованной, причастности к его успеху.

Съемки проходили в Ленинграде и Костроме. Есть фотография, где в бричке сидят Аня и Тема Михалковы, а рядом мой сын Тимофей и дочь Ольга. Никита снял их в маленьких эпизодах, а Оле даже повезло сняться в одной сцене с Мастроянни.

Там же моих Тиму и Олю крестили — в местном храме Воскресения на Дебрях. Крестного искали недолго.

— Давайте, Никиту Сергеевича попросим, — предложил настоятель храма отец Александр. — Никита Сергеевич, вы не против?

— Конечно, нет, о чем разговор — Коля мой близкий друг! — тут же согласился Михалков.

А я стал крёстным своей бывшей студентки Леночки Сафоновой. Мы все встали возле купели — окунают туда только младенцев, а взрослые стоят рядом, раздетые, прикрывшись простынкой, батюшка просто поливает их водой. И они, вслед за ним, произносят трижды:

— Отрекаюсь от тебя, Сатано, сочетаюсь Тебе Христе.

— Господи, прими новоизбранных рабов Твоих, — завершил обряд отец Александр.

Никита, когда все закончилось, тут же забрал Марчелло и Лену на съемки сцены объяснения в любви в сарае дома городского головы, которого играл Иннокентий Смоктуновский.

«Очи черные» получили приз в Каннах за главную мужскую роль, еще какие-то знаковые награды. Был международный успех, фильм продали в 120 стран. Но Никита был недоволен. Дело было в том, что финансировала проект найденная Аллой Гарруба итальянская миллионерша Сильвия д'Амико, ставшая продюсером. Перед началом съемок они с Михалковым договорились, что ему заплатят 100 тысяч долларов. Позже Никита выяснил, что по западным меркам это сущие копейки, столько получают начинающие режиссеры. Еще больше его

раздосадовало то, что Сильвия, вложив 4 миллиона долларов, получила раз в двадцать больше и наотрез отказалась делиться процентами от прибыли. Мол, так не договаривались. Что и говорить, ушлый народ эти миллионерши. Было обидно, конечно. Разгневанный Михалков больше с ней не сотрудничал.

Позже, в 1992-м, Никита разругался и с Аллой. Она считала себя важной птицей. И могла сказать, например: «Никита! Нельзя так писать сценарий. Будешь делать так и вот этак…», дальше следовали прямые инструкции. Ведь это в России режиссер — царь и Бог, а на западе рулит тот, кто деньги на фильм нашел. Зная Никиту, могу только представить, как у него шерсть дыбом вставала от таких указаний. Он терпел-терпел, но в конце-концов рубанул: — Как ты со мной разговариваешь? Пошла вон!

И выбросил ее из своей жизни, мгновенно забыв, что именно Алла нашла деньги на съемки трех его картин, в том числе и на «Ургу», познакомила с полезными людьми и вывела его карьеру на новый международный уровень. Но эти мысли пришли гораздо позже, когда я сам, по сути, оказался в том же положении, что и Алла. Тогда же я Никиту понял и не осудил.

К тому времени его дела и в России начали идти в гору. И произошло это, скажу без ложной скромности, не без моего участия. Например, в период безденежья созданная им студия «ТРИТЭ» выпустила книги «Российский архив», где были материалы, прежде хранившиеся в секретных архивах КГБ, к которым Михалков в 90-е нашел лазейку. Ясен перец: книги надо продать, заработать на них. Но как? Открыли пару ларьков — не хочет народ покупать!

— Надо выходить на правительство, — прикинул я. Пусть выкупят у тебя всю партию и подарят институтским библиотекам. В нашем институте, например, несколько экземпляров такой книжицы не помешали бы.

Моих связей проректора хватило, чтобы добиться приема министра высшего образования и у Виктора Черномырдина, бывшего тогда председателем правительства. Книги у Михалкова купили, правда, попали ли они в институты, не знаю.

Была и другая история, связанная с прокатом «Утомленных солнцем». В 1990-е годы, кинотеатры массово закрывали, отдавая их под казино. Но если у картины нет зрителя, то она, даже самая гениальная, всего лишь кусок пленки! Михалков как на работу ходил в «Союзпрокат», предлагая купить его фильм.

— Что ж, давайте, — без особого энтузиазма соглашались там. — Можем заплатить вам 70 тысяч долларов. Копейки. Ведь на съемки потрачены четыре миллиона долларов! На Западе заработали бы раз в десять больше, а здесь хотя бы вернуть свое…

Никита чуть не плакал: весь в долгах — брал деньги и в банках, и у частных спонсоров.

Я долго думал, как ему помочь. Наконец осенило: эстрадники ездят с концертами, почему бы и нам «чес» не устроить? Никита показывает свою картину, потом — творческая встреча, а деньги на это дело берем у губернаторов и региональной знати. Пусть раскошеливаются на культуру!

Стал я всем звонить, предлагать сотрудничество. Провинциальные «царьки» не хотели выбрасывать тысячи лишь за знакомство с Михалковым — аккуратно интересовались, нет ли у нас связей в правительстве. Я многозначительно отвечал: "Поищем". Мол, давайте подумаем над этим вопросом после творческого вечера Никиты Сергеевича. И нам шли навстречу, выкупая по несколько копий для местных показов.

Никита предлагал: иди ко мне работать в штат заместителем, будешь со спонсорами работать. Я долго отнекивался. Но потом наступил самый черный и тяжелый период в моей жизни. Дочь попала в аварию, лежала в больнице с тяжелым сотрясением и переломанными ногами. Я искал врачей, лечил ее. Вытащил. Но сам слег с инфарктом.

Первый медицинский институт, отделение терапии. Лежу после операции, дышать тяжело. В холле работает телевизор, вдруг репортаж из Канн, и голос Никиты, представляющего там фильм «Утомленные солнцем». С изумлением слышу его разговор с журналистом. Тот спросил:

— Никита Сергеевич, у вас много врагов и завистников, а друзья есть?

Михалков ответил:

— Да, друг есть. Только один — Коля Ващилин.

На всю страну, на весь мир объявил. И таким теплом повеяло от его слов! Он продлил мне жизнь. Тем более что врачи, услышав мою фамилию из уст самого Михалкова тут же забегали, начали колоть шприцами во все места.

Годом позже Никита получил в Америке «Оскара». По возвращению его пригласили на пресс-конференцию в Дом Кино, он позвал и меня. Тогда я уже перешёл к нему на работу в ТРИТЭ. По дороге я возьми да пошути:

— Ну, до свидания, Никитушка. Захлебнёшься тщеславием, здороваться перестанешь.

— Знаешь, мне ведь все равно, «Оскар», не «Оскар», — рассмеялся Михалков. — Поставлю на полочку, будет стоять.

Признаться, я ему тогда поверил. Но, увы, моя шутка оказалась пророческой, и та пресс-конференция действительно стала переломной. «Вы себя недооцениваете! Вы ведь

великий!», — внушали Михалкову и киношники, и пишущая братия. По дороге обратно я заметил в его глазах прежде невиданное, горделивое выражение. Видимо, сладко прикидывал: называют гением — значит, так оно и есть. Помню как мы хохотали, когда ему на творческой встрече из зала прислали записку «Правда ли, что вы гений?»

И все же я перешел работать к Михалкову. Дочка моя поправилась, но жена обвиняла в случившейся беде меня. Семья разваливалась, и я решил переехать в Москву, подальше от скандалов.

Первая трудовая неделя началась с появления в моем кабинете двух десятков сотрудников компании «ТРИТЭ».

— Николай Николаевич, — робко начали они, — не могли бы вы поговорить с Никитой Сергеевичем, чтобы нам выплатили зарплату? Три месяца уже без копейки сидим…

— А сами чего с ним не поговорите?

— Лучше вы, все-таки его заместитель и друг, — замялись люди. Я понял, что все они его ужасно боятся.

Через неделю узнал, что денег у студии нет, потому что Михалков поистратился: купил колокол для храма в деревне Аксинино, рядом с Николиной горой.

— Мы же верующие и должны жертвовать, — важно сообщил Никита.

Я лишь спросил:

— Тебе не стыдно смотреть в глаза сотрудникам? А он в ответ:

— Пусть благодарят Бога за то, что работают у меня. Тот колокол на храм мы, кстати, вместе поднимали.

Один конец веревки привязали к колоколу, второй — держим в руках на колокольне, и медленно-медленно бронзовый колокол тянулся ввысь, к облакам. Хотелось верить, что дальше все будет хорошо. Но не случилось:

Никита неуловимо и неумолимо превращался в режиссера-солнышко, вокруг которого все должно крутиться. Только посмей сказать слово против! Во мне же поступательно нарастало "утомление солнцем".

Истории в моей памяти, как картинки в калейдоскопе. Вот мы с Никитой в Чебокасарах, на банкете в честь вручения ему мантии почётного доктора Университета. Подошел мужик явно бандитского вида. Расплылся в улыбке: «О, мой любимый режиссер!». И полез обниматься. Потом они вдвоем за столик сели, давай за жизнь разговаривать. Я подошел напомнить Михалкову, что у нас дела.

— Дела подождут! — отмахнулся он.

К утру, наконец, его новый знакомый соизволил уйти.

— Делать тебе, что ли, нечего — с таким козлом трепаться? — спросил я Никиту.

— Он не козел. Это — тоже наш народ. — И, посмотрев лукаво, добавил: — К тому же он сказал: будут проблемы, обращайся — у него крутые связи.

Вот другая картинка. У нас был общий знакомый Андрей Ананов. Встречаясь к ним в Питере в компаниях, Никита ему руки не подавал — не того круга, нищий. В 90-е тот вдруг резко разбогател на ювелирном бизнесе. И Никита тут же стал его другом.

Что уж греха таить, я и сам подпитывал его гордыню. В 1995 году, например, когда Никите исполнялось 50, он хотел отмечать юбилей дома. Пригласить человек двадцать — только ближний круг.

— Никита, нужен концертный зал «Россия», — настоял я. — Позовем 70 губернаторов с женами и олигархов в благодарность за то, что они тебе с прокатом помогали. Да и поддержать полезные связи не лишне.

— Дружище, ты прав, — согласился он.

Я нашел спонсорские деньги под юбилей, миллион долларов, вместе написали сценарий. Все прошло грандиозно, практически превратилось в народное гуляние, снимало телевидение. Мою фамилию даже вписали в титры как сценариста праздника. Конечно, я был рад за Никиту, но, как говорится, под ложечкой уже посасывало от дурных предчувствий: он "бронзовел" не по дням, а по часам.

Потом была поездка в Израиль, о которой мне хочется забыть. Но не выходит.

Он упросил меня поехать с ним — мол, хочет разделить со мной радость от встречи с Землей обетованной. Сам я собирался отдохнуть в Италии, но Никита уж очень просил. Хотя с ним ехали жена и дети, и, казалось бы, я-то им зачем?

На Кипре в Пафосе, в отеле, Михалков поселил меня в номере вместе с собой: супруге сказал, что мы должны обсуждать фильм. На самом деле Никита часами трещал по телефону со своей московской подружкой. Я слышал его вкрадчивый, воркующий голос, и никак не мог уснуть. Тем более, что спать мне пришлось на малюсеньком диванчике, почти у ног Михалкова. Отдых был испорчен. Вдобавок в конце отпуска принесли гигантский счет за телефонные переговоры, и его увидела Таня. Никита соврал, будто бы это я наболтал на такую сумму — звонил какой-то своей бабе. Я чувствовал себя оплеванным, но стерпел.

Наше приятельство лопнуло как мыльный пузырь в июне

1996-го. Тремя месяцами ранее Никита запускал фильм «Сибирский цирюльник» и поручил мне руководить подготовкой съемок. Между прочим, это была моя идея: отправить артистов в военное училище, чтобы они, как говорится, пороху понюхали и отработали шагистику. Наши актеры за два месяца в казарме такую выправку обрели, которую не сыграешь. Михалков сейчас приписывает эту придумку себе.

В последний подготовительный день приехали в Иваново. Никита дал мне задание: спонсоры пообещали 10 тысяч долларов, надо съездить забрать.

— Да, вот пленка картины «Ревизор» Сергея Газарова, с которой он выступал перед зрителями во время агитации за Ельцина. Отнеси в офис, — потребовал Никита, «включив» начальника, что с ним случалось все чаще. — А к спонсорам поторопись, не то уедут или передумают.

Комната, где хранились пленки, была заперта. Я прикинул, что чужие тут не ходят, поставил коробку с «Ревизором» возле двери и уехал, ведь спонсоры ждать не станут. Вернулся через час. Зашел к Никите:

— Все нормально, вот деньги!

— Засунь их себе в ж…! — вдруг выдал он.

— Какая муха тебя укусила?

— Ты, говнюк, почему бросил коробку с пленкой?

— Я не бросил, а поставил. Ты же сказал, надо спешить. И что за тон? Я тебе не пацан.

— Пошел вон! — выплюнул Никита.

— Знаешь что? — не сдержался я. — Больше работать с тобой не буду! На, забери деньги.

Вышел, хлопнув дверью. Михалков рявкнул вслед:

— Попутный ветер тебе в парусиновые штаны!

Он остался должен мне внушительную сумму — я работал не только за зарплату, но и за процент от прибыли. Но долг по сей день мне не вернул. Когда я пару раз звонил, трубку брал директор студии «ТРИТЭ» Леня Верещагин. Заявлял: — Никита сказал, чтобы ты отдыхал — он тебе ничего не должен.

Ну не судиться же с ним?!

Я много думал о причине случившегося. Возможно, дело вот в чем. Говорят, у Никиты случился роман с одной молодой актрисой, ровесницей его старшей дочери Ани. Похоже, что именно ей он и названивал из Израиля. Кто-то проболтался об этом его жене. Лизоблюды, вьющиеся вокруг Никиты, напели, будто предатель — я. Дома был страшный скандал, Никите пришлось объясняться. И он меня за это возненавидел, хотя в действительности я был совершенно не причем.

Не исключаю, впрочем, что дело совсем в другом. Просто люди, которые сегодня рядом с Михалковым, в голос поют, какой он великий. А я одним своим видом напоминал ему те годы, когда он пребывал в совсем другой ситуации.

Да что обо мне говорить? Никита уволил даже ту самую Верку, домработницу. Мне об этом рассказал второй режиссер его студии Володя Красинский. Могу предположить, что Верка по привычке стала перечить хозяину. Еще при мне, в начале 90-х, когда для Никиты настали трудные времена, он перестал платить домработнице зарплату, несмотря на то, что речь шла о сущих копейках. Верка кричала и даже замахивалась на него тряпкой:

— Никита, барин, я от тебя уйду!

— Да куда ты денешься? — смеялся Михалков, еще не ставший великим и чувства юмора не растерявший. Он знал, что идти Верке действительно некуда. Выгнать ее — все равно как выбросить из дома слугу Обломова Захара, который его в младенчестве в люльке качал. Что сталось с Веркой, мне неизвестно.

Сейчас и кино у Никиты, на мой взгляд, совсем другое: он словно растерял талант. Смотрел его «Предстояние», и слезы наворачивались. Вспоминал о маме, об отце, думал о народе нашем многострадальном. Сколько же выпало на долю русских людей! Некоторые кадры словно откровение, обнажённые нервы. В них и великодушие к врагу, и красота людей, и мерзость иных поступков. Завораживающее изображение, магические звуки. Финал, титры — и ощущение, будто тебя обманули, подсунув вместо конфеты пустышку в ярком фантике. И артисты вроде хорошие, и оператор профи, и трюки грамотно поставлены — а кино нет. Великие Георгий Козинцев, Сергей Бондарчук, Михаил Ром, Андрей Тарковский, говорили: в кино главное — последний кадр, он дает ответ на вопрос, для чего вы все это снимали. Вот в «Дворянском гнезде» и «Обломове»: огромное поле, наша русская земля, и у тебя, зрителя, начинается истерика. Фейерверк чувств — и гордость, и счастье, и тихая печаль, что годы не повернуть вспять, но все равно жизнь продолжается, рождаются новые герои. Впрочем, повторю, это моё личное мнение. Я ведь не кинокритик, а каскадер.

А недавно Никита Сергеевич предложил ввести некую этическую хартию для кинематографистов: уважать старших, не врать, не воровать… Он ведь не просто режиссер, а еще и общественный деятель. Я не сдержался, написал в Союз Кинематографистов: ребята, читайте десять заповедей и их исполняйте. Зачем велосипед изобретать? Написав, подумал: может, я и сам погрешил против второй заповеди Христовой — не

сотвори себе кумира, не поклоняйся и не служи ему — за что и поплатился? Работал за троих, потерял здоровье, аукнулись старые травмы. Поврежден позвоночник, перенес операцию на сердце. Врачи, правда, еще 10 лет назад говорили, что вот-вот умру. Но я живой. Утром проснусь в своей хрущёбе на окраине Питера, по стеночке дойду до кухни, кофе сварю — запах чарующий. Нет не тот, о котором по телевизору рассказывают, а настоящий. Добреду до балкона, покормлю синичек. И так светло на сердце. Глаза ещё видят, руки работают, вот написал о жизни своей. Буду рад, если хоть кто-то после прочтения обратится к своей душе с вопросом: а так ли я живу? Ведь Михалков — это примета времени. Если тщеславие и гордыня застилают глаза, ты становишься машиной с единственной программой, смысл которой сводится к фразе: «я — великий». Начинаешь любить не искусство в себе, а себя в искусстве. И перестаешь быть человеком. Сколько сейчас таких «Никит» в нашей многострадательной матушке-России? Он и его нынешние дружки считают себя хозяевами жизни. Но сколько примеров, когда внезапно с таким трудом обретенное величие, бизнес, золотые унитазы, летели в тартарары, превращаясь в прах. Как же, наверное, страшно потерять то, что ты возвел в культ и сделал смыслом своего существования.

Так или иначе, зла на Никиту не держу. Какой уж есть. Я благодарен ему за те годы, когда нам было радостно идти рядом, и за ностальгические воспоминания о них. Время от времени я перебираю их, как драгоценные фантики в той детской послевоенной коллекции, так сладко пахнущие вожделенным шоколадом. Возможно, просто к старости становлюсь сентиментальным…

Кончаловский

Андрей Кончаловский. Фамилию эту я узнал, посмотрев фильм «Дворянское гнездо». Фильм прелестный, тургеневский, русский. Изумительный, но очень короткий финал с убегающей в поле девочкой. Хотелось смотреть на это цветущее поле, бегущую по нему маленькую девочку в веночке из полевых трав долго, долго. Пока не вспомнишь маму, бабушку, дедушку и пока не наговоришься с ними вдоволь. Более щемящей моё сердце образа я не видел за всю свою жизнь. Вновь я обрел надежду в поисках мастера. Как подобраться к Кончаловскому, я не знал. Распорядилась судьба.

Летом 1974 года я работал каскадером на фильме Александра Алова и Владимира Наумова «Легенда о Тиле». Мою работу оценили, и ассистент режиссера Наташа Терпсихорова порекомендовала меня Гале Бабичевой, работавшей у Андрея Кончаловского на «Романсе о влюбленных». Когда пришел вызов, я от радости так прыгал, что головой пробил потолок.

Приехал на съемки с одной целью: напроситься к Кончаловскому в ученики.

Я полдня просидел в углу холодного вагона электрички, где снимали сцену. Ждал.

— А где каскадер-то? — воскликнул наконец Кончаловский.

Я подошел, поздоровался. Андрей Сергеевич оценил меня взглядом и объяснил суть сцены. Главное в ней было — удар головой Володи Конкина в стекло двери электрички.

На один дубль съемок Андрей Сергеевич раздобыл итальянское «стекло», безопасное при разбивании. А вот чтобы поставить свет и камеру, меня попросили своей головой разбить стекло настоящее. Такой «гуманный» подход был у советских режиссеров. Каскадер может все, у него голова деревянная. Да и не каскадёры мы были, а "мальчики для битья".

Я укрепил на кисти железную бляху на ремне, отыграл толчок Евгения Киндинова и устремился головой в дверь, на скорости резким ударом руки разбил стекло, одновременно резко откинувшись головой назад, и упал, как ни в чем не бывало. Лежу, жду команды «Стоп!».

Подбежал Андрон с Леваном Пааташвили.

— Коля, Коля, что с тобой, ты жив?

— Жив. Ну как? — Спрашиваю.

— Твою мать. Я думал, ты убился, — вздохнул облегченно Андрон.

После смерти Урбанского с режиссерами и директорами в

вопросах риска обходились строго.

— Понравилось? — Спрашиваю Андрона.

— Ты гений. Это потрясающе. Вот это каскадер! А то подсовывают мне каких-то изготовителей пены — Фраер, Массарский. Будем с тобой работать, Коля.

Я отрепетировал сцену с Киндиновым и Конкиным. Сняли с одного дубля. В перерыве я спросил Андрона о перспективах моего обучения режиссуре. Он сказал, что пока не собирается набирать курс режиссеров и становиться Гуру. Но посоветовал мне почитать труды князя Сергея Волконского о пластике актера и заняться этим профессионально.

Следуя его совету и окончив аспирантуру, я поступил на работу в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, предложив организовать курс трюковой подготовки актера в традициях В. Э. Мейерхольда, Л. В. Кулешова и Г. М. Козинцева. За несколько лет я довольно хорошо продвинулся в этой области, имея хорошую зарплату и перспективу защитить докторскую диссертацию по проблеме двигательной культуры актера.

В том же году уже по рекомендации Андрея Кончаловского я попал к Сергею Бондарчуку на съемки фильма «Они сражались за Родину». На съёмки немецкой атаки мы приехали с моим товарищем по съёмкам на «Блокаде» Юрой Веревкиным. На «Блокаде» во время перерывов и ожиданий мы с танкистами придумали много разных трюков и одним из них был проезд танком по человеку, утопавшему в закамуфлированную траншею. Съемки проходили под Ростовом. Мы показали технику исполнения проезда танка по живому человеку и исполнил трюк ученик Сергея Фёдоровича Бондарчука студент Андрей Ростоцкий.

В 1975 году после съемок фильма «Стрелы Робин Гуда» за слишком активное поведение на съёмочной площадке на меня рассердился мой тренер Александр Массарский и отлучил меня и моих товарищей А. Ходюшина, О. Василюка, Н. Сысоева от кино. Те и вовсе написали на Массарского жалобу в Обком КПСС за его малопрофессиональную работу в трюковых съёмках. Я был в опале и думал, что навсегда. Массарский обладал огромным авторитетом и властью на Ленфильме. Но, эврика! Ранним летним утром раздался звонок с «Мосфильма». Андрей Сергеевич Кончаловский приглашал меня работать на четырёхсерийной эпопее «Сибириада».

Приехав на Мосфильм и прочитав сценарий, я явился пред светлые очи Андрея Сергеевича. Он занимал просторный светлый кабинет. Я честно признался ему, что за такую масштабную

работу мне страшно браться, и многое я даже не представляю себе, как можно снять. Он воспринял это с пониманием.

— Твои московские конкуренты Иваньков и Иншаков как раз говорят, что всё знают, и выколачивают из Эрика Вайсберга, директора нашей картины, большие деньги. И потом ты же хотел учиться режиссуре. Учись, я тебе помогу, вместе будем придумывать. Еще один ученик у меня есть — Володя Любомудров. Знаешь такого трюкача?

— Да, знаю. Мы с ним снимались на «Белом солнце пустыни» в 1968 году в Махачкале. Они с Петром Диомидовичем Тимофеевым, Володей Токмениным, Васей Горчаковым и Женей Богородским учили меня ездить верхом.

— Ну, вот и хорошо, — завершил Андрей Сергеевич. — Иди к директору, подписывай договор.

Директор Эрик Вайсберг хотел прижать меня низким гонораром, но не вышло. Я готов был работать бесплатно!

В подготовительный период я часто приезжал в Москву. Это очень серьёзная пора создания стилистики фильма, технологий съёмок различных эпизодов, изготовления костюмов и реквизита. Беседы с Андроном по разработке сцен драки на берегу, война, взрывы нефтяной скважины и гибель в огне героя для меня были настоящими праздниками. Так творчески и доброжелательно я еще не работал ни с одним режиссером за 10 лет. Андрон говорил о том, что он хочет видеть на экране, а я предлагал те практические приемы, которые хорошо знал. Если моих знаний не хватало, привлекались консультанты из других стран — Америки, Англии, Франции, Италии.

Просматривали много фильмов. Дома в Ленинграде я проводил репетиции с моими друзьями-каскадерами, конструировал весло, которым можно было безболезненно ударить актера по лицу как воздушным шариком. В пожарном училище и институте огнеупоров подбирал материал для костюмов, спасающих от огня.

В июле 1976-го начались съемки в Твери (город Калинин). Андрон определил мне несколько дней для репетиций драки на берегу с актерами Сергеем Шакуровым, Виталием Соломиным, Александром Потаповым и Александром Плешаковым.

Я показал им со своими каскадерами рисунок сцены.

Начали репетировать.

Что-то не получалось. Фальшивые движения я убирал, упрощал действия, заменяя их эмоциями, желаемыми, но не совершаемыми действиями.

А потом, как и просил Андрон, всё подходило к случайному, и поэтому смешному удару.

Решили снять. Леван Паатишвили поставил камеры на штатив и начал снимать. По замыслу Андрона все должно было сниматься одним кадром, с использованием принципа внутрикадрового монтажа. Экспрессию драки в кадре было решено подчеркнуть опрокинутой корзиной с живой прыгающей рыбой. Рыбу долго ждали, но когда привезли, она оказалась свежей, но неживой. Когда посмотрели материал, драка тоже была без нерва, не динамичная. Рыбу Андрон велел поджарить со сметаной и устроил маленький пир. Приехала Лиф Ульман и еще какие-то французы. Все оказалось как нельзя кстати. Я был приглашен на ужин. Появился Никита Михалков, и, увидев меня за столом, нагло спросил Андрона, кто я такой. Я чуть не вышел из-за стола. Андрон одернул Никиту и уговорил меня не обращать на его хамство внимания. Андрон ко мне хорошо относился. Я был счастлив.

Обдумав материал, я предложил Андрону сцену драки переснять, внес предложение разжечь на берегу костер и уронить туда героев, потом за это «порвать» Устюжанина и убить его веслом, но, промахнувшись, залепить удар своему брату, и т. д., и снимать все одним кадром, но с руки, двигающейся камерой.

Андрон послушал и спросил, представляю ли я себе, сколько эта пересъемка будет стоить. И пошутил: если сцена будет плохой на экране, то я ее и оплачу. Я согласился. Пересняли. Вышло замечательно.

Андрон меня зауважал. Из очередной своей поездки за границу привез мне в подарок итальянские ботинки нечеловеческой красоты. В группе все обалдели и начали со мной здороваться за руку. Я в долгу не остался, и Андрону на день рождения 20 августа подарил редкую в те времена миниатюрную иконку Николая Чудотворца старинного палехского письма. Почти такую же икону Андрея Первозванного ему подарила его мама, Наталия Петровна.

На долгие годы совместной работы и жизни моими друзьями стали Борис Вельшер, Феликс Клейман, Николай Двигубский, Наташа Андрейченко, Вова Репников, Эрик Вайсберг.

Однажды, подготовив трюк перепрыгивания с сосны на сосну за Виталия Соломина на высоте 20 метров, я задрал цену для каскадеров до 100 рублей за дубль. Наглость в то время неслыханная. Эрик Вайсберг запротестовал. Тогда Андрон посадил его с собой в люльку крана и поднял на половину этой высоты. Эрик сразу согласился выплатить по сотке.

В другой раз забастовал мой друг каскадер Коля Сысоев и из-за него сорвалась съемка. Я думал, меня выгонят. Нет. Андрон простил, понимая, что такое бывает в жизни, «Сибириаду»

Кончаловский снимал несколько лет. Я уезжал и приезжал на съемки эпизодов, связанных с трюками. Съемки на болоте в Тверской губернии, съемки в Тюмени, работа с пожарными на нефтяных вышках, главная трюковая сцена фильма — взрыв на нефтяной скважине.

Андрон хотел снять что-то невероятное. Гибель героя Алексея в сценарии была прописана как конец света, проваливался герой вместе с трактором под землю, в горящий Ад.

Я ничего сверхъестественного предложить Андрону не мог. Работа с огнем была и остается самой сложной и опасной не только для кинематографа. Снимая фильм «Неотправленное письмо», режиссер Калатозов в сцене лесного пожара чуть не погубил актеров В. Ливанова, И. Смоктуновского, Е. Урбанского, Т. Самойлову огнем и дымом.

Мы судорожно искали выход.

Володя Любомудров, обозвав меня дилетантом, привел московских каскадеров С. Соколова, В. Фраера, О. Савосина и других. Но волшебников среди них не было. Показать они смогли те же фокусы с горящей паклей. Ситуацию спасли операторы. Леван Пааташвили с группой комбинаторов предложили кадры комбинированных съемок монтировать с натурой на фоне темноты ночи. Да, к тому же вся земля была залита водой и давала живописные блики огня.

В итоге снимали общий план основного пожара в Тюмени, взорвали «фок» с тонной бензина. Киногруппа, снимавшая взрыв с расстояния 100 метров, спалила себе брови. А сцены пожара с людьми снимали во дворе Мосфильма на фоне забора, завешанного горящей паклей.

Темнота, блики в лужах, горящий забор на фоне создали на экране атмосферу ошеломляющей катастрофы. Риск нулевой. Это и есть профессиональная работа в кино. Нет риска. Нет травмы. Но есть ошеломляющий эффект, иллюзия. Кино, одним словом.

Андрон остался очень доволен. Он пригласил меня на премьеру, и я стоял на сцене рядом с ним. Мы подружились и стали общаться в жизни по разным поводам.

За годы работы на «Сибириаде» я приобрел статус высокого профи и получил приглашения на многие известные фильмы: «Они сражались за Родину», «Д'Артаньян и три мушкетера», «Приключения Шерлока Холмса» и другие.

В 1979 году Андрон Кончаловский за фильм «Сибириада» получил специальный приз жюри на кинофестивале в Каннах. Я тоже не сидел сложа руки и использовал эту ситуацию. В институте я получил звание доцента и вел курс «Трюковая подготовка актеров». Ученый совет утвердил мою тему

стажировки в Париж в Национальную консерваторию драматического искусства, чтобы завершить докторскую диссертацию. Как гром среди ясного неба, прилетела весть о том, что Андрон остался в Америке.

Мои «друзья» срочно настрочили анонимку в КГБ о том, что я дружу с изменником Родины, и моя стажировка в Париже накрылась медным тазом.

Через год Брежнев и Щёлоков стали «врагами народа», но мой поезд уже ушел.

Приехал из Америки Андрон со своей американской подругой. Я принял его у себя дома как родного, устроил прогулку на катере, поход на Петропавловскую колокольню. Хотя в это время ему друзья боялись позвонить или подать руку, чтобы не впасть в немилость к органам КГБ.

Чем ты обязан человеку, который просто позволил тебе постоять с ним рядом некоторое время? А потом всю оставшуюся жизнь тебя будут всюду узнавать и пропускать везде бесплатно или, узнав, что ты именно тот, кто был с ним, схватят и бросят в темницу.

Я не отрекся от Андрона, когда он уехал в Америку. Он писал мне письма, рассказывая о своих трудностях заграничной жизни, он звонил мне по телефону и я поддерживал его, как мог. Работы у него там еще не было, и он мыкался от стола к столу, читал лекции в каком-то университете. Зато у меня здесь работы было много. Режиссеры наши, увидев фильм Сибириада, искали каскадера, который там делал трюки, находили меня и предлагали шикарные условия. Так я обрел высокий статус в советском кино. И работу с ведущими режиссерами страны — Никитой Михалковым, Сергеем Бондарчуком.

На Мосфильме зарождалась и крепла московская кинобратва во главе с В. Иваньковым и его другом Александром Иншаковым. Притащил их новоявленный каратист Тадеуш Касьянов на фильм «Пираты XX века». И им это понравилось.

Позже мы узнали, что строгий судья Андрона главный милиционер СССР Щёлоков воровал все, что плохо лежало и каждый день присылал своей жене и дочери цветы, которые оплачивал от министерства как венки к Могиле неизвестного солдата. Вот судьи кто!

На кремлевских паханов напал мор. В результате подковерной борьбы к власти пришел Горби, а брежневско-романовская клика начала ему мстить.

Планеты выстроились чудным образом и осветили путь Андрону. Он снял свой первый американский фильм с Настасией Кински «Любовники Марии». Андрон звал меня в Америку, но я

не мог выучить в совершенстве язык. Может быть, это была лень, но …

Дуплетом он снял сногсшибательную картину «Поезд-беглец» с Джоном Войтом и приехал в Россию. Я взялся за показ этих фильмов в городах коммерциализирующейся родины. Я был безмерно счастлив от того, что фильмы Андрона имели колоссальный успех. Народ хотел знать о нем все, и мне приходилось выступать перед зрителями, выдавая себя за члена его киногруппы.

Андрон просил меня принимать в Петербурге своих новых заграничных друзей Энцио Фриджерио, Марио Гарруба, Роберта Редфорда, Сильвию Лимбери, Марчелло Мастрояни, Анну Консини. Я с радостью показывал им свой любимый город и его прекрасные музеи. Угощал в своем красивом доме чем бог послал.

Приезжая домой, Андрон приглашал меня в Москву. Мы до утра сидели на веранде у Натальи Петровны на Николиной Горе.

В 1989 году Андрон пригласил меня в Париж в свою новую квартиру. Красная блокада была прорвана. Я ехал на поезде через всю Европу и, как белый человек, мог пить кофе то в Берлине, то в Кёльне, то в Ахене, и плевать на все. В Париже на Гар дю Нор я открыл бутылку коньяку и выпил ее из горла при всем честном французском народе. Народ никакого внимания на это не обратил, в обморок упала только агент Андрона Николь Канн, а я был счастлив. Благодаря Андрону.

Он звонил мне каждый день в свою квартиру на Рю Вашингтон и говорил, куда я должен пойти сегодня, и где лучше пообедать. В это время он снимал «Танго и Кэш» с Сильвестром Сталлоне. Часто он просил своих друзей показать мне заветные места в Париже. Из Кембриджа приехал его сын Егор и открыл секретные залежи гречневой крупы. В Париже гречневая каша кажется особенно вкусной. Потом я рванул в Милан, Флоренцию, Венецию и Рим. Что я испытывал к Андрону, я описать не могу. Человеку, открывшему мне двери темницы, которую злобные карлики сделали из нашей цветущей Родины. И мы с ним любили ее, нашу Родину, одинаково нежно.

Вскоре я уехал с Никитой Михалковым в Китай снимать «Ургу». Там в китайских степях, а потом и на просторах России мы с Никитой часто говорили об Андроне. Говорили искренно и нежно.

Когда в 1991 году Андрон снял «Ближний круг», по его просьбе я устроил показ фильма в Доме ученых для мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака.

В 2002 году судьба вовлекла меня в круг губернатора

Яковлева В. А., и я предложил ему Андрона на роль главного режиссера празднования 300-летнего юбилея Санкт- Петербурга. Услышав его концепцию и сумму гонорара, чиновники испугались, и стали делать все силами местечковых драмкружков. Но гонорары оставили те же. Андрон тогда был приглашен Владимиром Путиным для церемонии открытия Константиновского дворца с великим Лучано Паваротти.

Мы уже давно не виделись. Жизнь унесла нас в разные стороны. Звонить, а тем более писать письма, некогда и незачем. И сформулировать и рассказать о том, что было, становится все труднее. Также трудно как испытывать жажду среди потоков бушующей реки. Но если мне становится скучно, одиноко и невыносимо, я всегда могу закрыть глаза и … там будет не темно.

Продолжая ФЭКС Григория Козинцева

Лошади довольно фыркали ноздрями, ускоряя рысь. Чуяли свежий морской ветерок и точно знали, что там на берегу моря их ждёт воля. Максим на Салюте выехал из строя, чтобы сломать себе прутик.

— Макс, за четыре года можно было бы настоящий хлыст купить.

— Так не продают же в магазинах, Николай Николаевич.

— Это отговорки, Макс. Джинсы тоже в магазинах не продают.

Аллея незаметно вывела нас на простор Ермоловского пляжа и перед нами раскинулось море. Вдали в дымке виднелись очертания форта «Тотлебен». По направлению к Курорту широкую полосу пляжа перегораживали заросли высокого тростника. За ним пойдём галопом, подумал я и дал команду:

— По порядку номеров — рассчитайсь! В колонну по два — становись.

— А правда, что дубы ещё Пётр Первый сажал, Николай Николаевич?

— Правда, Володенька. Ты подпругу подтяни.

Свалишься на галопе.

С моря дул лёгкий ветерок и сворачивал волны в белые барашки. Лошадки резвились на просторе и то и дело нарушали строй.

— В колонну по четыре — ааарш!!

Ребята легко выполнили упражнения, уверенно держась в сёдлах. Максим Леонидов, Петя Семак, Серёжа Кудрявцев, Коля Фоменко выглядели настоящими гусарами. Четыре года не прошли даром. Они полюбили мои занятия трюковой подготовкой и приезжали в Сестрорецк каждую свободную минутку. Сегодня по расписанию занимался курс Аркадия Иосифовича Кацмана, мои любимые кацманята. Оторвавшись от повседневных хлопот, приехали Вова Богданов и Саша Покрамович, давно закончившие институт. Они были у меня первенцами, курс Владимира Викторовича Петрова.

Строй всадников пробирался на рысях по густому тростнику. Этот тростник я любил с того времени, как посмотрел фильм Клода Лелуша «Мужчина и женщина». Пробираясь по тростнику, я представлял себя героем того фильма, скачущим верхом по топям Камарга со своей любимой.

Нет, нет. Первенцами были чечено-ингушские абреки Василь Васильевича Меркурьева. Господи! Девять лет прошло, как один день. С ними я начал заниматься борьбой самбо и акробатикой. А они, горцы, выпросили у меня включить в программу занятия верховой ездой. Денег на такие забавы в институте тогда не было и я уговорил директора конной школы давать нам одного коня для занятий вольтижировкой. Потом это оказалось очень полезным и важным видом моей программы.

В Театральный институт меня привёл Петя Меркурьев. Мы с ним подружились на съёмках фильма «Дела давно минувших дней». Бегали и прыгали по крышам. Он играл милиционера. А потом у Алексея Германа снимались в «Операции «С новым годом!» в Калинине. Пока Ролан Антонович пребывал в запое и съёмки останавливались, мы ездили домой в Ленинград. Он вообще- то в Москве жил, но ездил в Ленинград, навещал родителей. Пришли мы как-то вместе с ним в Театральный институт на актёрский курс Василь Васильевича Меркурьева, его отца, а Петя меня расхваливать стал, восхищаться моими трюками. Мать его, Ирина Всеволодовна Мейерхольд, на этом же курсе педагогом работала. Вот она и предложила Василь Васильевичу взять меня на курс преподавателем по биомеханике. Почитал я работы Мейерхольда по обучению актёров биомеханике, вспомнил рассказы Григория Михайловича Козинцева о его занятиях с актёрами в ФЭКСе, когда я снимался у него в фильме «Король Лир». Мы тогда часто простаивали из-за дождей или каких-то других неполадок и он рассказывал нам про свою молодость, про ФЭКС, про первые съёмки немых фильмов с погонями и трюками. А Иван Эдмундович Кох, который репетировал с нами фехтовальные сцены с мечами и пиками, заставлял нас относиться к съёмкам со всей серьёзностью, чтобы не оставить на экране «липу». Иван Эдмундович взял меня дублёром Регимантаса Адомайтиса в поединке и занимался со мной более серьёзно. Бой на мечах я освоил за два месяца съёмок в Нарве в совершенстве. Хотя путь к совершенству бесконечен. Но для занятий со студентами, съёмок в «Геркусе Мантасе», «Стрелах Робин Гуда» и «Острове сокровищ» мне этого уровня хватило.

После окончания института авиационного приборостроения я распределился на кафедру спорта и занимался в родном институте интересной работой. Но изначально я поступал в ЛИАП, чтобы закончив его, пойти учиться на высшие режиссёрские курсы к Григорию Козинцеву. Собственно, по его совету я и пошёл сюда учиться, расширять кругозор и познавать жизнь. В мае 1972 года Григорий Михайлович приехал из Венеции со всемирного конгресса по вопросам обучения

сценическому движению. Когда я встретил его на Ленфильме он с таким азартом стал рассказывать об этом предмете, что естественным финалом стал совет мне продолжить его дело Фабрики Эксцентрического Актёра. Я находился под обаянием его личности и уже на следующий день сидел в кабинете ректора Театрального института Николая Михайловича Волынкина, представляемый Иваном Эдмундовичем Кохом и Василием Васильевичем Меркурьевым. Меня взяли преподавателем на кафедру физического воспитания по совместительству с моей основной работой инженера. Пути к отступлению были отрезаны. Я был человеком слова, человеком чести. Таким воспитали меня родители. Таким воспитала меня школа, комсомол и…улица. У хулиганов, как это не покажется странно, понятия о чести очень твёрдые. Честь, правда, немного другая.

Программу по трюковой подготовке для актёров я начал создавать с благословения Григория Михайловича Козинцева, который мне передал свой опыт ФЭКСа. Фабрика эксцентрического актёра просуществовала в Петрограде с 1921 по 1924 год. Преподавал там легендарный боксёр, фехтовальщик и прыгун в воду из Франции — Эрнесто Лусталло. Он вёл уроки бокса, гимнастики и фехтования. Обещали ввести занятия танцем, но в 1922 году Григорий Михайлович перешёл на работу в государственное учреждение — Техникум Сценических Искусств и занятия были сильно ограничены из-за нехватки средств в Стране Советов.

Когда мы познакомились на съёмках «Короля Лира» с Иваном Эдмундовичем Кохом, где он ставил с нами фехтовальные бои на мечах, стало ясно, что программа сценического движения должна иметь мощную базу физической подготовки. В перерывах между съёмками они с Козинцевым так увлекательно говорили о своих занятиях трюками с актёрами, что я «заболел» этой профессией. Тем более, что, занимаясь борьбой самбо, мне приходилось время от времени участвовать в съёмках. Но там я часто испытывал стыд за пофигизм своего тренера и своих товарищей. Они относились к съёмкам, как к халтуре, позволявшей заработать лишнюю копеечку за свои рискованные действия. Но при этом старались обмануть режиссёра и рисковать поменьше. Правда случались и травмы из-за того, что настоящей опасности они не подозревали. Обнажённый меч им казался деревянной игрушкой до тех пор, пока от его удара не ломалась рука и не текла настоящая кровь. Падения на землю со второго этажа казались им детской забавой до первого перелома костей. А грохочущая громада танка на съёмочной площадке казалась заводной детской игрушкой, пока…На съёмках происходило много несчастных случаев с

печальными последствиями. Совсем недавно, в октябре 1965 года погиб актёр Женя Урбанский. И всё из-за того, что профессиональной подготовкой к рискованным действиям в кино с актёрами никто не занимался. Появившись на съёмочной площадке, они чувствовали себя как на аттракционах в парке культуры и отдыха. А между тем в кино снимали настоящие паровозы, танки и машины, а лошади и вовсе могли испугаться и понести всадника в чистое поле.

— На Исфане, собери повод! Коля, лошадь тебя катает, а не ты ею управляешь.

— А она у меня дрессированная, я с ней договорился, Николай Николаевич.

Коля Фоменко учился на курсе профессора Игоря Олеговича Горбачёва, но я разрешал ему приезжать с кацманятами, потому что они дружили с Максимом Леонидовым и репетировали новую программу. Но вел он себя всегда выпендрёжно. Это могло довести до беды и я пресекал его шутовство.

— Внимание, мальчики. Сейчас пойдём манежным галопом в шеренге до Курорта. Задача простая — держать строй. Не давать лошадям вас растаскивать. Проверить подпруги, взять стремя! Кто упадёт, выполнить страховку, отойти в сторонку и своим ходом до конюшни. Вопросы есть? Вопросов нет! Остановка и поворот — у начала променада в Курорте. Повод! Галопом…… арш!

Несколько темпов галопа ребята старательно держали линию строя. Потом строй начал распадаться, кони понесли.

Верховую езду и вольтижировку я включил в программу не только из-за моей любви к лошадям и прогулкам верхом вдоль моря. Меня поддержал Григорий Михайлович Козинцев, испытав много трудностей во время съёмок своего «Дон Кихота» с Николаем Черкасовым верхом на Росинанте. Да и ослик, на котором трусил Юрий Толубеев, оказался норовистым животным. На Учёном совете института включение занятий верховой ездой и вольтижировкой в программу трюковой подготовки актёров поддержал и Георгий Александрович Товстоногов, и Игорь Петрович Владимиров и, конечно, Аркадий Иосифович Кацман с Львом Додиным. Они сами готовы были ездить с ребятами верхом и иногда приезжали на занятия в Сестрорецк.

Верховой ездой я давал ребятам заниматься на десерт, в конце курса. Главное место в программе занимала акробатика и вольтижировка. Во-первых это дешевле и легче организовать в условиях института и при групповом методе проведения занятий. При одном тренере упражнениями по вольтижировке можно было легко управиться с группой в десять, а то и пятнадцать человек.

Упражнения посадки на галопе, поворотов и схода длятся не долго, меньше минуты и за десять-пятнадцать минут успевает пройти вся группа. Потом нужно дать отдохнуть лошадке и занять ребят подготовительными упражнениями. В итоге высокая акробатическая подготовка, умение страховаться при падениях и отсутствие страха перед лошадью.

Во время первого года своей работы с ребятами чечено-ингушской студии мы на ноябрьские праздники 1973 года поехали к ним в гости в Грозный. Там Никита Михалков снимал свой первый фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих» и приглашал в массовку местных жителей. Мои ребята очень хотели посниматься в кино и показать свою удаль. Подслушав, как в разговоре с Михалковым на репетиции сцены ограбления поезда, московские каскадёры набивают себе цену, один из моих студентов вскочил на лошадь, догнал поезд, на ходу запрыгнул на подножку снова спрыгнул в седло и лихо подъехал к съёмочной группе. Никита ухмыльнулся, а московские каскадёры записали меня в "злейшие враги".

По городу были развешаны объявления о том, что желающие принять участие в съёмках должны прийти к определённому часу в определённое место с паспортом. Плата — три рубля. Чечены, пожелавшие запечатлеть для потомков свой образ, пришли и заплатили администратору три рубля. Администратор собрал с них деньги и долго над ними смеялся вместе со всей съёмочной группой. Потом, когда фильм вышел и добровольные актёры не увидели себя на экране, они написали жалобу. Администратора поймали и посадили в тюрьму на шесть лет. Но одному актёру, Ахмету Закаеву, этого оказалось мало.

Чтобы поменять свою профессию инженера на педагогическую /а Кох меня всё время поддразнивал инженэром/, я поступил в очную аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры и продолжал по совместительству работать в Театральном институте. К моменту окончания аспирантуры и поступлению в штат ЛГИТМиКа старшим преподавателем мною была создана комплексная программа трюковой подготовки актёра. В Вузах СССР этот раздел назывался профессиональной прикладной физической подготовкой и разрабатывалась для каждой специальности своя. Она включала в себя занятия акробатикой, вольтижировкой, верховой ездой, фехтованием на саблях, шпагах и мечах, борьбой дзюдо, каратэ и боксом. Кроме того, по обязательной государственной программе комплекса общей физической подготовки «Готов Труду Обороне» 4 ступени проводились занятия по лёгкой атлетике /бег, метания/, лыжным

гонкам, плаванию, стрельбе из пневматической винтовки. Этот объём упражнений был рассчитан на обязательные занятия два раза в неделю по два часа в первые два года обучения и свободное посещение секций по борьбе дзюдо, самбо, вольтижировки, боксу и фехтованию в вечернее время на протяжении всех четырёх лет обучения студентов в институте. Контрольные упражнения на зачётах, участие в соревнованиях и подготовка сценических этюдов завершали программу. В итоге под воздействием физических упражнений ребята крепли, приобретали навыки, уверенность, решительность и другой внешний вид — хабитус. Такого не было нигде в мире, не то, что в институтах нашей страны.

Для предмета «Сценическое движение», которым занималась кафедра профессора Ивана Эдмундовича Коха, это была прекрасная подготовительная база. Главное, чтобы ребята успевали восстанавливаться между занятиями, отдыхали и нормально питались. Бывали случаи, когда студенты падали на занятиях от голодного обморока. Кто проверит, поел он сегодня или деньги у него уже закончились? Я старался проверять. Думал о том, как им дать подработать на съёмках.

Один бы я это не вытянул. Это Сан Саныч пробил реализацию этой программы для экспериментальной группы студентов актёров нашего института в Министерстве. О таком финансировании нельзя было и мечтать в СССР. В институте каждую копейку считали. Перешивали костюмы по десять раз из одного и того же полотна. А тут и аренда лошадей, и фехтовальные костюмы, и оружие, и кимоно для дзюдо, и боксёрские перчатки. А аренда специализированного гимнастического зала с батутом сколько стоит? А бассейн, а стрелковый тир, а лыжная база? А учебных часов не сосчитать. Четыре часа в неделю обязательных занятий в расписании и восемь часов факультативных по вечерам в разных секциях — дзюдо, фехтование, бокс, каратэ. Фонд заработной платы преподавателей, доцентов и профессоров превышал все разумные пределы. При том, что численность группы на каждого преподавателя по советским нормативам не должна была превышать пятнадцати человек. А это значит, что на группе в двадцать должны работать два преподавателя и обоим нужно платить зарплату. Мечта идиота. Так что, если вы прочтёте или услышите о каскадёрских школах того времени под руководством Массарского, Корытина, Ходюшина или Шулькина — не верьте. Они работали на своей основной работе и никогда не имели такой материальной базы для таких занятий.

С Сашей, то есть с Александром Шехтелем мы учились вместе

в аспирантуре ЛНИИФКа у одного руководителя Валентина Алексеевича Булкина. После завершения учёбы вместе распределились на работу в Театральный институт. Ещё в 1975 году я соблазнил туда же на работу отличного фехтмейстера Осю Кринского, которого встретил на новоселье у своего друга Стаса и тут же вызвал его на сабельный поединок. Ося был его соседом на проспекте Гагарина, 28. После того, как замахнувшись, Ося разнёс вдребезги чешскую люстру, подаренную Стасу родителями, я понял, что терять этого парня из виду нельзя.

Отец Сан Саныча был главным человеком в спортивном Ленинграде. Мума — как ласково называла этого гиганта его жена Тамара, грузинка из рода Тотейишвили. Александр Яковлевич Шехтель в молодости был чемпионом СССР в метании молота и с тех пор стал авторитетным работником физкультуры и спорта. Саше, как родному сыну, он щедро помогал.

Саша стал заведующим кафедрой, а я просто доцентом, руководителем курса трюковой подготовки актёров и председателем спортивного клуба института. Саша прилежно посещал в костюме и галстуке все официальные заседания, а я в паре с Осей вёл свои экспериментальные занятия фехтованием, акробатикой и верховой ездой в Сестрорецке на группе актёров, организовывал работу спортивных секций клуба и, самое приятное, мог в любое время уехать на съёмки. Бесценное качество Сан Саныча заключалось в том, что он не был формалистом. Формализм — страшное зло. Он губит живительную радость всего сущего. Саша этой радости давал цвести пышным цветом.

Едва начав работу в институте, я имел сказочную возможность совмещать её с работой на съёмочной площадке фильмов «Легенда о Тиле», «Блокада» и «Стрелы Робин Гуда». Зимой 1974 года Андрей Михалков — Кончаловский пригласил меня для постановки трюков в «Романсе о влюблённых», где мой тренер Александр Массарский чуть не убил маленькую девочку с Романом Громадским на съёмках наводнения от Цунами, которое снимали в Казахстане. Массарский мечтал стать единственным и неповторимым, но в кино смыслил мало и работал там спустя рукава. Я не один составил ему конкуренцию. Был и Сысоев, Корытин, Василюк и Усвяцов. Но меня он вычеркнул из своей жизни особенно решительно. После съёмок фильма «Стрелы Робин Гуда» мы с Массарским разошлись. Я оставил спорт и посвятил себя трюковым съёмкам. Вспомнил Кончаловский обо мне и годом позже, пригласив меня ставить трюки в его четырёхсерийной эпопее «Сибириада». Это было очень кстати. Монополия Массарского была нарушена. Да ещё где?! На

Мосфильме, у лучшего режиссёра страны. Мой статус гигантски вырос. Не порадовало это и группу «Скифы» Коли Сысоева и Олега Корытина. Эти трюкачи были способны на всё, на любую мерзость, лишь бы лизнуть сладенького.

Съёмки на «Сибириаде» продолжались три года и время от времени я уезжал и брал с собой некоторых студентов. Саша и Ося брали на себя мои учебные занятия, а потом я мог поработать за них. В 1978 году начались съёмки «Д'Артаньян и три мушкетёра», куда Георгий Юнгвальд- Хилькевич пригласил меня ставить трюки. Со мной на летних каникулах поехали работать и Ося Кринский и наши студенты. Полученные на занятиях навыки они применяли в своей профессии на съёмочной площадке и со шпагой, и верхом на лошадях.

В 1979 году моя работа у Игоря Масленникова на фильме «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» позволила мне создать творческую атмосферу на занятиях, репетируя возможные варианты сцены поединка у Рейхенбахского водопада. Для отработки сцены падения в пропасть я попросил дать несколько уроков альпиниста Михаила Боброва. В один из воскресных дней он отвёл нас на шпиль Петропавловского собора и показал, как они с альпинистами маскировали шпиль в войну. Ребята были в восторге.

Осенью 1981 в Ленинграде снимал свой фильм «Красные колокола» Сергей Бондарчук, которому я помогал штурмовать Зимний дворец. Платили хорошо и со мной на штурм Зимнего дворца каждый день ходили наши студенты. Их Мастера, понимая пользу мероприятия, закрывали глаза даже на их прогулы. Пообщаться с Франко Неро, Сергеем Бондарчуком, Ириной Скобцевой удаётся не каждый день. Приревновал ребят, правда, профессор Куницын. Написал на меня жалобу ректору и не отпустил своих студентов на съёмки.

Завистники плодились, как мыши, не по дням, а по часам. Моих учеников переманивали конкуренты, другие перебегали сами в надежде на лучшую долю. К Массарскому перешёл Женя Топоров /правая рука Кости Могилы/, Агапов, Покрамович. Сысоев и Корытин переманили Филатова, Федулова. Борьба за работу на фильмах, особенно знаменитых режиссёров, обострялась до неприличия.

Зимой 1981 года Сергей Юткевич позвал мою группу на съёмки Кронштадтского мятежа в своём фильме «Ленин в Париже». Посмотрев на работу моих учеников, он пришёл в восторг и стал рассказывать, как они осваивали трюковые съёмки в начале века со Львом Кулешовым, Сергеем Эйзенштейном, Всеволодом Пудовкиным, Борисом Барнетом, как актёры

занимались боксом, акробатикой, фехтованием. У них, авангардистов и революционеров в искусстве, считалось, что драматический актёр, как актёр цирка, должен уметь делать любой трюк. Отчаянные были ребята на заре Советской власти.

После съёмок в Ленинграде киногруппа Сергея Юткевича отправлялась в Париж. Я попросил его поинтересоваться, как учат актёров трюкам во Франции. Так он привёз мне приглашение на стажировку в Национальной консерватории драматического искусства в самом Париже и от самого Жана-Поля Бельмондо, профессора-фейхтмейстера Клода Карлье, профессора-конника Мишеля Надал, профессора пластики и пантомимы Жана Лекока. Это было сногсшибательно. Оставалось уговорить советское правительство и партийных чинуш. Этим я и начал заниматься.

В это самое время я жил распрекрасной жизнью. В 1973 году у нас родился сын Тимофей, а в 1977 родилась дочка Оля. Иногда я брал их с собой на работу в Сестрорецк и они учились ездить верхом на лошадях, катались на коньках и санках, плавали на лодках по заливу, ловили рыбу в реке Сестре.

В 1979 году я защитил диссертацию и получил звание доцента кафедры физического воспитания Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Накопив немножко денег я купил большую антикварную квартиру на Кронверкском проспекте с камином, дубовыми потолками и видом на парк и шпиль Петропавловского собора. Я был принят в Совет Дома учёных и проводил там с семьёй праздники. Купил дачу на берегу реки Мги и жена выращивала для детей яблоки и клубнику. Чтобы разделить радость, выпить вина, съесть жареного мяса, копчёных лещей я созывал тех, кого считал своими друзьями.

В 1980 я поехал делать доклад на международном симпозиуме по биомеханике в Тбилиси. Доклад мой произвёл впечатление. В беседе с заместителем министра культуры СССР Лидией Григорьевной Ильиной я ненавязчиво спросил о возможности моей стажировки в Париже по теме моей работы. Она, не моргнув глазом, дала согласие и сказала мне, чтобы я готовил документы. Тбилиси стал мне ещё милее, а грузины — ближе родных братьев. А грузинки — ближе сестёр.

Ректор поддержал моё желание съездить на годик в Париж и послал запрос в Министерство культуры РСФСР. Довольно быстро оттуда прилетел отказ. На занятиях со студентами в Пушкинском театре я пожаловался Игорю Олеговичу Горбачёву на министра культуры РСФСР. Игорь Олегович снял трубку и тут же поворковал с Милентьевым обо мне. Проблема была решена.

Но она была не последней. Нужно было пройти обсуждение на партийных собраниях кафедры, факультета, института,

райкома и Обкома КПСС, пройти проверку в местных и союзных органах КГБ СССР, пройти собеседование с послом Франции в СССР на французском языке и, самое главное, получить разрешение на въезд во Францию от французской разведки. Из двухсот сорока претендентов на стажировку по научному обмену между СССР и странами капитализма в тот 1982 год положительные ответы получили сорок претендентов. Из шести, посланных кандидатов во Францию, приглашение получили двое — Владимир Борев из ГИТИСа и я. Оставалось пройти месячную спецподготовку в Москве в июне.

В марте 1982 года я работал постановщиком трюков на фильме Владимира Воробьёва «Остров сокровищ». Его сын Костя, студент курса профессора Рубена Сергеевича Агамирзяна, много рассказывал папе о наших занятиях. Владимир Егорович пришёл на мои занятия, посмотрел как дерётся Костя Демидов с Колей Устиновым, как взлетает махом в седло Толя Петров и сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться — поработать постановщиком трюков на его фильме.

Мы отсняли несколько эпизодов в апреле на Куршской косе в маленьком, сказочном городе Нида, провели роскошный месяц май в Крыму, в Судаке и Новом свете и сняли эпизод в Петропавловской крепости, закамуфлированной под Бристоль. Наши бывшие студенты, а теперь актёры Малого театра Льва Додина Игорь Иванов, Сергей Бехтерев, Валерий Захарьев, Петя Семак радовали душу своей блистательной работой на площадке, получив заслуженную похвалу от Олега Борисова, Владислава Стржелчика и Владимира Егоровича Воробьёва. Работа была закончена. Я поехал в Москву на подготовку к отъезду в Париж.

Июнь в Москве стоял жаркий и душный. Я жил у своих друзей на Арбате. Они были на даче и иногда приезжали навестить меня, чтобы я не сдох со скуки. Но скучно мне не было. Занятия по французскому мы проводили в парке. Ещё пару — тройку раз я встречался с уникальным человеком, разведчиком в отставке Виктором Андреевичем Любимовым. Тоже на пленере, у стен Кремля. Виктор Андреевич долгие годы работал во Франции с агентом под псевдонимом Мюрей и мог рассказать много полезного. Тем более, что выйдя в отставку он скучал по своему любимому делу.

Получив в министерстве документы и авиабилет в Париж, я вернулся в Питер обнять жену и детей. На даче царила райская атмосфера, жужжали пчёлы, пели птицы, краснела клубника в сливках. Я искупался, выпил чаю и крепко обняв всех, сел в машину и нажал на газ. Ветер приятно обдувал лицо. Дорога была свободной. Самолёт в Париж вылетал из Москвы в полдень.

На «Красной стреле» я успевал до Шереметьева добраться на метро. Нервяк мешал дождаться поезда дома и я решил ехать на вокзал пораньше, пройтись по Невскому. Телефонный звонок раздался, когда я уже стоял на пороге. Я постоял в раздумье, нехотя снял трубку. Голос ректора в телефонной трубке меня удивил. Я думал он звонит пожелать мне доброго пути, успехов и удачи. Он — то знал, сколько я положил на это усилий. Но Николай Михайлович попросил меня не огорчаться, сказал, что поездка отменена, виза закрыта. Сообщил по секрету, что пришла "телега" в Обком КПСС о том, что я враг народа, связан с невозвращенцем Андреем Михалковым — Кончаловским и с шайкой Кости Могилы. Органам КГБ потребуется дополнительная проверка указанных фактов.

Андроповский перебор

Похороны Леонида Ильича Брежнева в СССР были обставлены в стране необычайно пышно. Умер он прямо к празднику, Дню милиции 10 ноября 1982 года. Со времён похорон Сталина / Иосифа Джугашвили/ традиция была утеряна и, видимо, коммунисты хотели её возродить. А может быть благодарные ему иммигранты в Землю обетованную таким образом воздавали Брежневу почести. Поговаривали, что его жена была иудейкой и помогала своим единоверцам встать на ноги и занять почётное положение в стране после гонений Сталина.

На траурном митинге в Театральном институте, который проходил в зале Учебного театра, выступали ведущие коммунисты. Секретарь партийного бюро Виктор Иванович Тарасов, несостоявшийся актёр, пытаясь наверстать упущенное на сцене, дошёл до такой точки истерии, страдая о Брежневе, что сам мог упасть без чувств. Впрочем, из зала за ним наблюдали и те, кто мечтал занять его партийное место, по причине собственной несостоятельности. Евгений Евгеньевич давно ждал, когда Виктор Иванович поскользнётся, чтобы из его заместителей стать партийным боссом института. А дальше? Дальше, как Бог даст. Правда Богу коммунисты тогда ещё не молились ни тайно, ни явно. С проблемами психологии творчества лаборатория, которую он возглавлял по щедрой рекомендации КГБ, явно не справлялась со своими основными задачами. Пока в КГБ проверяли на меня кляузу о моей связи с «мушкетёрами» Толи Ходюшина, которого осудили на два года лагерей за хранение оружия и участие в ограблении польского туриста во Львове во

время съёмок «Д'Артаньян и три мушкетёра», Серёгой Васильевым, который взял на себя вину за это ограбление и сел на десять лет, Женей Топоровым, который поснимался с Массарским в Молдавии в 1979 на фильме «Подготовка к экзамену», сел на тринадцать лет за ограбление с отягчающими обстоятельствами в Тулунскую тюрьму в компании с Вячеславом Иваньковым по кличке Япончик /кстати окончившим цирковое училище в Москве и рвущимся в кино с Сашей Иншаковым/, у меня оставалась надежда на выезд во Францию. Но вот когда сексоты лейтенанта КГБ Володи Путина и, по совместительству, каскадёры прислали в Обком КПСС телегу о том, что я ещё ворую деньги, сдавая спортзал института своим знакомым офицерам из училища подводного плавания, а заведующего кафедрой физвоспитания ЛГИТМиК Сан Саныча посадили в тюрьму, оставив меня на свободе до окончания следствия, Париж растаял в серой дымке. Все мои защитники из КГБ и КПСС резко от меня отвернулись. Органам правопорядка совслужащие доверяли, как Богу. Так было всегда. И в 1937 и позже. Это и был для них Бог. Следствие тянулось полгода. Меня оставили на свободе, а Сан Саныча, как руководителя подразделения, допустившего нарушения финансовой дисциплины, посадили на полтора года. От меня все отвернулись и не подавали мне руки. Продолжать работать в институте в такой атмосфере было очень трудно. Почти невозможно.

Во главе СССР встал Юрий Андропов, жёсткий чекист, проявивший себя в 1957 при подавлении венгерского восстания и скрипевший зубами на воров и жуликов, которых расплодил брежневские царедворцы. По началу учебного года моё дело о выезде ещё рассматривалось чекистами и я оставался членом партийного бюро института, лелея надежду уехать в Париж. Но когда мои друзья в Смольном сообщили мне, что, получив положительное решение органов госбезопасности о моей заграничной командировке, второй секретарь Обкома Ходырев В. Я., под нажимом друга моего бывшего тренера по самбо Александра Массарского и председателя ЛОС ДСО «ЗЕНИТ» Владимира Полысаева вернул её на дополнительную проверку, настроение у меня ухудшилось. Партийные органы командовали органами госбезопасности, как своими опричниками, и решающее слово в посадках неугодных оставалось за ними. Мои друзья из КГБ посоветовали мне, чтобы выжить, писать жалобу самому Андропову. Он в это время проводил чистку в органах, вышвыривая присосавшихся там брежневских подхалимов и жуликов, и моя жалоба могла оказаться ему на руку. Подумав денёк, я так и сделал. Сгонял на Красной стреле в Москву и в

приёмной КГБ вручил своё послание о ложных на себя доносах.

Спустя несколько дней меня вызвали в приёмную КГБ на улице Каляева в Ленинграде, где находилась их тюрьма и полковник Евгений Олейник, брызгая слюной поочерёдно со своим помощником Витей Розовым, пообещал мне червончик на лагерных шконках. Потеряв всякий страх и стыд, я пообещал ему такую же заботу о нём и стал ждать чекисткой расправы. Скрутить меня в бараний рог, о чём наверное думал в 1969 мой одноклубник Вова Путин, мечтая поступить в чекисты, они могли в считанные секунды.

В институт приехала московская комиссия и начала шерстить документы, проверять расходы. На меня с подачи ректора все сотрудники и студенты смотрели, сдвигая брови, как на злейшего врага цивилизации. Из состава партийного бюро меня вывели, устроив преждевременные перевыборы, но оставили за мной партийное поручение ответственного за выход студентов по вечерам на дежурство по охране порядка на улицах с манящим названием ДНД /добровольная народная дружина/ Ребята всегда приходили неохотно, а попадало, естественно, мне. Студенты по вечерам репетировали свои спектакли и погнать их на дежурство в ДНД мог только мастер. Конечно, он тоже был под партийным прессом, но все искали лазейки назначить «крайнего». Могли прийти к пункту и тут же свалить, если я опоздаю на минуту. Пугали выговорами, снятием премий и, самое страшное, плохой характеристикой при выезде за границу. А поскольку в туристические поездки по социалистическому лагерю отпускали через год, то с плохой характеристикой можно было остаться не выездным надолго. Осложнилось моё положение, когда Андропов приказал милиции с дружинниками отлавливать бездельников и прогульщиков среди бела дня. Ребят снимали с занятий и мы с участковым ходили по окрестным магазинам и кафе и проверяли у граждан документы. Кто не мог объяснить своего раннего визита в кафе или столовую и показать командировочное удостоверение, тех тащили в отделение милиции и запирали в обезьяннике до установления их истинной личности. По стране пахнуло сталинской позёмкой.

Московская комиссия нашла в институте ряд финансовых нарушений и подлогов. Ректору, Николай Михайловичу Волынкину, которого я искренне любил и уважал, влепили второй выговор по партийной линии и перевели в простые профессора. Ректором назначили Яковлева В. П., который предельно ясно понимал ситуацию с моим фиаско. Общественность института во всех тяжких обвиняла меня. Никто не покосился в сторону тех, кто своей завистью и мерзопакостной ложью сорвали мне

французскую командировку и отняли у меня красивую жизнь, при этом оказавшись отпетыми жуликами.

Пытались пришить мне дельце в институте, в кино, искали порочащие меня мои половые связи со студентками. Конкуренты с Ленфильма написали письмо в Обком партии о том, что я, работая на студиях страны, не выплачиваю с этих заработков партийные взносы. Виктор Иванович Тарасов вызвал меня в партбюро и долго допытывал, заглядывая своими серыми зрачками в мои честные карие глаза. Потом попросил написать объяснение и разослал запросы о моих заработках на все киностудии Советского Союза. А было их не мало. Получив через месяц ответы он заставил секретаршу Галю Тарасову высчитывать три процента со всей суммы и не поверил глазам, когда всё сошлось и я оказался честным и принципиальным коммунистом.

Тем временем «вихри враждебные», веявшие и шумевшие над головами, били об стенку не только меня.

Друг и ставленник Владимира Путина на Ленфильме, консультант по трюкам Михаил Михайлович Бобров был уличён в утайке от партии дополнительных заработков на фильмах «Штормовое предупреждение», «Операция Саламандра», на которой при прыжке с корабля погиб офицер ВМФ, «Людмила», которыми не поделился с партией и по совету режиссёра и секретаря партийного бюро Ленфильма Игоря Масленникова срочно уволился по собственному желанию.

Ни Массарского, ни Сысоева, ни Корытина, ни Ходюшина эта мелкая дробь не задела. Их в партию строителей коммунизма и не принимали. Правда у кого — то из них нашли дома оружие, а Массарский был уличён в тесной связи с теми бандитами Е. Топоровым и Агаповым из ОПГ Кости Могилы, которых «шил в дружки» мне и которых взял к себе на фильм «Подготовка к экзамену» на Молдовафильм в 1979 году, но наказывать его за это было нечем. Хотя Полысаев В., занимая должность заведующего кафедрой, в том же году принял его старшим преподавателем на кафедру физвоспитания сверхсекретного ВУЗа ВОЕНМЕХ. Характеристику на выезд на постоянное местожительство в Германию он попросит там намного позже, а пока его перестали приглашать на работу по совместительству в кино постановщиком трюков на Ленфильме.

Я постоянно чувствовал за собой слежку, но однажды, войдя в свою квартиру, я увидел между дверей сто сорок долларов США. Быстро сообразив, что мне их засунули, я выскочил на лестницу парадного входа и спрятал их в щель под подоконником. Через несколько минут в квартиру позвонили и делегация из дворника, понятых и участкового милиционера стала с интересом

наблюдать, как оперативные работники пятой службы КГБ переворачивали мои вещи, книги, диваны, шкафы, посуду. Они искали доллары, но не нашли. Потом, годом позже, я купил на них в Берёзке магнитофон для детей. Не сам, конечно, с помощью иностранца, моего знакомого фоторепортёра.

Когда следствие по моему делу закончилось, мне дали разрешение на выезд и предложили сотрудничать с КГБ на постоянной основе в ведомстве генерала Олега Калугина, которое я с радостью принял. Володю Путина, вместо работы разведчиком в ФРГ вскоре отправили в служебную командировку в ГДР на пять лет работать заведующим Домом Культуры советских войск в Дрездене и следить за моральным обликом советских солдат и офицеров. Евгения Олейника перевели на работу в милицию, заместителем ОБХСС ГУВД по городу Ленинграду, где вскоре его уличат в связях с кооператорами через своего родственника Владимира Илларионова по кличке Ларин, знаменитого каратиста и сидельца за групповое изнасилование /в книге друга Путина В. В. — Демида Момота "Чёрный пояс", ISBN 978-5-9901988-1-4/

Не желая терпеть атмосферу лицемерия в Театральном институте, я попросил перевод в другой, во Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов профтехобразования, куда его ректор Борис Борисович Исправников меня с радостью взял на должность декана специализированного факультета и доцента кафедры "Физвоспитания и начальной военной подготовки".

На Ленфильме, отказавшись от должности консультанта по трюкам и устроив на эту должность своего соратника Юру Верёвкина, имевшего поддержку через свою сестру Анжелу и в Горкоме КПСС у заведующего отделом культуры Виталия Потёмкина, я открыл двухгодичную студию по подготовке каскадёров. Отобрал из трёхсот претендентов тридцать отличных парней, мастеров спорта СССР и два года занимался с ними трюковым искусством по той программе, которую разработал за десять лет в ЛГИТМиКе. Оттуда вышли классные каскадёры: Владимир Орлов, Володя Севастьянихин, Сергей Головкин, Саша Баранов, Саша Ковалёв, Сергей Сокольский, Слава Бурлачко, Юра Ковач, которые и сегодня задают тон в трюковой работе российского кино.

Но вскоре брежневская мафия ожила. Поставили во главе государства полуживого Константина Устиновича Черненко. Грабёж страны и чиновничий беспредел расцвели маковым цветом. На Ленфильм консультантом по трюкам вместо Юры Верёвкина, оболганного вместе со мной кляузой в ментовку о

том, что мы тренируем бандитов, взяли Олега Корытина, который не имел спортивной квалификации и опыта работы в кино, но примазался к кагорте смельчаков по поддельной справке об участии в съёмках «Блокады». Так с Олегом Василюком, Колей Сысоевым, Сашей Филатовым по липовой бумажке, раздобытой у Юры Риверова, началась его кинокарьера на съёмках фильма Самвела Гаспарова «Хлеб, золото, наган». Его мама была активной журналисткой и могла из любого человека сделать пугало.

Наступило смутное время. Благим намерениям о процветании добра и справедливости в нашей Родине не суждено было сбыться. Юрий Владимирович Андропов умер.

Post Scriptum

Три месяца оперативная группа 5-ой службы КГБ СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области в составе начальника службы Евгения Олейника, Владимира Путина, Виктора Розова, Юрия Безверхова проверяла факты, изложенные в письмах А. С. Массарского и его друга — консультанта из партийных органов В. Полысаева, Н. П. Сысоева, О. Н. Корытина и других товарищей, снимала показания в Иркутской колонии в Тулунской тюрьме с Евгения Топорова, где он отбывал свой срок в компании с Япончиком /В. Иваньковым/, опрашивала секретных сотрудников КГБ, объяснения Николая Ващилина на имя Председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, результаты проверки деятельности института комиссией Министерства культуры СССР и ОБХСС ГУВД г. Ленинграда и признала Николая Ващилина не замешанным в противоправных действиях.

Вместе с тем, комиссией были отмечены нарушения в финансовой деятельности института, на основании чего привлекли к уголовной ответственности ряд преподавателей, а ректору Волынкину Н. М. был вынесен выговор с занесением в учётную карточку по партийной линии. Доцент Николай Ващилин был выведен из состава партбюро ЛГИТМиК и подвергнут бойкоту со стороны преподавателей института.

После двух лет работы в невыносимых условиях, созданных коллективом института и новым заведующим кафедрой Тереховым В. И. /Н. Н. Ващилин подавал документы на конкурс, но не прошёл/, Н. Н. Ващилин добровольно перешёл в феврале 1985 года на работу в качестве доцента во Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников и

специалистов профтехобразования, где служил доцентом, деканом, проректором по учебной работе до 1995 года. Подмётное клеветническое письмо на Ващилина Н. Н. принёс в ВИПК РРС ПТО каскадёр Иван Ганжа по научению А. Массарского, Н. Сысоева и О. Корытина, но был пойман за руку ректором Б. Б. Исправниковым.

На стажировку в Париж по приглашению А. С. Кончаловского и Жана-Поля Бельмондо Николай Ващилин приехал только в 1989 году. Курс трюковой подготовки актёров в ЛГИТМиКе с 1982 года больше не существует, а сценическое движение преподаёт неуклюжая лыжница с нашей кафедры, скрипевшая от зависти зубами на наших увлекательных занятиях, престарелый профессор кафедры сценического движения Тамара Васильевна Петрова. А. Массарский, получив второе гражданство в Германии в придачу получил звание Заслуженного работника культуры России на основании только лишь звуков и заговоров, вылетающих из его многословного и велиречивого рта. Николай Сысоев, друг Лифшица и Шулькина, тоже был награждён этим почётным званием на основании многолетних забавлялок в спортивной массовке и написании книги «Каскадёрские байки» полной похабени и матерщины. Ходюшин пристроился к ряженным казакам, а Корытин вошёл в состав ассоциации каскадёров России под руководством друга и соратника Япончика — Александра Иншакова.

Президентом России служит Владимир Путин, уволившийся из КГБ СССР во время государственного переворота в 1991 году, проигравший выборы Анатолия Собчака в 1996 году и понравившийся своей преданностью партии Семибанкирщины — царю-президенту Борису Ельцину и в новогоднюю ночь с 1999 на 2000 год явленный народу как сюрприз. С Новым годом! С новым счастьем!

Сибириада

В 1976 году Андрон Кончаловский начал снимать четырёхсерийную киноэпопею «Сибириада». Только тупой не понимал важности этого госзаказа. Андрону дали все права, чтобы кинофильм получился сверхгениальный. Фильм об истории нашей страны, о её народе, о героях — первопроходцах — революционерах, геологах, солдатах, нефтяниках. Могли бы рассказать и о добытчиках золота и алмазов, но в сценарии Валентин Ежов и Андрон Кончаловский придумали рассказать о нефтяниках. Наверное, потому, что в финале нужно было сделать огромный пожар и гибель героя. В алмазах так красиво не погибнуть. Для постановки трюков Андрон мог выбрать любого из действующих тогда каскадёров нашей великой многонациональной Родины. На Мосфильме бабачил Аркадий Блинков и руководил организованной группкой Вячеслава Иванькова /Япончик/, Александра Иншакова, Тадеша Касьянова, Александра Микулина и Леонтьева, Петра Тимофеева, Жени Богородского, Володи Любомудрова. На Ленфильме во всей красе мутил воду Александр Массарский с Димой Шулькиным, поднимали жало мои ученики — сотоварищи Сысоев, Василюк, Ходюшин, Корытин, Филатов, пытаясь протиснуться в узкие ячейки, придуманной Массарским, сети документов на статус каскадёра и постановщика трюков, на Рижской киностудии входил в раж новоиспечённый, после «Стрелы Робин Гуда» Улдис Вейспалс, объединившийся с прибалтом из Таллина, таким же мастером современного пятиборья, Алдо Тамсааре, расправлял грудь организатор трюков Александр Филатов, высказывал бредовые идеи на страницах газет одессит Владимир Жариков. Но Андрей Кончаловский постановщиком трюков на «Сибириаду» выбрал меня.

Приехав на Мосфильм и прочитав сценарий, я поспешил отказаться от работы, объяснив Кончаловскому, что таких феноменальных трюков я ещё не ставил и вряд ли у меня получится. Андрон рассеял мои сомнения, сказав, что таких трюков в советском кино никто ещё не ставил и он поможет мне. К тому же на картине работал вторым режиссёром Володя Любомудров, каскадёр-конник и ученик Петра Тимофеева. Он тоже обещал помочь, когда станет совсем трудно. И я взялся за эту, Богом посланную, работу.

Я учился на третьем курсе аспирантуры и свободного времени у меня было много. В отличие от всех моих конкурентов, которые были вынуждены работать на основном месте тренерами,

инженерами и халдеями. Но предложения о сотрудничестве были отвергнуты всеми конкурирующими группировками. Им важно было добиться моего провала и занять моё место.

Но мои ученики из Театрального института и первой студии каскадёров при Ленфильме меня поддержали и согласились репетировать и сниматься в «Сибириаде».

Первую сцену снимали под городом Калинин /теперь снова Тверь/, где построили огромную декорационную деревню Елань на берегу реки Тверцы. В сценарии был описан эпизод, в котором герой Виталия Соломина, убегая от наказания своего отца Владимира Самойлова, должен забраться на вершину сосны и перепрыгнуть на другую, стоящую в нескольких метрах. Виталий Соломин доверял мне, наблюдая за моей работой со времён «Даурии», и смело полез на вершину для съёмки своих крупных планов. Потом мои каскадёры Володя Субботин и Юра Марков выполнили перепрыгивание на высоте тридцати метров и первая трюковая сцена была снята.

Можно было ехать и репетировать сцену драки братьев Соломиных с Николаем Устюжаниным, которого играл Виталий Соломин. Съёмки этого фильма растянулись на три года. За это время происходило множество разных событий в судьбах всех участников этой эпопеи. Я закончил аспирантуру, защитил диссертацию и был принят доцентом в Театральный институт. У нас в семье родился второй ребёнок, дочка Оля. Я купил шикарную квартиру в центре Питера с видом на шпиль Петропавловского собора. Но всё это вершилось параллельно с моими эпизодическими появлениями на съёмочной площадке «Сибириады» и постоянной подготовительной работы.

Киногруппа жила в гостинице «Тверь» и постоянно гудела. Как улей. Утром Андрон выбегал на пробежку и все постояльцы гостиницы пялились в окна на чудо-богатыря, поёживаясь и забираясь под одеяла ещё минут на сорок. Я жил в номере с Иваном Сергеевичем, дядькой Андрона, которого он в шутку называл Ариной Родионовной. Иван Сергеевич, упав на стройке, где он работал, в бетономешалку и чудом выжив, рисковать больше не стал и нашёл себе работу творческого характера. После удара у Ивана Сергеевича развилось чувство пастушеской простоты нравов и доверия к людям. Он ходил за продуктами на рынок и всем рассказывал для кого он берёт эти продукты, чтобы хозяйки выбирали самые свеженькие. Но хозяйки с него и денег не брали из любви к Кончаловскому, а Иван Сергеевич на них за это не сердился. По утрам он с большим любопытством расспрашивал меня кому и сколько палок я вчера кинул, а успокаивался только тогда, когда счёт оказывался в его пользу.

Тверские тётки были от него без ума. Приезжая на съёмки, можно было просидеть неделю в ожидании погоды и уехать ни с чем.

Для подготовки реквизита к трюковым съёмкам я приезжал в Москву и с важным видом ходил по цехам Мосфильма, где любой прихоти членам киногруппы «Сибириада» открывали шлагбаум. Ксения Маринина сняла обо мне репортаж для популярной передачи «Кинопанорама» и прославила меня на всю страну. В один из приездов на Мосфильм для изготовления бутафорского весла, которым можно было бить актёров по лицу, я встретил Георгия Эмильевича Юнгвальд-Хилькевича и получил от него приглашения на постановку трюков в его фильме «Д'Артаньян и три мушкетёра», который он начинал снимать на Одесской киностудии в 1978 году.

Поставив сцену драки братьев Соломиных, в исполнении актёров Сергея Шакурова и Александра Потапова с Николаем Устюжаниным в исполнении Виталия Соломина, в которой актёры по деревенски выразительно, но безопасно горели в костре и били друг друга специальным веслом по лицу, я заслужил похвалу от Андрона и подарок в виде шикарных итальянских сапог, которые он привёз мне из поездки в Венецию.

В Тверскую гостиницу часто приезжали иностранные гости к Кончаловскому и тогда гостиница превращалась во Дворец приёмов. Иван Сергеевич собирал на рынке все возможные деликатесы, а повара местного ресторана готовили вкусную еду за дополнительную плату от щедрого директора Эрика Вайсберга.

Когда приехала Лиф Ульман, известная шведская актриса и жена Ингмара Бергмана, пировали несколько дней подряд. Озорная, пышногрудая красота молоденькой Наташки Андрейченко никого в группе не оставляла равнодушным. И главный режиссёр, и Вечный Дед Павел Петрович Кадочников искали любого повода подержать её за изящную ручку. Не выдержал и я. Влюбился.

Творческие поиски и беседы с Кончаловским были для меня продолжением университетов, полученных от Григория Козинцева на «Короле Лире». Просмотры на Мосфильме мировых шедевров кинематографа, поиск новых решений сложных сцен, обобщая опыт известных режиссёров, мы с Кончаловским находили свои решения для его фильма. Объехав полстраны за три года, поучаствовав в съёмках пожаров, войны и пьяного, бесшабашного веселия, я превратился в хорошего профессионала. Можно было оформить диплом высших режиссёрских курсов и снимать свои фильмы. Так и сделал мой приятель, каскадёр Володя Любомудров. Он подготовил сцену пожара на нефтяной вышке, который снимали в Альметьевске и помог мне с

продолжением съёмок эпизода пожара в Москве. Главный оператор фильма Леван Пааташвили так сшил эти кусочки и сделал такую эстетику ночного кошмара, что кинематографический мир был потрясён. Режиссёрские находки Андрона позволили безопасно снять сцену гибели главного героя Никиты Михалкова в горящем тракторе на фоне полыхающего апокалипсического пожарища. Огонь опасная стихия. Хочется воды. Но и в воде люди тонут насмерть. А угарный газ от огня может стать причиной отравления и гибели большого числа людей, стоящих далеко от огня. Между тем, снимали всё это на заднем дворе Мосфильма. Я дублировал Никиту, тушили меня три моих товарища. Приехал начальник с Мосфильма для проверки. Я его тоже разок поджёг, затушил и заплатил за трюк 50 рублей. Он остался очень доволен. Правда один из каскадёров Саша Покрамович, после этого оставил трюковые съёмки и подался служить Богу в соборе посёлка Тярлево под Питером. Дело это более денежное, чем трюки, но менее опасное. А другой, Александр Соколов, так и вовсе вышел на пенсию. Наверное очень впечатлительные попались людишки.

После такой школы можно было податься в режиссёры, о чём я мечтал долгие годы. Но страх, лень и любовь к уюту не позволили мне променять место доцента в Театральном институте с огромной зарплатой в 500 рублей в месяц на грязь съёмочной площадки и жажду высказаться публично по тому или иному поводу. В 1979 году фильм Андрона Кончаловского «Сибириада» получил специальный приз жюри на международном кинофестивале в Каннах. И если мои сцены в фильме остались, значит и я что-то заслужил. Андрон всегда это помнил и награждал меня щедро. Слава Богу за всё!

Великий пост

Прокат «Утомлённых солнцем» по России подходил к концу. Не осталось ни одного уголка нашей огромной обглоданной Родины, где бы мы с Михалковым не побывали с его фильмом. И Сибирь всю объехали, и Дальний Восток. Везде принимали Никиту с таким радушием, что овации в зале переходили в скандирование лозунга «Правь нами, Никита!» и «Никита — Севера твои!». Телекомментатор Киселёв на НТВ подлил тогда масла в огонь, и прослышав про намерения Михалкова баллотироваться в президенты России, сделал с ним большое интервью на эту тему. Михалков убеждал Киселёва, что по сути управление страной мало чем отличается от постановки спектакля в театре, а поэтому лучшим президентом будет он, Михалков. Справился же посредственный актёришка Рональд Рейган с ролью президента Соединённых Штатов Америки. Во Владивостоке местный авторитет по кличке Пудель с прицелом на будущее приехал провожать нас на аэродром, остановил самолёт на взлётной полосе, поставив поперёк свой джип и принёс с братками в салон несколько ящиков шампузы. Пока не накачал всех пассажиров за здоровье Никиты Сергеевича, самолёт не тронулся с места. Я уже планировал поездки в Киев, на родину к оператору кинокартины Вилену Калюте и к сценаристу Рустаму Ибрагимбекову в Бакы, когда меня вызвал Михалков и сказал, что нужно уважить Ингеборгу Дапкунайте и съездить с картиной к ней в Вильнюс.

Я согласовал с Ингеборгой сроки на начало марта 1996 года и нашёл компанию, которая согласилась нас принять на коммерческих условиях за хороший гонорар. Это были две русские девчонки Инна Точёнова и её подруга Наташа, процветающие на прокате артистов из бывшего СССР в столице независимой Литвы. Планировалось уложиться в два дня с ночёвкой. Прилетели мы под вечер и, забросив вещи в отель, поехали в кинотеатр. Было воскресение. Прощёное воскресение. Последний день масленицы. Улетая из Москвы, Никита расточал объятия и просил прощения у соратников по студии ТРИТЭ. В самолёте решили в чистый понедельник начать новую жизнь, как когда-то в школе с понедельника начинали начисто писать в новую тетрадку.

Ингеборга с Никитой вышли после фильма и долго кланялись на аплодисменты. Внезапно зал притих и в проходе появилась рыдающая старушка с протянутыми руками, ковылявшая к Никите. Зал замер и смотрел на неё. Старушка подошла к сцене и

протянула руки. Никита поднял её, как ребёнка на сцену и поцеловал. Ингеборга поднесла к ней микрофон и её рыдания стали слышны всему залу. Потом сквозь слёзы она произнесла сокровенно: — Надя — это я!

Зал взорвался громом аплодисментов. Они гремели в честь той маленькой девочки на экране, у которой завистливый и злобный чекист Митя только что навсегда отнял отца.

Приём организовали в ресторане гостиницы, что могло облегчить наши полуночные блуждания по Вильнюсу. Но не тут-то было. Последний день масленицы нужно было догулять как следует. Православные люди после шести вечера начинают заговение на пост, а те, кто уже налил по самый воротник, гудели до утра. Мы закончили омовением в сауне с нимфами и сифилидами литовского производства.

Поутру сильно болела голова и хотелось опохмелиться. Литовские подруги принесли квасу и предлагали налить в него коньяку. По-русски они говорили неважно. Одну половину нужных нам слов лучше знала Инна, другую — Наташа. Поэтому мы ими менялись. Перед отлётом в Москву мы решили немного перекусить и попросили девушек заказать нам в ресторане какое-нибудь простое постное литовское блюдо, вроде варёной картошки. Принесли картошку под названием "цеппелины". Она и в правду напоминала своим видом немецкие дирижабли. Официантка, которая принесла картофельные дирижабли, вежливо предложила нам винную карту.

— Нет, нет, спасибо. У нас, православных, сегодня Великий пост начинается — сказал Никита.

Мы жадно откусили картофелины и вытаращили друг на друга глаза. По щекам текло литовское сало. Оказывается, рукоделы-литовцы готовят эти "цеппелины" из картофельного теста, щедро фаршируя его свиным салом. Подняв глаза на смущённую хозяйку, Никита отчаянно махнул рукой:

— Наливай, прости Господи.

— Благоприятного поста, батюшка — съязвил я.

— И тебе не хворать, праведник.

Честихранитель

Никите Михалкову — кинорежиссёру и семьянину.

Не скажу, что Никита был в Питере частым гостем, но когда случалось ему приехать на берега Невы, Астория ходила ходуном. Я был неизменным соучастником этих посиделок на правах аборигена. Я знал каждую собаку в Питере. Вернее каждую собаку женского пола. Мог вызвонить любого специалиста по широкому кругу вопросов. Антиквариат, валюту и фальшивые документы люди приносили в течении получаса. Встреча в Смольном на следующий день. Приём у Григория Васильевича Романова организовать не пробовал, но Владимир Яковлевич Ходырев только казался таким строгим. Дело, конечно, было не в деньгах. Вернее, не только в деньгах. В тот раз Никита приехал на кинопробы к Игорю Масленникову. На Ленфильме запустили «Собаку Баскервилей». Ни Вася ли Ливанов присоветовал Игорю Фёдоровичу попробовать на роль сэра Генри признанного русофила и русофоба Никиту Михалкова. Вот таким и должен был быть американец английских кровей.

Питер и его атмосфера вечной полярной ночи ещё была так свежа в ощущениях у Никиты, что несмотря на солнечные осенние денёчки он прятался в ресторане «Зимний сад». Вокруг него ютились разные люди. Прошлый год он провёл в Питере, снимая свой шедевр об Обломове и Штольце, заведя много нужных и не нужных знакомств. Киногруппа жила тогда в гостинице «Советская» и возвращаясь к ночи со съёмок, устраивала весёлые и долгие посиделки в ресторане на последнем этаже. Люди обедали, просто обедали, а между тем складывались их судьбы, разрушались жизни. И в этом С Антон Павловичем трудно не согласиться.

Мы сговорились, что я зайду в киногруппу «Собачки Баскервиллей» после четырёх часов и мы с Никитой "слетаем" в Сестрорецк прогуляться верхом по парку. Аркаша Тигай, второй режиссёр на картине, привёл Никиту из павильона и тот стал беседовать с директором Прусовским о дальнейших действиях по оформлению контракта. Дверь приоткрыла миловидная девушка и попросила Никиту выйти на минутку. Честно говоря, я подумал, что она хочет взять у него автограф и продолжал тупо смотреть в стену. Там висели разные фотографии по теме фильма. Но громкий и настойчивый женский голос в коридоре заставил меня выйти. Она стояла перед Никитой и утверждала, что родила от

него ребёнка. Потом вынула из кармана пальто какой-то флакончик и попыталась его открыть другой рукой. Приглушив стыд и стеснение, я схватил её длинные распущенные по спине волосы и плавно потянул за них вниз. Девушка осела и, истерично завизжав, начала корчиться на полу. Собралась толпа киношников и, скрутив девушке руки, они стали вызывать милицию и скорую помощь. Никиту поразила моя решительность и сноровка и с этого дня он стал считать меня своим спасителем.

Обстоятельства моей жизни заставили меня покинуть свой дом и согласиться с предложением Никиты помочь ему по работе в студии ТРИТЭ. Частное предпринимательство в России только входило в моду и таило в себе множество подводных рифов. Его студия, созданная на паях с Рустамом Ибрагимбековым, терпела убытки. Только что отснятый фильм "Утомленные солнцем" тащил за собой непомерные долги и ни одной компанией прокатчиков не покупался за приличную цену, несмотря на успех в Каннах. Было решено прокатывать его своими силами и начать, сам Бог велел, с премьеры в Нижнем Новгороде, где фильм и снимали. К тому же молоденький губернатор Боря Немцов, не избалованный московской элитой, обещал щедро принять гостей. С помощницей Михалкова по Фонду культуры Таней Шумовой мы за неделю выехали в Нижний готовить это ответственное мероприятие. Парились в бане у Володи Седова, вечерами сидели в баре ночного клуба известного предпринимателя Андрея Климентьева, где часто пела моя любимая Лайма Вайкуле. В роскошном здании Театра Юных Зрителей установили проекционную аппаратуру и широкую аллею, ведущую ко входу, устлали красной ковровой дорожкой из разорённого Областного комитета коммунистической партии СССР. Недлинной вереницей перед стоящим на возвышении Никитой прошлись почётные гости во главе с Сергей Фёдоровичем Бондарчуком с супругой. Замыкал процессию высокий стройный джентльмен с большим букетом. Подойдя поближе к Михалкову, он отбросил букет и обнажил сверкающий кухонный нож. Оказавшись за его спиной, я, ухватив парня за воротник пиджака, осадил его на землю и завернул руку. Подскочил милиционер и мы оттащили мстителя в сторонку. Он разрыдался, сквозь слёзы что-то причитая про свою совращённую дочь Еву. Оставив его на попечение ментам, я вернулся в зал, где Сергей Фёдорович произносил дифирамбы преемнику российской кинематографической славы.

Когда вслед за этим мы приехали к Шурочке Яковлевой на фестиваль «Янтарная пантера», она сразу на аэродроме представила нас своим чеченским друзьям и спонсорам фестиваля. Они подъехали на белом лимузине прямо к самолёту,

подчеркнув разницу в правилах и понятиях между Москвой и Калининградом. Мне казалось, что лучше бы держаться от них подальше, но Никита полез с ними брататься и прижиматься грудями. Любил он якшаться с криминалом, катить у них под своего. Козырным у чеченов был стройный, худощавый красавец Ваха Абдулхалимович Магомадов, лет сорока от роду. Каждое утро Ваха и его абреки подъезжали за нами на шикарных мерседесах и везли на Куршскую косу, проходя погранзону с той лёгкостью, с которой острый нож проходит сквозь масло. Веселье и щедрость царили сверхъестественные. Алиса Признякова, подружка Михалкова, чувствовала себя в стране чудес. В Ниде нас принимал его литовский партнёр Витас и расточал перед нами кавказскую щедрость. Мои сомнения прояснились, когда в последнее воскресение июля, в Балтийске праздновали день Военно-Морского флота. Ваха пригласил нас на крейсер и представил Никиту командующему Балтийским флотом, как своего лучшего друга. Мимо крейсера проносились торпедные катера, сновали быстроходные яхты, гремели залпы салюта и духовой оркестр.

Спустя месяц в Москве, в студии ТРИТЭ в Малом Козихинском переулке появился Ваха с абреками, в белом смокинге с белой бабочкой и был принят, как шейх арабских эмиратов. По просьбе Никиты я выполнил ряд его поручений и связал Ваху с высокопоставленными людьми. Были некоторые коммерческие сделки в Чарабанке и других злачных местах. Принял их у себя и Юрий Михалыч. С жадностью голодных волков кавказские предприниматели скупали квартиры. Потом всё стихло и чеченский след занесло снегом. Пришла зима.

Весной 1995 года Никита вызвал меня в кабинет и сообщил тревожно, что Ваха исчез с горизонта и не отвечает на звонки. Уже полгода. А осталась не возвращённой сумма долга в пятьдесят тысяч долларов. Деньги небольшие, но хотелось бы их вернуть. Из принципа.

Долго я искал Ваху по телефонным справочникам и разным совместным знакомым. Известия не радовали пунктуальностью связей и верностью обещаний. Его литовский партнёр Витас, телефон которого на всякий случай я срисовал в Ниде, заныл, что абреки его кинули и он больше знать их не хочет, но дал контакт в Киеве, где он однажды у них ночевал. По своим киевским друзьям я пробил этот телефончик и взял его на заметку. После нескольких месяцев поисков и вычислений я вышел на Ваху и услышал его растерянный голос. Судя по этому голосу, мне он был не рад. Но я мог ошибаться. Подозрительный я с детства. Оказалось, что он давно мечтает вернуть Никите долг, но не

знает, как его застать дома или в студии ТРИТЭ. Сказав, что завтра будет в Москве и позвонит обязательно, он снова пропал, как сквозь землю. У Никиты уже был похожий случай десятью годами раньше с финским предпринимателем по имени Матти Грюнлун. Кода после долгих поисков у питерских комсомолок, я отловил того в отеле «Европейская», он сбивчиво объяснил, что выполнял все указания вкладчика и деньги прогорели при неудачной сделке. Крыть тогда мне было нечем. Тут история была похожей. Ваха объяснил мне, что тот товар, в который они с Никитой вложили деньги, накрылся медным тазом и он ничего ему не должен. Когда я попросил Ваху объясниться с Никитой лично, он сослался на жгучий стыд, который терзает его чеченскую совесть. У них на Кавказе так не принято. Ситуация заходила в тупик.

Летом 1996 года в процессе подготовки маршрута выступлений в агитбригаде эстрадных звёзд по выборам Ельцина я снова отметил на карте самый западный город на берегу Балтийского моря и по рекомендации одного московского чина Александра связался с представителем компетентных органов. В числе прочих, необходимых в таких мероприятиях вопросов я попросил его оказать мне ещё одну услугу. Шурочка, узнав о нашем приезде по такому поводу, сообщила об этом Вахе и вскоре я услышал в трубке его бархатный голос. Узнав о здоровье всех родственников, я слёзно просил его разобраться с моим обидчиком и обманщиком в Польше. Оказалось, что Ваха не может выехать в Польшу уже целый месяц по причине отсутствия визы. И, если я помогу ему в этом вопросе, он обещал привезти мне поляка в коробке из-под конфет. Условия моей помощи не превысили сумму упомянутого долга. Чужого добра мне не нужно. Несколько раз мы договаривались встретиться в Москве, но не случалось. Потом Ваха назначил мне в встречу в Паланге, в отеле на берегу моря. Я согласился и сел в самолёт. Я приехал со своей литовской подружкой Инной, которая встретила меня в аэропорту Вильнюса и отвезла в Палангу на своём «Форде». Подъехав к маленькому отелю Атгирис, мы выпили кофе на террасе, прошлись по берегу. Усадив её в машину и попросив подождать, я вернулся в отель. Ваха появился через час, когда уже смеркалось. Мы обнялись и пошли к морю. За нами поодаль шли его абреки. Говорили об изящном. О его новом «Бентли», о жене, о детях, о войне в Чечне, которая всех задолбала, о Шурочке, которая решила вернуться в Петербург, о янтарной комнате, которую ищут в окрестностях Кёнигсберга. Он даже вспомнил ту давнюю историю со съёмками фильма "Свой среди чужих, чужой среди своих", которую ему поведал Ахмет. Дело там заключалось

в обиде чеченов на то, что, пригласив их на съёмки и собрав с них по три рубля, Михалков не показал их лиц на экране, вырезал всё в монтаже. Тогда чечены подали в суд и посадили администратора киногруппы Михалкова, который собирал с них деньги, но Никиту им было не достать. Потом Ваха подозвал Исмаила и тот протянул мне рулон баксов, перетянутых резинкой, с трудом умещавшихся в руке. Ваха посмотрел на меня и сказал, чтобы я всё объяснил Никите правильно. Я обещал. Мы снова обнялись и я пошёл в темноту, где светился красными фонариками Иннкин "Форд".

Никита сдержанно улыбнулся и честно, по-братски поделил куш. Потратить деньги мы решили по-разному. Я собрался во Францию к своей подружке, которая присмотрела мне дешёвенький домик недалеко от Дёвиля, а Никита перед тяжёлыми съёмками «Сибирского цирюльника» хотел оттянуться в Нижнем Новгороде у своего хлебосольного друга Седова. Вышла заминка. Ехать он туда хотел со своей юной подружкой Алисой, с которой уже второй год крепко дружил. Но для его домашних Алиса числилась моей девушкой, а я старым развратником, несущем пакость в их уютный, чистый дом. Я этим обстоятельством мучился, выслушивал разные упрёки от жены Никиты, когда мы вместе ходили на причастие в церковь Николы в Аксинино, и обещал этот блуд прекратить. Обещал Тане, себе и Никите. И на этот раз решил обещание сдержать. Сказал Никите, что не могу с ним поехать, потому что не хочу. Его барский гнев нарвался на мой. Всё было кончено. Двадцать лет дружбы, совместных причастий, гомерического хохота, изнурительного труда разлетелись осколками ядрёного коммунального взрыва.

Дом я не купил, хотя он мне очень понравился. Не смог в старости, обессилевший, покинуть Родину. Не хватило сил. Алиса ушла от Никиты к Андрею Ананову, с которым тот взасос дружил. Чеченская война закончилась всенародным братанием и возведением новых домов и мечетей. На наших кладбищах прибавилось могил. Никита подружился с Борей Березовским и поехал с ним в Чечню спасать пленных. Потом на экраны вышел фильм «12». Не то полдень, не то полночь, не то группа новых апостолов.

Метафора чего-то очень значимого, высоконравственного. Видимо о защите человеческой чести и достоинства. А может о национальном вопросе в России. В назидание потомкам. Я, правда, его не видел. Не хочу.

Прошло много лет. Никита Михалков снял вожделенный им «Солнечный удар» о страстной любовной встрече двух не знакомых людей — поручика и дамы, плывущих на теплоходе по

своим делам. Только вот роль этой женщины сыграла не Алиса, для которой эта роль придумывалась Михалковым. И теперь уже никогда не сыграет.

P.S.

Довольно внушительная чеченская диаспора (около 800 человек) в Калининграде, по оценкам правоохранительных органов, ведет себя законопослушно, занимается бизнесом, в криминал не лезет. По оперативной информации, даже вор в законе Хусейн по кличке Слепой во время краткосрочного визита в регион не смог их сбить с правильного пути, склонить к противозаконным поступкам.

Лидер диаспоры — Ваха Магомадов, хоть и знаком сотрудникам управления по борьбе с организованной преступностью с момента появления в области (живет здесь почти 30 лет), но в поле зрения правоохранителей не попадал с 1999 года. Тогда УБОП возбуждал против него дело, которое впоследствии прекратили. Еще раньше Ваху задерживали на 15 суток за оскорбление дамы на почте в Октябрьском районе.

В Калининграде в последние годы Магомадов появлялся редко, наездами, у него бизнес за пределами региона. Он купил рыболовное судно, которое вело промысел у побережья Африки. Потом корабль арестовали.

Кстати, в свое время он закончил в Калининградском государственном университете юридический факультет. Причем учился на одном курсе с нынешним прокурором Октябрьского района Таисией Соловьевой. Знающие его лично люди отзываются о Магомадове, как о спокойном, рассудительном человеке.

Ахмет Закаев, друг Ванессы Редгрейв и всех Чеченов. Снимался в фильме Никиты Михалкова "Свой среди чужих, чужой среди своих" в 1973–1974 году в г. Грозном вместе с моими студентами ЛГИТМиК чечено-ингушской студии, курса В. В. Меркурьева и И. В. Мейерхольд.

Заместитель директора кинокартины "Свой среди чужих, чужой среди своих" собрал и присвоил деньги чеченских артистов массовых сцен в г. Грозном в 1973–1974 годах и был осуждён

советским судом к шести годам колонии строгого режима. Никита Михалков, режиссёр фильма, сделал вид, что ни о чём таком, происходящем в его киногруппе, не догадывался.

Опасные гастроли

Балет я любил с детства. С того сказочного новогоднего вечера, когда мама отвела меня в Мариинку на «Щелкунчика». В свадебном путешествии в Крыму в Доме отдыха ВТО в Мисхоре мы подружились с артистами балета из Большого театра Ирой Прокофьевой и Андреем Кондратовым и часто ездили на их спектакли в Москву. Для советских людей такой вояж был делом нелёгким и недешёвым, но очень престижным и увлекательным. Педагогом — репетитором у них была Галина Сергеевна Уланова и, чтобы прикоснуться к её гению, я часто посещал и их репетиции. В те годы я писал диссертацию по проблеме регистрации и оценки техники движений человека, продолжая труды Этьена-Жюля Марея, и мне было о чём поговорить с Галиной Сергеевной. Слава Богу, она мне в этом не отказывала.

Много раз заметало снегом Россию и много раз снега оттаивали за прошедшие годы. В 1997 году люди снова жили в предчувствии катастрофы. Поставленный бандитами Ельцин еле шевелил языком, а жулики из семибанкирщины растаскивали по кускам Россию. Бесконечные ряды строителей коммунизма и победителей Гитлера, продающих из трясущихся рук всякий хлам тянулись вдоль улиц городов бывшего Советского Союза. Привычные профессии учителей и учёных народ нехотя менял на челночников и продавцов. Привыкали к бандитам, собирающим дань с бизнесменов, привыкали к откатам и засылам. Привыкали к уклонению от налогов, которые только что ввели в финансовую деятельность предпринимателей. Профессоров и доцентов новые русские опустили ниже плинтуса и моей профессорской зарплаты проректора не хватало, чтобы прокормить безработную жену и двоих деток-студентов. Три года работы с Никитой Михалковым по прокату его фильмов в городах и весях архипелага гуляк дали мне новую профессию по организации гастрольной деятельности. Мне показалось, что этим можно заработать немаленькие деньги. Получалось неплохо.

Три года назад я уехал в Москву не от сладкой жизни. Жить дома тогда становилось невмоготу. Жена вертела хвостом перед новыми грузинскими делягами, потакала вольнице детей и стала для меня бывшей. Дочь после аварии восстанавливалась медленно. Нервы звенели у всех, как струны.

В это время в июне 1994 года в Питер приехал Никита на Фестиваль Фестивалей. Людмила Томская устроила ему встречу со зрителями в Тосно и выплатила гонорар в триста долларов. В то время для Михалкова большие деньги. Никита приехал с

девушкой и был весел и беспечен. Он закончил съёмки «Утомлённые солнцем» и сидел без копейки. В прокат картину никто не брал. Деньги прокатчики делали на американских боевиках. Кинотеатры переделали в Казино. Никита предложил мне взять в институте отпуск и заняться прокатом фильма. Я недолго думал и согласился. Манила возможность проехать по России и прильнуть к прихватизации.

Жил я в скромном номере 14 гостиницы «Мосфильмовская», но большую часть времени проводил на Николиной горе у Никиты на даче в комнате Андрона на втором этаже старого дома с балконом в сад. Мы спланировали премьеру летом в Нижнем Новгороде, а потом — осенью в Москве. Получив прессу и рекламу по телевидению, предполагалось начать «чёс» с фильмом по стране. После череды предательств, с оголёнными, как искрящие провода, нервами я, наконец-то, расслабился и прислонился к плечу друга. А он к моему. Тогда в мае 1994 года на кинофестивале в Каннах с «Утомлёнными солнцем» в интервью по телевидению, в котором он объяснял такое количество врагов и нелюбовь к нему Элема Климова, Никита сказал на всё страну, что у него есть только один друг — Коля Ващилин. Так мы и грелись под дождём, снегом, на вечной мерзлоте Норильска, на сухих ветрах Дагестана и промозглых туманах Владика.

Премьера в Нижнем Новгороде прошла блестяще. Фильм показывали в Театре Юного Зрителя. ТЮЗ стоял на широкой площади и позволял создать торжественную атмосферу с шествием гостей по красной дорожке. Уютный зал располагал к просмотру, а предстоящий ужин на трёхпалубном теплоходе, дожидавшимся у пристани на Волге, создавал настроение беспечности и праздника.

Гости собрались знатные. Цвет советской кинематографии и новороссийского бизнеса. После просмотра киногруппе, артистам и Михалкову устроили овацию, а Сергей Фёдорович Бондарчук провозгласил Никиту наследником советской кинематографической Славы.

Шампанское било фонтаном, водка лилась рекой. Севрюжки и осетры в собственной икре манили гостей своими плавниками закусить своим телом в румяном, хрустящем блинчике. Митя Бузылёв рвал сердца приглашённых цыганскими романсами до первых лучей солнца. Мы с Таней Шумовой выпили за успех работы, которая кипела в наших руках и головах две недели. Конечно, при поддержке губернатора Бориса Немцова и купцов Нижнего Новгорода. Андрей Клементьев устроил приём в честь Никиты в новом ночном клубе, а Володя Седов прокатил всех на

теплоходах до Макарьева монастыря, накормив всех стерляжьей ушицей с расстегаями.

Первым, кто клюнул на наживку и пригласил нас к себе, был губернатор Ярославля Анатолий Лисицын. Тройник он почувствовал не сразу. Мы полетели с ним на его вертолёте. Комиссия по встрече выстлала на площади красную ковровую дорожку и махали букетами цветов. Приближаясь к земле, винт вертолёта создал мощный вихрь и красная дорожка начала подниматься как кобра, пытаясь замотать морским узлом винт вертолёта. Наша гибель стала неизбежной.

Божией милостию ангел-хранитель изменил поток ветра и ковровая дорожка улетела в сторону Змеем- Горынычем под оглушительный дьявольский посвист винта, а мы благополучно приземлились. Надкусив хлеб с солью и прильнув с засосом к устам красавиц, мы напоролись на краснощёкого мужика со знакомым запахом перегара. Тряся Никите руку, он как заклинание бормотал «муж мэра, муж мэра». Оказалось, что его жена — мэр города Углича, а он просто очень рад. Жизнь у него удалась. С утра нам дали помолиться и позвонить в колокола, а потом стала отрабатываться схема приёма на многие годы проката фильма по городам необъятной России — баня, массаж, ответы на вопросы, кино, ужин в стрип-баре, плавно переходящий в завтрак. Когда губернатор Лисицын узнал цену вопроса, у него помутнели голубые глаза. Оказалось, что все кинотеатры в Ярославской области давно переделаны в Казино и показывать фильм негде. Я объяснил Коле Воронину, что они могут кино и не показывать, но оплатить покупку нескольких копий фильма — дело святое. Жалоба на мой зверский аппетит бескорыстному Никите к снижению цен не привела, но он получил исчерпывающую характеристику моей кровожадной личины. По нашему с ним сценарию он играл роль бескорыстного художника, а я кровожадного антрепренёра Карабаса-Барабаса. К утреннему отъезду наша парочка больше напоминала Лису-Алису и Кота-Базилио, сваливающих от деревянных человечков с их золотыми. Так мы и разводили всю Россию. Но…на всякую хитрую попку есть болт с резьбой.

Объяснили мне это конкретные пацаны из Владивостока. Мои звонки и переговоры по телефону с представителями администрации края или области не открывали ширму и не обнажали истинных связей власти и бизнеса. А они везде были. Скажу больше — они везде были очень тесными. Приехать и уехать в какой-либо регион Российской империи под охраной милиции было полной иллюзией. Милиция стояла при встрече на третьем плане с верноподданным видом. На втором

представители власти. А на первом — авторитетные люди края. Как они скажут, так и будет.

Во Владивостоке нас встречал Пудель. Заскорузлое совковое представление об определенном порядке на аэродроме улетучилось, когда с нашим Боингом Трансаэро сразу после касания шасси покатились рядом шестисотые мерседесы и сопровождали до полной остановки самолёта на стоянке у аэропорта. Из машин вышли люди в чёрных длинных пальто, а один лысый в норковой шубе. Мне стало страшно. Москва была далеко. Тихий океан с Марианской впадиной, глубиной в одиннадцать километров — совсем рядом. Я собрал волю в кулак и посоветовал Никите не садиться к ним в машину без меня. Именно это и случилось. Лимузин с Пуделем и Никитой улетел вдаль, поднимая столбики пыли. Меня вежливо посадили в мерседес и молча повезли на восток. Теперь он стал Ближним. Когда мы спустились в подвал, где по моим представлениям меня должны были замочить, на душе просветлело. Это было подземное царство Пуделя с огромным бассейном, каменными сводами в огненных бликах, парилками, барами и сонмищем голых русалок. Среди них я увидел Никиту, завёрнутого в римскую тогу, и на душе стало спокойно. Пригубив коньяку Хеннесси, по телу поползло приятное тепло и беспечность. Проявлять свои организационные способности я счёл неуместным. Категории пространства и времени исчезли из моего сознания. Жаркий пар раскалял мою кожу, а ледяная вода бассейна её остужала для того, чтобы прикосновения тёплых рук массажистки казались магическими. Когда, оторвавшись от сладостных губ, я услышал вопрос знакомого Никитиного голоса о баулах с киноплёнкой, я не мог понять, как он оказался на этом курорте. Пощёлкав пальцами перед моим носом, он попросил кого-то посмотреть за мной и исчез в густом тумане турецкой парилки. Разбудила меня горничная, очень похожая на вчерашнюю русалку, и подала горячий ароматный кофе в постель. Я спросил её имя, которое тут же забыл. Голова очень сильно кружилась. Она меня одела и повела к лифту. В холле меня ждал Никита с толпой мужественных моряков, норковых шуб, взбитых волос, капроновых чулок и длинных каблуков. После принятия на посошок жгучей ароматной жидкости стало легче и веселее. Меня разбирал дикий хохот. Погрузив меня в машину, незнакомый мужчина протянул мне пачку денег и шепнул «как договаривались». Сознания хватило, чтобы понять происходящее, и я по деловому запихнул деньги за пазуху. Сильный ветер и огромный самолёт с ревущими двигателями подсказывали, что мы приехали на аэродром. Как на Эверест, я поднялся по трапу и

вошёл в переполненный салон самолёта. Рядом со мной сел Никита. В проходе стоял Пудель и умильно улыбался. Принесли ящики с шампанским. Пассажиры стали пить здоровье Никиты и орать хором «К нам приехал наш любимый Никита Сергеевич дорогой! Никита, Никита, Никита! Никита, Никита, Никита!» Проснулся я от звенящей тишины. Двигатели самолёта мерно гудели. Рядом мирно спал Никита. Мы куда-то летели по синему небу.

Шофёр Никиты Толя, по кличке «рафинад», вошёл в салон и стал выносить наши сумки. Уже в машине я спохватился и потрогал деньги. Они были на месте. Мы ехали молча, иногда переглядываясь и сотрясаясь от хохота. Вера подала ужин. Никитина тёща, улучив момент, когда он вышел на террасу, и подсев ко мне, спросила скрипучим голосом:

— Молодой человек! Вы всё время будете с ним ездить? Вы что ему — жена?

Вошёл Никита и спас меня от грубого ответа. Спал я без задних ног.

На другой день мы приехали в студию и я созванивался с администрацией Норильска о покупке в прокат фильма «Утомлённые солнцем». Начальник отдела культуры постоянно кого-то переспрашивал и давал согласия по нашему райдеру. Потом следовал вопрос о личном присутствии Никиты Сергеевича на премьерном просмотре фильма. Здесь начиналось недопонимание в итоговых гонорарах белыми и чёрными, налом и безналом. Потом переговоры прерывались на некоторое время до завершающего звонка о полном согласии сторон. Можно было заказывать билеты и лететь изучать географию родного края дальше. Норильск, Красноярск, Новосибирск, Тюмень, Якутск, Воркута, Самара, Киев, Алма-Ата… Райдер Михалкова распух и начинался с теннисной партии с ведущим теннисистом края. Никита в 1994 году, пока Шама с Отариком его не задвинули, был президентом Федерации тенниса России. Потом несколько ударов с губернатором, потом баня, массаж и лёгкий завтрак. К вечеру, переодевшись в гостинице, мы ехали в местный дворец искусств и Никита довольно коротко отвечал на вопросы зрителей, не забывая похвалить Ельцина. Так он зарабатывал Его доверие и отмывался от дружбы с опальным вице- президентом России Сашей Руцким. Потом, запустив кинокартину, мы успевали на трезвую голову поговорить с губернатором и узнать, что можно ещё выкупить из госимущества по бросовой цене. Моментально выставлялись встречные просьбы к Кремлю. Дальнейшее таинство Никита старался переключить на себя, обводя мои интересы чертой оседлости.

В каждом городе хозяева отмывали нас до бела, мы отмывали до бела их чёрные деньги, народ смотрел кино, жёны ареопага танцевали Никиту. Кто музыку заказывает, тот Никиту и танцует. Через год такой деятельности я понял, что спиваюсь.

Окучивать Прибалтику мы начали с Таллина, оттянулись в Риге и приехали в Вильнюс. Сопровождала нас соблазнительная пышка, послушно притащившая в Ригу весь гонорар авансом. Там мы с ней и познакомились поближе. Конечно в бане. По-моему, мы понравились друг другу. Приехав в Вильнюс, мы это перепроверили и убедились в том, что не ошиблись. Премьера прошла удачно и мы стали навещать друг друга в Вильнюсе и Москве. Само собой созрел план приглашения в Вильнюс артистов разных жанров с целью просвещения литовцев и извлечения прибыли. Несколько успешных предприятий вскружили мне голову. Совершенно случайно пришлось встретиться с одним бизнесменом из Чечни в Паланге и получить с него солидный долг. По причинам безопасности я не хотел тащить деньги поездом в Петербург, куда решил заехать на выходные. Плотские радости открыли во мне к Инне сильное доверие и я решил оставить деньги у неё в Вильнюсе.

Прогулки по Питеру возвращали меня к жизни. Проехав страну вдоль и поперёк, я не мог себе представить места, где мог бы добровольно остановиться и жить. Страна представляла собой какую-то Сталкеровскую зону с разрушенными заводами, высоковольтными линиями и залитыми нефтью болотами. И только здесь, в Питере, прогуливаясь по Невскому или вдоль Невы, я чувствовал себя достойным человеком, награждённым радостью бытия.

В Мариинский я зашёл по делу. Маэстро Гергиев приглашал Никиту поставить оперу «Князь Игорь» и просил меня утрясти кое-какие вопросы. Директора балетной труппы Махара я знал давно и обрадовался встрече. Он стал рассказывать о нищенском положении артистов, о бандитском беспределе, а потом предложил мне организовать гастроли балетной труппы в Лондон. Не долго думая, я согласился, но для начала решил порадовать фанатиков Вильнюса. Махар не возражал и мы ударили по рукам.

Поезд в Вильнюс отправлялся в полночь. Визу в консульстве я оформил групповую с руководителем Махаром. Драгоценности Мариинского балета оживлённо ждали отправления поезда на перроне. Пришёл Фарух и сообщил, что Махар поехать не может. У него возникли проблемы. Мне не было обидно, что он просто меня кинул и не захотел тратить время на поездку. Конечно, я мог справиться и сам. Но групповая виза была мною оформлена

на него и на границе литовские парни могли нас просто завернуть обратно. В середине ночи поезд остановился на границе в Пыталово. Наши погранцы пропустили нас без пыток, а вот литовцы, посмотрев на паспорт Махара, переданный им для проезда Фаруху, стали пристально вглядываться в моё крестьянское лицо. В это время я тарахтел, как кофемолка, приглашая их с жёнами на спектакль артистов балета за пятьсот километров в городе Вильнюсе. В этот день звёзды встали как надо и нам открыли семафор.

Инна встретила меня с восторгом и поселила в моей любимой гостинице «Стикле». Фарух попросил репетицию для труппы и мы сразу поехали в оперный театр. Литовцы с радостью встретили наших и проводили их в репетиционный зал. Мы с Инной проехали по городу, посмотрели рекламу, заглянули в кассы. Билетов не было. Это сулило успех. Большой успех. Мы поехали в гостиницу и стали ждать вечера, наслаждаясь уютом.

Приехав за час до гала-концерта, я зашёл к директору оперного театра, чтобы договориться о расчетах. Аренда была мной оплачена заранее. Оставалось получить выручку с билетов и праздновать успех. Директор, хитрый и циничный литовец, развёл руками и сообщил, что ни одного билета не продано. Литовцы то ли не любят балет, то ли не видели рекламы, то ли у них кончились деньги на культурные мероприятия. Не сбавляя темпа речи он стал меня успокаивать и обещал за считанные минуты собрать полный зал своих знакомых, чтобы создать праздничную атмосферу для русских артистов. Инна сидела бледная. Я просил её нанять людей и продавать билеты самостоятельно, а она упиралась и убеждала меня в порядочности этого директора, который к ней очень хорошо относится. Рядом с Инной сидел Андрей в малиновом пиджаке, который тоже к Инне очень хорошо относился. Я своими руками и голосом должен был упросить директора наполнить зал людьми и обворовать меня до нитки. Мне ничего не оставалось. Я это сделал.

Зал был полон, люди висели гроздьями на балконах. Несравненная Ульяна Лопаткина, прелестная Анастасия Волочкова, Юлия Махалина, дуэт Дианы Вишневой и Фаруха Рузиматова танцевали под несмолкающие овации. Что признала Инна, как свой просчёт, это то, что она забыла договориться о корзинах цветов для звёзд мирового балета. Ужин был прекрасным. Все ели с большим аппетитом. Где- то вдалеке ненавязчиво звучало пианино. Мне оставалось выплатить из своего кармана гонорар артистам, чтобы все были довольны гастролями Мариинского балета в Оперный театр Вильнюса. Грустным был только я.

Попрощавшись с Инной, я был счастлив, что удалось забрать в банке свои деньги. В поезде я рассчитался с артистами и закрылся в своём купе, оставив их радоваться своему успеху и благополучному концу. В Пыталово поезд остановился и в вагон вошли русские таможенники. Два псковских нищих мужичка в кепках с зелёными лычками, ничего кроме Пыталово в жизни не видевших. Я сунул им свою декларацию и смотрел в темноту за оконным стеклом. Истошный крик таможенника разорвал ночную тишину вагона:

— Сто тысяч долларов?

Изо всех купе вагона высунулись сонные рожи и уставились на меня.

— Пройдёмте!

Они долго вели меня по перрону и затолкали в какую-то собачью будку, которая у них считалась таможней. Один сел на табурет, закурил беломорину и стал пристально смотреть на меня, другой аккуратно пересчитывал деньги.

— А поезд не уйдёт? — Осторожно поинтересовался я.

— Поезд уйдёт, а ты останешься. — равнодушно заключил тот, что курил папироску.

— Точно. Сто тысяч долларов.

Поезд бесшумно тронулся и поехал в Питер.

— А-а-а! — заскулил я, понимая, что они могут взять мои деньги, а меня мёртвого закопать в канаве на окраине Пыталово.

— Номера сличай. Может он фальшак везёт? Так мы его определим в казённый дом.

Таможенник с сухой, изголодавшейся рожей стал сличать номера сотенных долларовых купюр. А я начал молча, про себя, молиться Богу.

К утру они закончили сверку. Фальшивых долларов не обнаружилось. Они отдали мне пачку денег и разрешили идти.

— Спасибо. — процедил я. А как мне теперь добраться до Питера.

— А скоро минский пойдёт. Садись и уёбывай.

Спорить я не стал. Действительно, скоро подошёл минский. Проводница седьмого вагона посадила меня на боковое место за пятьсот рублей. Мне хотелось расцеловать её, как родную мать.

Меня спас ОСКАР. Поездка в Америку на церемонию вручения призов Американской киноакадемии прервала череду банно — прачечных процедур. Это было похоже на отпуск, на заслуженный отдых в санатории Совета министров, на экскурсию в страну линчевания негров и жёлтого Дъявола. Тринадцати часовой перелёт в Лос- Анджелес окончательно убедил меня в том, что живу я теперь в другом измерении. Покачивающийся пол

салона авилайнера стал для меня, как для моряка воздушного океана, родным и привычным. На земле меня покачивало из стороны в сторону. Даже на американской.

Никто не знал чем закончится этот бал у Золотого тельца. Продолжался он несколько часов к ряду. Сцена и часть зала работали как станки ткацкой фабрики, без остановок и перерыва на обед. Никита несколько раз выходил в фойе и пропускал дозу вискаря. Финал приближался. Публика пребывала в полном изнеможении. Самые острые шутки, от которых зал взрывался пару часов назад, вызывали только рокот приглушённого смеха.

— И ОСКАР за лучший фильм на иностранном языке уезжает в РОССИЮ. ОСКАРА получает режиссёр и продюсер фильма «Утомлённые солнцем» Никита Михалков.

— Зал взорвался аплодисментами так, как будто открыли огромную бутылку Шампанского, как будто прозвенел будильник и все проснулись, как будто и не было этого изнурительного многочасового марафона выдачи призов, пения, плясок и длинных, трогательных речей.

Никита вскочил с места, схватил за руку Надю и твердым, уверенным шагом пошёл на сцену под оглушительную овацию звёзд мирового кинематографа. Он стоял с ОСКАРОМ в одной руке, Надей, поднятой на другой, и слушал гром рукоплесканий самых обворожительных красавиц и неотразимых киногероев, улыбающихся такими знакомыми ослепительными улыбками.

Восемь с половинкой

Марчелло Мастроянни, Никите Михалкову и дружбе между народами.

Ранним январским утром 1986 года, когда вся страна отходила от новогодних праздников и опохмелялась, чем Горбачёв послал, в моей квартире зазвонил телефон. Нехотя высунув руку из-под одеяла, я дотянулся до телефона. В трубке зазвучал озорной фальцет Никиты Михалкова, который сообщил мне, что он приехал в Ленинград и не один, а со своей женой Татьяной. Пауза была недолгой и я не успел испугаться, что придётся придумывать какие-нибудь развлекушки. Никита сообщил, что привёз ещё и Марчелло Мастроянни показать ему картины Эрмитажной коллекции. А в три часа пополудни он привезёт Марчелло в Дом кино и, что меня он тоже приглашает. Сон как рукой сняло. Я даже мог не умываться, но привычек нарушать не стал. В Театральном институте, где я служил доцентом, шла зимняя сессия и у меня расписание было свободное. От неожиданной радости тряслись руки и я с трудом заваривал утренний кофе, предвкушая встречу с кинокумиром моей юности. За праздники еду в доме подмели так, что нечего было приложить к кофе и я пил его, прикусывая чёрными сухарями, присыпанными солью. Но полученное известие превратило соль в сахар. Такого новогоднего подарка я не ждал даже от Деда Мороза. Радость хотелось с кем-то разделить, но под рукой никого не было. Дети на каникулах в Репино, а жена уехала навестить свою маму. Образы из фильмов Федерико Феллини проплывали перед глазами, затмевая один другим. Гвидо Анселми! Я увижу Гвидо Анселми! «Восемь с половиной», «Сладкая жизнь»! Какая сладкая жизнь!

Я сидел, как на иголках. Пересмотрел все книги и журналы с фотографиями Мастроянни и Феллини и даже решился вырезать некоторые, чтобы оставить на них автограф Марчелло. Отпарил брюки, почистил ботинки и одел всё самое лучшее. Взглянул на градусник за окном и разглядев столбик на уровне двадцати, решил одеть свою доху, которую Винокуров скроил мне из тулупа. Но потом, чтобы не ударить в грязь лицом перед итальянцами, всё-таки вынул из шкафа демисезонное канадское пальто, купленное по случаю в комиссионке. К нему никак не катила моя ушанка из облезлого полуголодного волка, которого подстрелил сосед по даче. Пришлось надеть кепарь. Он тоже был

фирменный, но тонкий. Из тоненького шотландского твида. Когда я трусцой бежал до метро «Горьковская» я пожалел, что выбрал «семисезонный» гардеробчик. Мороз пробирал до костей, а северный колючий ветер обжигал уши. И чего я так вырядился? Что, Мастроянни на меня на улице пялиться будет? И оценит элегантность моего пальто на двадцати градусном морозе? Какие, подумает, советские люди элегантные! Ещё за сумасшедшего примет?! Придурок я всё-таки. Ничему жизнь не учит.

В Доме кино народу ещё было немного. Да никто особенно и не рвался дотронуться до Мастроянни. Перезревший фрукт. Другие кумиры его затмили на советском небосклоне. Начиная с 1982 года, под траурные марши у кремлёвской стены, звёзды мирового кино зачастили в Россию. Приезжал Жан-Поль Бельмондо на премьеру своего фильма «Профессионал» в Колизее, запросто жал руки своим поклонницам Роберт Редфорд. Так что появление Марчелло Мастроянни перед питерской киноэлитой вызвало быстро затухающие аплодисменты. В ленинградском Доме кино любили смотреть запретные новые фильмы и «Джинджер и Фред», прошедший по экранам, не вызвал ажиотации. Когда начался показ фильма и фойе опустело, из-за кулис появилась итальянская делегация во главе с Никитой Михалковым. Потом в баре накрыли лёгкий фуршет и все потянулись туда, чтобы поднять рюмку водки за встречу, новый 1986 — ой год и счастье в жизни. Наступая себе на горло и подавливая совковое стеснение я, нащупав в кармане фотографии, начал протискиваться к Марчелло. Мэтры ленинградского кинематографа, опрокидывая рюмки и заглатывая в один приём бутерброд с килькой, пожимали Марчелло руку и, похлопывая его по плечу, незаметно исчезали в сигаретном дыму. Марчелло Марчеллой, а к Михалкову отношение у питерских снобов было тогда очень прохладное. Когда, собрав в кулак всю свою каскадёрскую храбрость, я готов был броситься к моему кумиру меня обнял за плечи Никита Сергеевич и, отведя чуть в сторонку, доверительно шепнул, что хочет пригласить Марчелло ко мне на тёплый и сытный домашний ужин. Я остолбенел от неожиданно свалившегося на меня счастья. В голове мелькнуло видение, как мы втроём посидим у моего камина и побеседуем о прекрасном. Но Никита остудил мой пыл, сказав, что принять нужно всю делегацию.

— Эти козлы все свалили от жадности. А у тебя же большая квартира.

Кивнув и тупо уставившись в пол, я думал, что нужно готовить еду на пятнадцать человек и, самое страшное, доставать где-то водку. Прочитав мои мысли, Михалков, похлопав меня по

плечу, сказал, чтобы я не выпендривался и попросил жену сварить борщ и нажарить котлет. Оказалось, что Марчелло обожает домашние котлетки. Но котлетки нужно делать из мяса и запивать водкой, а это стоит денег. Но, самое главное, в магазинах не стало ни мяса, ни водки. Водку доставали с боем, выстаивая в очередях часами. Никита подбодрил меня ещё раз и подтолкнул к выходу. Фотографии остались без автографа.

На выходе из Дома кино я позвонил домой и попросил жену сварить борщ и нажарить котлет на пятнадцать человек. Мяса нужно было взять по блату у моего знакомого мясника. Восторга и воодушевления в ответ я не услышал. Имя звезды итальянского кино на спутницу жизни не произвело никакого впечатления, а непредвиденная растрата семейного бюджета повергла её в транс. Она уже отложила деньги себе на кофточку. К тому же понять женщину, перемывшую гору посуды с хозяйственным мылом после празднования новогодних посиделок, было легко. Но искусство требует жертв.

Выскочив на мороз, и пожалев ещё раз о своём необдуманном решении облачиться в летние одежды, я судорожно стал соображать, где бы достать водки. К вечеру очереди в винные магазины не позволяли к ним даже приблизиться, а мне нужно было уложиться в час. Ну полтора. Это было нереально. Я метнулся на Моховую, где в рюмочной возле родного Театрального института я рассчитывал выкупить водочки. Горбачёв со своей перестройкой не только распахнул границы, но и опустошил прилавки. Вовсю старались его конкуренты по коммунистической партии, которые устроили сговор с ворами. Водку продавали по талонам с дикими очередями и ограниченное количество бутылок в одни руки. Отказ в рюмочной я получил резкий и решительный. И дело было не только в наценочной стоимости, но и в желании иметь достаточно товара для обслуживания прикормленных к рюмочной посетителей.

Вылезая из полуподвала питейного заведения, я наткнулся на калоши своего коллеги Кирилла Чернозёмова, который шаркал мимо со своей неизменной авоськой. Взмолившись, я уговорил его одолжить мне до завтра его авоську, чтобы сложить в неё предполагавшуюся добычу. Кирилл Николаевич был человеком отзывчивым и добрым и, засунув в карман пальто свои ноты, отдал мне сетку. В молодости он хлебнул с этим горюшка и помнил об этом всегда. Советские люди с таким пониманием относились друг к другу, если неприятности были связанны с пьянством, будто бы они вынимали своих боевых товарищей из фашистской петли.

Добежав до гастронома возле цирка, зайдя со двора, где жила

моя подруга Юля Готлиб, я уболтал её знакомого грузчика вынести мне пару бутылок. Получив одну пол- литру «Московской», я был счастлив. С почином! Я бросил пол-литровку в авоську, как подсечённого карася, и полетел в Елисей. В Елисее у такого же грузчика Валеры, знакомого со времён фарцовочной юности, я получил ещё одну пол- литру «Столичной». На углу Садовой и Ракова народ бился у гастронома на смерть. К дверям магазина было не подойти. Снова двор, снова чёрный ход, снова грузчик и снова — успех! Так рывками и перебежками я добрался по Невскому до Петроградской стороны, набив авоську пол-литровками.

Подсчёты и прикидки показывали, что огненной воды с лихвой хватит, чтобы чопорных итальянцев, приученных к спагетти и чинзано, угостить традиционным русским борщом и рюмкой русской водки.

Прохожие с пересохшими глотками после трёхдневных новогодних попоек, рыскавшие по пивным ларькам, косились на мою сетку, набитую пол-литровками, глазами голодных питерских львов.

— Где брал, товарищ?! — то и дело раздавались мне вслед жалобные возгласы прохожих.

Редкие ячейки чернозёмовской авоськи бесстыдно обнажали перед народом мои несметные сокровища. Идти по улице без охраны было небезопасно. До дома оставалась пара шагов, но я рискнул заглянуть в винный магазин на Зверинской, где директором был мой приятель Миша. Постучав кодированным четырёхтактным стуком в дверь служебного входа, я увидел его измождённое лицо. Посмотрев искоса на мою сетку, Миша удивлённо поднял свои еврейские брови. Задохнувшись от бега по глубокому снегу питерских улиц я смог произнести только два слова — Михалков и Мастроянни. Миша не стал спрашивать, где я был и что делал. Видимо догадался.

— Поздно пришёл, Коля. Всё разобрали. Вот, только чекушка осталась.

— А портвешку?

— Портвешок выпили вчера.

Я взял чекушку из принципа и пошёл домой. Выставив на стол пол-литровки, я стал пересчитывать добычу — раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. И чекушка. Должно хватить.

Борщ доходил на плите, котлетки томились в латке, а на сковороде шкворчала картошка с салом. На столе в салатницах уже белела квашеная капустка, сопливились солёные грибочки и зеленели, цветом бутылочного стекла, солёные огурчики. На кухне тёща, тихо роняя свои безутешные слёзы, тонко резала лук

и посыпала им селёдку.

Когда раздался звонок в дверь, я был спокоен и готов ко всему. Никита ввалился с шумной толпой итальянцев и, побросав пальто в прихожей, начал рассаживать всех за стол.

Марчелло, Сильвия д'Амико, Таня, жена Никиты, фотограф Микола Гнисюк, Вася Горчаков, переводчик и мой старинный приятель каскадёр, журналист Марио со своими двумя сыновьями и Никита, не сводя глаз с угощения, рассаживались за столом. Камин трещал берёзовыми поленьями. Жена и тёща разносили тарелки с борщом.

— Сто лет не пей, а под борщ — выпей! — многозначительно продекламировал Михалков.

Дежурная шутка Никиты была воспринята с невиданным воодушевлением, как только что открытая истина. Вот он, единственно верный путь к счастью!

Я открыл и выставил восемь бутылок водки, а чекушку поставил на комод. Какая-то чужеродная она была на этом празднике жизни. Может сгодится на сувенир для Марчелло?

Пили без тостов, по деловому, хрустели капустой, огурцами, прихлёбывали борщ и снова пили. Бене, бене, бене смакуя борщ, постоянно бормотал Марчелло.

Я пытался завести разговор о прекрасном, но вставить слово было некуда и некогда. Едва закусив рюмку водки наливали другую. Когда хозяйка принялась за перемену блюд, Никита попросил Миколу сделать несколько наших фотографий и шепнул мне, что уговаривает Марчелло сняться у него в фильме по Чехову. Никита уже шесть лет ничего не снимал и заметно волновался. Сильвия обещала дать на фильм денег.

Котлетки с картошечкой вызвали восторг изголодавшихся туристов. Со вчерашнего вечера они ничего не ели. Поезд, Эрмитаж, Дом кино, Питер, мороз. Когда на столе водка закончилась, Марчелло протянул руку и достал с комода, показавшуюся мне лишней, чекушку.

— Коза э'куэсто? — спросил Марчелло.

— Сувенир! На память о России! — быстро нашёлся я и машинально посмотрел на приготовленных к дарению, матрёшек. Они смиренно смотрели в пространство, готовые ради дружбы народов на всё.

Никита взял у Марчелло чекушку и профессиональным жестом сорвав с неё «бескозырку», разлил "память" по стопкам. Приподняв стопку, Марчелло поднёс её к губам и залпом выпил. Буониссимо! Мольто бенэ! Мольто граци!

Сообразив, что обед закончен, все стали собираться на вокзал. Там их ожидал экспресс "Красная стрела". Разговаривать о

прекрасном было некогда. Да и незачем…

Высокий Абдулов в чёрных ботинках

Было это летом. Жарким летом 1982 года. Никитка приехал на свою творческую встречу во Дворце молодёжи. После выступления перед зрителями приехали ужинать в Асторию. Астория у артистов была любимой гостиницей. Жилось там веселее и вольготнее. Артисты практичные и занятые селились в "Октябрской", что напротив Московского вокзала. А гуляки предпочитали "Асторию". Ментура и таптуны там были покладистей. Главный администратор, Анна Григорьевна, встречала артистов в холле лично и, расцеловавшись с ними как с близкими родственниками, безобразничать позволяла по полной программе. После того, как директор отваливал по своим делам, она оставалась в отеле полновластной хозяйкой. Когда в полночь ресторан "Зимний сад", истощив запасы еды и питья, закрывался, остатки гуляк переползали в валютный бар. Даже там кадровый бармен из КГБ опускал свои веки и позволял народным и заслуженным артистам расплачиваться неизвестно откуда взявшимися долларами, а то и вообще брал у них в уплату русские рубли.

В тот вечер, недавно вернувшийся из Финляндии Никита, решил удивить компанию и вальяжно протянул бармену золотую пластиковую карту VISA, объявив, что сегодня он всех угощает. Бармен долго тёр картой по своей кассовой машинке, но денег на счёте Михалкова не появлялось. Никита сделался возмущённым и косо мне подмигнул. В те времена пластиковые карты были большой редкостью и, чтобы не опозориться, бармен, убеждённый Никитой в том, что его машинка сломана, списал всё на счёт заведения. А Никита, торжествующе поднял тост за систему Станиславского и Немировича-Данченко! Когда бармен Паша в половине четвёртого утра закрыл за нами дверь своего питейного заведения, гулким эхом разнесся по коридорам Астории его отчаянный стон "Не верю!"

Компания спившихся в клубок друзей потащилась в номер самого хлебосольного и продолжала пир. Тут важно было запастись горючим. Самым верным источником огненной воды в те времена в СССР были таксисты. У них всегда и без проблем можно было прикупить бутылку водки. В тот приснопамятный вечер сидели у Абдулова. Саша сетовал, что на парижских гастролях недоумок-продюсер подарил ему, премьеру театра, авторучку с золотым пером, а Коле Караченцову вожделенный для Саши видик. Его одноместный номер на втором этаже Астории выходил окнами на сквер у Исаакиевского собора и из

окна приятно тянуло ночной прохладой. За стол, стоявший посреди комнаты, уселись человек шесть. Двое из них, Саша Адабашьян и Серёжа Соловьёв, едва торчали из-за стола. Росточка они были невеликого, да ещё уселись на диван.

Пропустив по рюмочке, начали мерить их ростом, приставляя спиной друг к другу. Двери номера были открыты и время от времени коридорные развозили по номерам погруженных в коляски для чемоданов, пьяных финнов. Отмерив высоту Адабашьяна и Соловьёва без каблуков и накатив по сто граммов, Саша Филипенко предложил приступить к замерам высшей касты. Михалков припал спиной к Абдулову и в воздухе повисла тишина. Их головы маячили на одинаковом уровне. Быстро взглянув на каблуки, заставили снять чёрные ботинки и остаться в носках. Приём не принёс желаемого финала. Рост был равный. Тогда Абдулов прыгнул на стол и заорал, что он выше. Дружный хохот разбудил всех интуристов, строго придерживавшихся распорядка дня. Пришла Анечка и вежливо попросила смеяться потише. Абдулов обнял её за талию и усадил на диван. Через две минуты она сама ржала громче пожарной сирены, забыв про чопорных англичан и фривольных французов. Между тем, водка закончилась. Разойтись по номерам и забыться сном бунтующая мысль советской интеллигенции ещё не позволяла. Решили послать гонца за бутылочкой. Пока спорили, кому отправиться на закупку на ночные улицы Питера, Никита забрался на шкаф и лежа на боку лукаво улыбался Абдулову. Крыть было нечем. Под дружный смех друзей поверженный Саша вышел из номера и отправился за водкой. Аня принесла нам на закуску домашних пирожков с капустой. Адабашьян запер их в холодильнике и стоял на стрёме, чтобы их не съели раньше времени. А время медленно текло под аккомпанемент анекдотов. Вдруг в окне появилась люлька автокрана, в которой с гордо поднятой головой стоял Саша Абдулов, поддерживаемый электромонтёром. Они медленно проплыли вверх и спускаясь вниз остановились на уровне окна. Споры о его победоносной высоте были неуместны. Даже с учётом каблуков чёрных ботинок.

Было это летом. Жарким летом 1994 года в Москве проходил Международный Московский кинофестиваль. Бассейн "Москва" зиял на месте храма Христа Спасителя, взорванного в 1931 году по приказу И. В. Сталина, огромной мутной хлорированной лужей. Я работал в студии ТРИТЭ Никиты Михалкова его заместителем и судорожно искал деньги для проектов и замыслов Мастера. Никита отмокал в банях Нижнего Новгорода после изнурительных съёмок "Утомлённых солнцем". Нижегородская братва принимала его с должным радушием. За время съёмок,

большая часть которых проходила в Нижегородской губернии они с Михалковым стали корешами. Александр Абдулов подружился с Отариком, Шабтаем и много лет был президентом Московского кинофестиваля и рулил большими деньгами. На первый взгляд бредовую идею Никиты прислать в Нижний Новгород гостей кинофестиваля на прогулку по Волге, Саша поддержал и заплатил нам за это огромные деньги — тысяч четыреста зелёных. Студия ТРИТЭ облегчённо вздохнула. Выплатили людям долги по зарплате за три месяца. Никита заказал колокол для церкви в Аксинино, на Николиной горе от семьи Михалковых.

Гости прилетели на двух самолётах и устроились в каютах, подготовленных мною и Володей Седовым, теплоходов. Плыли мы по Волге до Макарьева монастыря, пели песни и пили огненную воду. На отдельном пароходе плыл Ричард Гир со свитой. У Макарьева монастыря, на берегу Волги накрыли столы и подали стерляжью ушицу. Никита спел с Митей Бузылёвым песню про шмеля. Чуть было не сцепился с Барри Алибасовым, но Лида Шукшина их растащила. Помериться ростом с Абдуловым тогда не представилось возможным. Он был в большом почёте у Ельцина и его командос и на гулянье не приехал. Отарик Квантришвили Абдулова сильно уважал. А вот Никитку снял с поста президента федерации тенниса и поставил Шаму. Самолюбие аристократа было сильно задето. Но надежды найти своё место в строю "Паратов" не терял. Прильнул к его противнику. Помог ему в этом один новоявленный, но длинноволосый каскадёр Саша, друг авторитетного человека. И тут пошло-поехало. Проверку на верность Никитка прошёл, положив 7 миллионов долларов от Виктора Степаныча в дар Фонду культуры на счёт банка "Новый международный валютный союз", который тут же "лопнул". Как снег на голову, свалился дядюшка Оскар. Причём Соловьёв и Абдулов, как по команде подписали ходатайство на представление "Утомлённых солнцем" от России в Оскаровский комитет. Америка, как известно, страна продажных империалистов. А русские тогда на неё здорово наехали, хотели нахрапом взять. Да и француз Сейду своего не упустил. Деньги-то в фильм вложил, права на прокат в Европе у него. Нужно думать о рекламе. Вот вам и плиз приз. К золоту потянулись разные люди. Нет, столпотворения не было. Владислав Резник даже страховать приз отказался на случай пропажи во время гастролей. Но умный ловец поймает свою рыбёшку. Михалков уцепился за лацканы Коржакова. Не то сам хотел в президенты баллотироваться, не то предлагал свою помощь Борису Ельцину. Они любили париться в банях. Ну, конечно, без девушек. А тут ещё мода появилась ракетками

махать. Матчи по теннису в околоельцинских кругах стали чем-то вроде причастия святых ельцинских тайн. Я подыхал от хохота, наблюдая теннисные поединки Михалкова с Борей Немцовым или Олегом Сосковцом. Снобизм бывших красных товарищей не давал им согнуться и присесть на подачах. Они отбивали мячи с важным министерским видом, не сгибая рук в локтях. Но смех это вызывало только у меня. Михалков в промежутках между матчами успевал пропарить партнёров в баньке и, отбив чечётку на коврах, получить гектары нижегородской землицы на берегах Оки по бросовой цене и заказ на агитацию голодного народа за своего кормильца Ельцина. Новый премьер перевёл стрелку с Отарика и Шабтая на Славу. А Никита со Славой уже с 1994 крепко дружил. К тому времени в Отарика попала шальная пуля, пролетавшая прямо мимо бани, в которой он с друзьями парился. И вот пока Саша Абдулов накрывал хлебосольные столы на кинофестивале, в большом кремлёвском окне появился новый президент Московского Международного кинофестиваля Никита Михалков. Высокий и в чёрных ботинках, в чёрном смокинге и белом кашне. Поднимаясь по лестнице, по синей ковровой дорожке и глядя на Никиту, Саша тихо бормотал себе под нос "Не верю! Не верю!" Споры о взятии им победоносной высоты были не уместны.

Итальенец vero

Кайо Марио Гарруба — итальянскому фоторепортёру.

Дед Мороз подарил мне подарок. Деда Мороза звали Андрон Кончаловский /по паспорту Михалков/. Он пребывал, в тот 1984 год, в Америке, сидел без работы и питался чем попало. Нет, работа у него была, но не режиссёром, а преподавателем. Он писал мне в открытках о том, как читает лекции по русской литературе студентам университета в Олбани, тем, которые изучали русский язык. От имени Андрона позвонила из Италии Алла Гарруба и просила встретить их с мужем в Ленинграде и найти за пятьсот долларов администратора на пару недель, хорошо знающего город и его современную жизнь. В Италии 25 декабря празднуют Рождество Христово, а в Новый год принято путешествовать. Её муж, всемирно известный фотожурналист Кайо Марио Гарруба, получил контракт с редакцией журнала "Эспрессо" на фоторепортаж о Ленинграде. После смерти генсека КПСС Брежнева от СССР ждали перемен и открытости. Марио должен был сделать привлекательный репортаж о прекрасном имперском Петербурге, наполовину построенном итальянцами, с теми людьми, которые обитают в нём сегодня. Искать помощника было не нужно. Я сам готов был за пару долларов выпрыгнуть в окно. Андрон об этом догадывался. Зато я не догадывался о том, что Марио давно делает репортажи о жизни в СССР и знают его наши чекисты не только с хорошей стороны. Во времена хрущёвской оттепели Марио умудрился уговорить московского художника Лёву Брусиловского раскрасить красками в своей мастерской голую манекенщицу Галю Милявскую. Когда репортаж появился в итальянском журнале, в ЦК КПСС все члены остолбенели.

Марио с супругой поселились в «Европейской», в шикарном люксе на втором этаже. Приехали они из Москвы на дневном поезде «Юность». Самолёты из Рима тогда летали только в Москву. Алла, полячка по происхождению, прекрасно говорила по-русски и планировала быть между нами переводчиком. Но мы с Марио моментально нашли общий язык из смеси моего французского и родства менталитетов. Марио, уроженец Сицилии, подвижный сухой синьор лет шестидесяти, объехал весь мир, создавая фоторепортажи о замечательных городах и людях. Когда, отхлебнув глоток кофе, он начал говорить об оплате моего труда, то одного, поднятого мною указательного пальца, было

достаточно, чтобы мы перешли на язык жестов и письма. Для советского человека пятьсот долларов были огромным капиталом и я еле сдерживал себя, чтобы от радости не пройтись вприсядку вокруг стола.

В Питере светало поздно. Мы встречались в отеле в начале одиннадцатого и шли работать на улицы города. Вдоль и поперёк проходя по улицам, Марио искал выразительные ракурсы. Он попросил меня собрать несколько моделей и одеть их в костюмы времён Александра Пушкина. Юра Хомутянский, преподаватель из Театрального института, где в то время работал доцентом и я, одев цилиндр и накидку, со спины стал очень похож на Пушкина. Оставалось начать сочинять стихи, но Юра тяготел к пантомиме. На женскую роль я пригласил студентку с курса профессора Куницына Олю и решил все кадровые вопросы по обеспечению съёмок. В институте в январе шли экзамены и я был абсолютно свободен. После запрета на выезд во Францию и прикрытия моего курса трюковой подготовки работать в институте вообще не хотелось. Обиделся я на них. Злые они.

Появление иностранца на улицах Питера в январе 1984 года не могло пройти незамеченным. Народ, особенно в зимнее время, напоминал огородных пугал в серо-чёрных лохмотьях. Экзотические зимние шапки из бродячих собак, косивших под волка, создавали ощущение присутствия в зоне заклятых преступников архипелага ГУЛАГ. Воротник из рыжей лисицы вызывал у граждан нездоровый интерес. Что говорить о Марио, который появлялся среди серой, укутанной вязанными шарфами, толпы в серебристом длинном манто гагачьего пуха с белым шёлковым подкладом. Поток прохожих замирал и поворачивался в нашу сторону, как делалось всегда, если граждане видели, что снимается кино. Сюжет с Пушкиным на Невском мы снимали в окружении тысячной толпы зевак. Марио интересовался, почему они не на работе, не строят вожделенный коммунизм? Я шутил, что это агенты КГБ, приставленные наблюдать за его диверсией. Я ждал вопросов от компетентных органов, но их не было. Может быть они тяжело переживали смерть Андропова и прибывали в краткосрочном ступоре. А может объявили забастовку по поводу назначения Генсеком полумёртвого Константина Устиновича Черненко.

Оля украшала нашу компанию не только своей эффектной фигурой, но и купленной по случаю искусственной шубкой «под леопарда». В общем, на третий день наших съёмок на Невском стали появляться организованные группы туристов, любовавшихся издали нашей компанией. Марио, заметив такой интерес, подзывал граждан, как туземцев в Африке,

сфотографироваться, но они смущённо бычились и убегали.

Колоннада Казанского собора привлекала Марио Гарруба не меньше, чем лица экскурсоводов музея религии и атеизма, между этих колонн бродивших. Перспектива галереи Гостиного двора или Пассажа насыщалась в его фотографиях покупателями, простаивающими в многочасовых очередях за парой итальянских колготок. Когда Марио увидел прилавок с женским нижним бельём он потерял дар речи и в его старенькой «Лейке» заело плёнку. Забыв об осторожности, он стал судорожно снимать бюстгальтеры, похожие на гамаки и голубые байковые панталоны, больше похожие на защитную форму пожарника. Бдительные продавщицы подняли крик, упрекали нас в шпионаже и унижении достоинства советской женщины. Затерявшись в густой толпе покупателей, мы благополучно скрылись.

В середине дня Марио приглашал нас с Олей на лёгкий перекус и мы искали удобное местечко. Когда я привёл его в битком набитый «Сайгон», он моментально разобрался в ситуации и стал незаметно щёлкать «Лейкой» босховские лица моих авангардистских соотечественников. Сайгоновские завсегдатаи, увидев, что их снимают для западной прессы не наши люди, наперебой позировали и скалили в улыбке свои полузубастые рты. Посыпались предложения от стиляг зайти к ним в гости и запечатлеть их уникальный быт. Марио потерял голову и, забыв про меня, бросался во все стороны. Чтобы разрядить накалившуюся обстановку, я выбрал рыжего бородатого художника- абстракциониста, живущего напротив «Сайгона» и, навешав Марио лапши, что это восходящая звезда, поволок его в мастерскую к новоявленному маэстро Лукка. Дверь открыла престарелая растолстевшая большевичка, которую я навскидку окрестил мамой художника. Возбуждённый Валерий воспринял это как личное оскорбление и начал кричать на английском языке, предназначавшемся для иностранца, явное моё разоблачение "Итс май вайф!" Моя эрудиция в познании питерской фауны была растоптана на глазах у Марио. Но мой гонорар он уменьшать не стал. Он был всем очень доволен.

Когда репортаж был почти готов, Марио захотел снять общий план Невской першпективы и выбрал для этого точку на балконе жилого дома, рядом с кинотеатром «Художественный». Мы поднялись на лифте на последний этаж и, сориентировавшись по стенам, позвонили в квартиру. Это была огромная коммуналка, а хозяева престарелые строители ударных строек коммунизма, участники Всемирного фестиваля молодёжи и студентов 1957 года в Москве. Дверь открыл двадцатисемилетний мулат, дитя тесной дружбы народов времён хрущёвской оттепели. Увидев

Марио в его серебристом манто, он радостно открыл все окна и двери и соседи принялись накрывать общий стол. Одни тащили солёные огурцы, другие маринованные грибочки, третьи — квашенную капустку, четвёртые — дымящуюся картошечку, а пятые достали с балкона заиндевевшую бутылку «Столичной» водки. Это была пятикомнатная коммунальная квартира. Марио вышел на балкон, встал на какой-то ящик и выстраивал кадр, чтобы захватить торс обнажённой кариатиды, поддерживающей эркер балкона. Удачную съёмку мы отметили шумным застольем с песнями и плясками. Провожали нас хоралом «Интернационала».

К шести часам пополудни на город спускалась вечерняя мгла. Усталые, но довольные мы тащились в «Европейскую», где Алла накрывала нам шикарный стол. У итальянцев принято есть много, но один раз, вечером, когда садится за горизонт палящее солнце и на землю опускается ночная прохлада. Здесь, в промозглом Питере, мы согревались любимым Гаррубовским виски «Джек Дэниэлс», предусмотрительно привезённым ими с собой, а десерт полировали настойкой сицилийских трав «ди джастиво». Развалясь в креслах, сытые и пьяные, попыхивая сигарой, мы начинали хохотать, вспоминая перипетии дня.

Марио намучился от своей привлекательности, мешавший его работе тайного наблюдателя, и решил подарить мне в качестве бонуса своё элегантное пуховое пальто. Чтобы подавить моё радостное смущение, он предложил мне поменять своё пальто, на моё, замаскирующее его под советского гражданина. Сделка была совершена мгновенно, не принимая во внимание некоторую разность в наших размерах. Но подарок я отложил в сторонку до лучших времён, а одел старенький, побитый молью, тулупчик, перешитый евреем-скорняком из тулупа сторожа Сытного рынка, купленного мною по случаю. Работа в новом камуфляже спорилась бойко. Марио снимал потаённые уголки Питера и незабываемые лица его обитателей. Народ, принимая нас за своих, отдавался съёмкам с восторгом, проглатывая моё враньё про журнал «Огонёк» за чистую, звенящую монету.

Так мы дошли по улицы Пестеля до дома Мурузи, отсняв его со всех сторон. Подкрепившись хорошим крепким кофе напротив, я обронил, между прочим, что в этом доме на втором этаже с видом на Спасо-Преображенский собор проживал с родителями мой приятель, изгнанный с Родины за инакомыслие, Ося Бродский. Марио, поперхнувшись конфеткой, попросил меня повторить сказанное на плохом французском языке на родном мне с детства русском. Я без запинки повторил и добавил, что сейчас Бродский проживает в Америке, считается врагом

советского народа и пишет для капиталистов стишки. Вспомнил и его отсидку за тунеядство, и вечеринку у меня накануне его отъезда в изгнание, которая чуть не закончилась арестом сионисткой шайки. Марио стоял, опершись на стол, и дрожа мелкой дрожью от радостного предчувствия. Он представлял кадр всей его жизни. Ну если не всей жизни, то командировки в Ленинград — точно. Он потащил меня через Литейный проспект к дому Мурузи и на ходу умолял проникнуть в квартиру Бродского. Я не видел особых сложностей, мало понимал трепет Марио, связанный с забытым гражданином СССР и уверенно нажал на все кнопки звонков Оськиной коммуналки. Толпа соседей вывалилась на площадку и восторженно слушала мою басню про журнал «Огонёк», вид собора, ракурсы фотосъёмки, плёнку «Кодак» и современные фотообъективы. Марио, спрятанный воротником моего обтрёпанного пальто, не вызывал у сограждан настороженности и после моего обещания поставить им бутылку Шампанского, был впущен в квартиру в сопровождении нашего эскорта. Оля, в своей «леопардовой» шубе, хоть и косила под иностранку, тоже никакой тревоги у жителей коммуналки не вызвала. Марио никогда не снимал с фотовспышкой, но разглядеть лица постояльцев в коридоре без прожектора было невозможно. Одна тусклая лампочка из многоярусной гирлянды теплилась только над входом в туалет. Когда нам приоткрыли двери Оськиных комнат, Марио бросился к окну и дрожащими руками стал открывать двери балкона. Хозяин комнаты попросил его не дёргать так за ручку, потому что на улице зима. Дрожащим голосом, теребя в разные стороны заржавевший и заклеенный газетами замок, Марио успокоил хозяина по итальянски «Бене, бене» и в повисшей мёртвой тишине продолжал скрипеть замком. Тишину взорвал истошный вопль соседки, стоявшей всё свою сознательную жизнь на страже Родины.

— Держите их, это шпионы Бродского!!!

От женского пронзительного визга Марио отпрыгнул от окна и оторопело смотрел на меня, ожидая указаний. Я попытался погладить визжащую гражданку по голове, но рука моя была перехвачена мускулистой лапой соседа, видимо в молодости работавшего кузнецом на Путиловском заводе. Я с трудом вырвал руку и бросился к выходу. Мы кубарем скатились по перилам лестнице со второго этажа и бросились наутёк проходными дворами мимо гнезда всемогущего КГБ, находящегося в двух шагах на Литейном,4. Потеряв последние силы на Моховой и убедившись, что за нами нет погони, мы зашлись гомерическим хохотом.

Вечером следующего дня чета Гарруба отбывала на Родину. Приехал Никита Михалков поговорить с Аллой о том, чтобы она, как агент, представляла его интересы в Европе и искала заказы на любую работу. Он уже четвёртый год находился в простое и довольствовался только гонораром за роль проводника в "Вокзале для двоих". Марио и Алла отбывали на «Красной стреле» в Москву, а оттуда улетали домой в мафиозную, певучую Италию с доброй сотней негативов о нашем, таком похожем на Рим, выстроенном итальянскими зодчими, Питере.

Post Scriptum

Из статьи Леонида Велехова «Я жил не как все» для «Совершенно секретно»

Анатолий Брусиловский — натура, что называется, ренессансная. Художник. Один из ведущих отечественных книжных графиков 60–80-х годов, а также художник- постановщик многих картин на «Мосфильме». Активный участник советского «левого», неофициального искусства тех лет, вызывавшего резкое раздражение властей, которое выплескивалось в исторических скандалах — с хрущевским посещением выставки «абстракцистов» в Манеже в начале 60-х, с бульдозерной «трамбовкой» нескольких вернисажей отечественного авангарда в те же 60-е, с разгромом рукописного альманаха «Метрополь» в 1980-м и т. д.

Здесь Брусиловский первым в мире осуществил опыт боди-арта — картины, нарисованной на живом, вдобавок прекрасном женском теле. Дело было в 1970 году. Приятели привели к нему в студию знаменитого итальянского фотографа Кайо Марио Гарруба, который хотел сделать такой репортаж, как он выразился, «чтобы о Москве заговорили» и читатели журнала Espresso, самого популярного в Италии, для которого Марио и работал, расхватали бы тираж, как горячие пирожки. Придумай чего- нибудь, сказал итальянец Брусиловскому. Брусиловский придумал. Позвал знаменитую тогда московскую красавицу — манекенщицу Галю Миловскую (позднее она уехала на Запад и стала звездой Vogue) — и говорит: «Дай-ка я на тебе напишу картину». Галя, натура артистическая и богемная, согласилась. Пригласил друзей, декорировал студию, расставив повсюду старинные граммофоны и наполнив их раструбы фруктами с Центрального рынка — получились «рога изобилия». Друзья выпивали, танцевали и веселились, художник разрисовывал

божественное Галино тело цветами, бабочками, листьями и лианами, итальянец вне себя от счастья все это фотографировал. Фоторепортаж появился в Espresso, рядом была напечатана знаменитая, запрещенная в то время в СССР поэма Твардовского «Теркин на том свете», а над всем этим художественным великолепием красовалась «шапка»: «Над прахом Сталина». Скандал был оглушительный, когда номер журнала лег на столы работников ЦК КПСС.

Владимир Мусаэльян родился в 1939 году в Москве. С 1960 года работает в Фотохронике ТАСС. Специализация — политический репортаж. В 28 лет Мусаэльян стал личным фотографом генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Затем снимал последних советских лидеров — Андропова, Черненко и Горбачева. В 1978 году получил международную премию "Золотой глаз" — за фотографию Леонида Брежнева и лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, на этой фотографии генсек плачет от избытка чувств.

У меня был приятель, замечательный итальянский фотограф Марио Гаруба, я часто останавливался у него в Италии.

Шли торжественные мероприятия в связи с 30-летием освобождения Польши от фашизма.

Мне передали, что меня спрашивает какой-то итальянец. Я выхожу — стоит Марио. Говорит, что ему хотелось бы снять трибуну и Леонида Ильича, потому что дата очень значительная.

Я провел его к трибунам. Возвращается грустный: «Снял, — говорит, — но Леонид Ильич в черных очках. А мне хотелось, чтобы он их снял». Пришлось мне самому вместе с ним идти. И Брежнев, увидев меня у трибун, снял очки: уж если я пришел, значит, по делу.

Я ухожу — он опять надевает. Марио был поражен от того, какое между нами взаимопонимание, и долго еще восхищался…

В 1982 году Леонид Ильич умирает. Приходит Ю. В. Андропов, человек совсем другой формации, сложный и уже серьезно больной. Больше четырех-пяти кадров на пленке не получалось: то голову он наклонит, то отвернется, а партия спрашивала строго. Надо снять рукопожатие, группу и сцену за столом. К. У. Черненко, сменивший Андропова, был еще сложнее.

И еще больнее…

Никита Михалков пользовался услугами Аллы Гарруба очень активно с 1984 по 1992 годы. В 1985 она организовала в Риме просмотр его фильма "Неоконченная пьеса для механического пианино", куда собрала цвет артистических и деловых кругов — Анжелло Рицолли, Марчелло Мастрояни, Силвию Д'Амико, Мишеля Сейду и многих известных персон.

В результате состоялся проект "Очи чёрные", "Ургa", спектакль "Механическое пианино" с Марчелло Мастрояни.

Фирма ФИАТ заказала Никите Михалкову рекламный ролик, который получил приз индустриальной рекламы в 1989 году в Милане и Вашингтоне. В СССР Н. Михалков представил его, как свой художественный фильм "Автостоп". Многочисленные мастер-классы в Риме, гостеприимность дома Аллы и Марио Гарруба, которым воспользовался и я, были обычным явлением для Михалкова и членов его семьи.

В 1991 году Анджелло Рицолли рискнул и решился финансировать фильм "Сибирский цирюльник" по сценарию голливудского писателя Роспо Паленберга о приключениях американской шпионки в царской России. Никита Михалков стал ставить свои условия в процессе написания сценария в Ленинграде, снимая там же свой телефильм "Сентиментальное путешествие на Родину через живопись", поссорился с Аллой Гарруба и послал её в Италию. Ну хотел Никита Михалков, чтобы Паленберг писал один сценарий в гостинице, пока Никита снимает свой фильм в Русском музее, а тот этого не захотел. Гордый был американец, а Никита Михалков — гордее. А. Рицолли прикрыл проект и сценарий был выкуплен Никитой Михалковым много лет спустя. Алла и Кайо Марио Гарруба тяжело переживали гневливый поступок Никиты Михалкова, которого за это время успели полюбить, и долгое время звонили мне, чтобы узнать не одумался ли великий Михалков и не просит ли прощения. Так они этого и не дождались. А Михалков снял фильм "Сибирский цирюльник", 12, Предстояние, Цитадель и не помнит те времена, когда итальянцы спасли его от нищеты и забвения.

Дама с чужой собачкой

Когда мы с Никитой и Адабашьяном пили чай в баре «Астории», неожиданно появился человек с прокуренным и пропитым голосом, и характерным шнобелем всемогущего гения и предложил свои услуги.

— А что вы можете? — поинтересовался Никита.

— Всё! — ни на секунду не задумываясь выпалил Лонский.

— А собачку для съёмок можете достать? Белого шпица?

— Легко. — не чуть не смущаясь наврал Лонский.

— Ну, хорошо. — протянул Никита.

Лонский исчез. Собачка действительно была нужна. К съёмкам фильма «Пароход «Одиссей» было готово всё. Подобраны актёры, включая главного героя Марчелло Мастроянни, сшиты костюмы, зафрахтован пароход. А вот собачки не было.

— Кто это? — спросил Никита.

— Аферист. — решительно ответил я.

Через десять минут вернулся Лонский и под мышкой держал белую сучку породы Шпиц. Подошедшая к нам Сильвия Д'Амико, итальянская миллионерша и продюсер этого фильма застонала от восторга. Собачка вертелась и нервничала под мышкой у Лонского и к Сильвии прыгнула в объятия, как в омут избавления. Сильвия, хоть и была богата, но чувствовала себя одинокой и собачка сразу для неё стала единственным утешением.

Когда мы вышли из «Астории» посмотреть место съёмки у Сената, по скверу носилась обезумевшая гражданка и истошным голосом звала свою, как в воду канувшую, собачку: «Дези, Дези!» Занятые своими творческими проблемами мы не обратили на неё внимания. Мало ли в Питере сумасшедших? Климат — то дурной.

Никита Михалков после своей «Родни» был наказан властьимущими и сидел без работы пять лет. Его спасла Алла Гарруба, которая вытащила на свет его старый фильм «Неоконченная пьеса для механического пианино» и показала его сеньору Рицолли, которому навязывала проекты сотрудничества с молодым русским режиссёром. Она стала в 1984 году по обоюдному согласию агентом Никиты и блюла свой интерес. На просмотр приехало много друзей Анжелло Рицолли, в том числе и Марчелло Мастрояни.

На новый, 1986 год Никита пригласил погостить в России и полюбоваться царскими богатствами группу нужных итальянцев. Любили совки награбленным добром кичиться. После похода по Эрмитажу зашли ко мне в гости, выпили водки, закусили

грибочками. Начал Михалков мечтать под градусом, какой бы он мог фильм по Чехову снять с Мастроянни в главной роли. Марчелло творчество Чехова очень любил. Михалков с Адабашьяном перекроили «Даму с собачкой», добавили российского огуречного рассольцу из других рассказов и в мае начали снимать.

Снимали в Доме писателей. Кеша Смоктуновский городского голову играл, мужа этой дамы с собачкой. То есть Дези его за хозяина должна была признать. Михалков посмотрел на собачку добрыми своими глазами, сказал ей пару слов, где её папа, и скомандовал мотор. Дези шмыгнула в дверь, прыгнула к Кеше на руки и стала его лизать в щёку. Тот оторопел и говорит Мастроянни, что собачка добрая и не кусается. Отсняв несколько эпизодов в Питере, группа переехала в Кострому, снимать тот самый огуречный рассол. Лонский вертелся под ногами, предлагая свои услуги то в управлении повозками, то в уходе за собачкой. Собачка оказалась добронравной и к Сильвии приросла всей душой. А Сильвия всей душой приросла к собачке. Когда в Питере, отмыв её в ванной дорогими шампунями, она спросила у Никиты как зовут собачку, а тот послал за Лонским, я его остановил и сказал, чтоб он не гонял человека, а собачку зовут Дези. Собачка с радостью отозвалась на своё имя, а я подтвердил о себе мнение мага и эрудита.

В Костроме к Марчелло приставили Ивана Сергеича, который по наследству, когда Андрон уехал в Америку, достался Никите. Марчелло жадно тянулся к познанию русской культуры, ходил в церковь, пил водку и обо всём расспрашивал Ивана Сергеича. Ничему хорошему, кроме отборного русского мата, Иван Сергеич научить Марчелло не мог. Ну, как говорится, чему учили, то и получили. В киногруппе к прямым высказываниям Марчелло быстро привыкли, а вот на улицах Костромы люди прыгали в стороны и перебегали улицы от греха подальше.

На съёмку сцены проводов Марчелло из России, я вызвал из Питера Ходюшина, большого друга Лонского. С ним-то в паре они пили мою кровушку с завистливыми рожами. Ходюшин перевёз Марчелло с моей дочкой и Митей через ручей, поплясал вместо Марчелло на телеге под песни разгулявшихся цыган, промчавшихся за коляской барина в белом костюме с моим, извините за выражение, лицом и уехал с Лонским домой, не успев шепнуть Никите на ушко, кто я есть на самом деле.

Под осень группа переехала в Италию, на термальный курорт Монтекатинитерме и дело заспорилось. В Италии люди считают свои деньги и работают быстро. Финальные сцены снова приехали снимать в Питер, на Ладогу. Сева Илларионов должен был

убедить Марчелло, какой он дурак, что не бросил жену и не женился на Леночке Сафоновой с такой беленькой, но чужой собачкой. Целую неделю киногруппа плавала на теплоходе по волнам Ладоги, пока в конец все не изблевались. Но расставаться не хотелось всё равно.

В Каннах фильму, который назвали «Очи чёрные» был уготован грандиозный успех. Сильвия д'Амико и Анджелло Рицолли очень влиятельные люди не только в Италии, а талант Марчелло Мастроянни известен по всему миру, а тем более в Каннах, где заслуженным почётом и уважением пользуется его первая жена Катрин Денёв. Марчелло получил приз за лучшую мужскую роль. Пресса сдержанно отозвалась о фильме, но отметила талантливую работу художника и сценариста Александра Адабашьяна. Никита ему этого не простил и надолго отогнал Сашу от своей кормушки. Собачка безвылазно жила у Сильвии в апартаментах и когда Никита со свитой зашли, чтобы забрать её на Родину, она забилась под диван и осталась невозвращенкой.

Премьеру фильма в Питере устроили в кинотеатре «Аврора». Народу набилось много. Творчество Михалкова советские люди любили. Когда пошли первые кадры и на экране появилась Леночка Сафонова с белой пушистой собачкой, в первом ряду какой-то гражданочке стало плохо. Чтобы не мешать наслаждаться высоким искусством великого мастера её взяли под руки и вывели из зала на свежий воздух под непрестанное бормотание какого-то заклинания «дези, дези».

Михалков с ургой

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Так у меня в 1990 году произошло с выбором работы на летние месяцы, когда в институте мне давали отпуск на два месяца. С Владимиром Бортко я уже полгода работал в подготовительном периоде его фильма «Афганский излом». И вдруг звонок от друга Никиты Михалкова с просьбой помочь в Китае со съёмкой документального фильма «Монгольский фантом» о пастухах. В Душанбе, куда к Бортко уже приехал Микеле Плачидо, но началась война, ехать расхотелось. Бортко я не сильно подводил, поскольку там находился мой ученик Володя Севастьянихин, который мечтал стать постановщиком трюков. И я выбрал путешествие в Китай к Михалкову.

Тринадцатичасовой перелёт и приземление в пятидесятиградусную жару Пекина произвели неизгладимое впечатление. Три дня я жил в Пекине в шикарном отеле и гулял по шёлковому рынку и площади Тянь-Нянь-Мынь. Когда после томительного переезда я добрался до Хайлара, где базировалась французская киногруппа Мишеля Сейду, снимающая фильм для географического общества Франции, мне показалось, что я добрался до Луны. Манчжурская степь больше всего напоминала другую планету. Михалкову предложила эту работу та же Алла Гарруба, которая была его агентом в Европе уже шесть лет. С её лёгкой руки Никита снял рекламу для ФИАТ под названием «Автостоп» и вот теперь Алла занесла его в степи Маньчжурии снимать пастухов. Моё появление было вызвано ссорой Михалкова с его редактором и вторым режиссёром Толей Ермиловым, которому ветром перестройки надуло в уши мысль о своей большей значимости. Мой приезд вывел Толю за скобки и мгновенно поставил на место. Толя вернулся к своим обязанностям.

Так бы я и вернулся в СССР на свою проректорскую должность, наглядевшись китайских чудес, если бы не привезённая мною «Столичная» водка. Продюсер Мишель Сейду был слабоват на передок и подсел на стаканчик. Приехав полюбоваться Китаем и посмотреть как проходят финансируемые им съёмки пастухов-монголов, он имел встречу с русским режиссёром. Режиссёр наш был не промах и напоил француза на встрече так, что на другой день они обнимались и целовались, как родные братья. Зачем нужна была Михалкову эта дружба, знал только он сам. Разузнав, что Сейду представитель богатейшего французского клана, Никита начал уговаривать его

дать ещё пару миллионов долларов, чтобы он снял для Франции не документальное кино, а настоящее художественное. Сейду это и на фиг не было нужно, но чего муки не сделают по пьяне? Ни сценария, ни замысла ещё не было в помине. Но процесс пошёл.

Срочно был вызван Рустам Ибрагимбегов и начались творческие поиски «синей птицы». Российская нищета и бардак подгоняли творцов железной метёлкой. А точнее — ургой. Это такая длинная дубина с петлёй на конце, которой монгольские пастухи ловят лошадей и других животных, бегающих от них по монгольской степи.

Французская киногруппа во главе с режиссёром Патриком не на шутку занервничала. График съёмок документального фильма встал, время уходило. Михалков поднял бучу и показал, кто в Китае главный. Патрика отозвали во Францию, а с ним Мишеля Кротто и ещё несколько важных членов киногруппы, которые плохо восприняли михалковский экспромт.

Пока творцы судорожно творили, а члены советской киногруппы сходили с ума от обилия товаров в китайских магазинах и забивали ими свои гостиничные номера, я ездил в степь и давал задания китайским рабочим, демонстрируя кипучую деятельность.

Придумав очередную херню, Никита начал портить дорогостоящую киноплёнку и отсылать её на проявку в Париж, требуя при этом срочных сведений о качестве материала. Главный оператор Вилен Калюта, призванный из Украины по причине своей баснословной дешевизны, снимал пейзажи и животных, от чего был в неописуемом восторге. Дела в то время в Украине были ещё хуже, чем в остальном СССР.

Отсняв и отослав около трёх тысяч метров высококачественного Кодака, Михалков объявил забастовку. Материал обратно из Парижа не присылали. Объясняли это профессиональной технологией кинопроцесса, которая требует монтажных листов и склейки по ним материала до понятных эпизодов. Ни монтажных листов, ни вразумительных кинокадров Михалков в Париж не присылал.

Вторую версию абсурда про презервативы Михалков снимал ещё месяц и угробил очередную порцию плёнки. Французы бежали в Париж, как крысы с тонущего корабля. Такое понятное и близкое счастье с их этнографическим фильмом разрушилось на глазах русским режиссёром по кличке Вихрь /он же Никита Михалков/.

Отсутствие образного мышления заменяется поиском подвернувшихся картинок, а чёткое планирование — хаосом трат капризного барчука в посудной лавке. Китайские рабочие

перекопали Манчжурскую степь, Вилен Калюта отснял десять тысяч метров киноплёнки, на которой запечатлел пейзажи, скот, юрту, монгольских пастухов и Володю Гостюхина, изблевавшегося от монгольской водки за ужином в юрте. Лара Удовиченко, так и не нашедшая своей роли в этом фильме скрасила своё трёхмесячное присутствие в степях вкуснейшими блюдами собственного приготовления. Зато подвезло сыграть ролишку мне, когда денег на вызов актёра из России не хватало. По прихоти мастера я ещё успел подготовить из пастухов пару каскадёров и украсить фильм незатейливыми трюками, иллюстрирующими сны Гомбо. Правда езда на горящем грузовике по высохшей степи могла закончится для меня китайской тюрьмой, если бы искра упала на сухую траву и их реликтовая степь была бы охвачена пожаром. Я постарался сделать на машине дым без огня, хотя слышал от взрослых, что такого не бывает.

Проведя в степи три месяца, отсняв вслепую десять тысяч метров киноплёнки, чего могло бы хватить на три фильма, мы приехали в Пекин на торжественный ужин. Китайские братья наградили меня почётным титулом «самого кровожадного тирана», который заставлял их переделывать работу по пять раз. Китайской кухней я был сыт по горло и до сих пор китайские рестораны по всему миру обхожу стороной. В отличие от моих соотечественников, тащивших домой огромные китайские вазы я набил свой ридикюль тонким шёлком и одарил им всех друзей.

Михалков улетел в Париж и там за два месяца из всего калейдоскопа отснятых кадров сложил фильм про демографический кризис и загрязнение окружающей среды в Китае. Вилен Калюта за алкогольный срыв, приведший его к опорожнению всех шкаликов мини-бара пятизвёздочного отеля, что в итоге превысило в два раза его гонорар за снятый фильм, был возвращён Михалковым в его родную Украину. Стараниями семейства Сейду фильм получил на кинофестивале в Венеции «Золотого льва Святого Марка», а Мишель Сейду увлёкся кинематографом и давал деньги Михалкову на его последующие кинокартины «Утомлённые солнцем» и «Сибирский цирюльник», которые с большой выгодой прокатывал по всему миру, кроме России. Так после пятилетнего простоя, на материале географического документального телефильма Михалков с «Ургой» в 1991 году покорил весь мир.

Пафос

От лёгкой мечтательной дрёмы я очнулся когда самолёт резко тряхнуло и подбросило ввёрх. Сон, как рукой сняло, а мечты о купании в тёплом Легурийском море и путешествии на белоснежном теплоходе к Гробу Господню моментально сменились судорожным опасением грохнуться о твёрдую землю или утонуть в манящем лазурном море. Самолёт заходил на второй круг, вписываясь в широкий вираж над аэродромом Пафоса. На подлёте к полосе самолёт снова пикирнул и резко взмыл вверх и, взревев двигателями, снова пошёл в поворот. Твою мать. Вот и сходили за хлебушком, сказал мужик, рассматривая в своих руках отрезанные трамваем ноги. Чёрный юмор лез в голову, не хотелось верить в то, что на этом закончится моя, богатая событиями, счастливая жизнь и я не отобью на курорте затраченные деньги. Я успокаивал себя мыслью о том, что на американском Боинге падать будет мягче.

На третьей попытке, после пике и скачка вверх шасси глухо выкатились и мы благополучно приземлились в парную турецкую баню греческого курорта. В холле отеля" Пафос", напоминающем огромную каменную пещеру, было сказочно прохладно. Через огромные стеклянные витрины синело море и запах его вечернего бриза просачивался в холл. Микита с Рамзайцевым, усталые и потные, пришли с теннисных кортов и поселили меня в мой номер. По длинным коридорам я добрался до своего бунгало на первом этаже с отдельным выходом к морю, и не разбирая сумки побежал к мокрой морской прохладе. Приближалось время ужина и на пляже народу было мало. Я с наслаждением лёг на воду раскинув руки и ощущал покачивания своего тела на ленивых вечерних волнах. Потом перевернулся на спину и уставившись в небо возблагодарил Господа за оставленную возможность пребывать на этой земле. Как хорошо, что наш самолёт не разбился.

Укутавшись в мягкую махровую простынь я растянулся в гамаке и стал наслаждаться небом. Лёгкие перистые облака переливались серебристо — розовым цветом на синеющем вечернем небе. За барьером лоджии послышались лёгкие шаги. Я подумал, что это Микита.

— Как я люблю тебя, ты моя единственная отрада.

Я вздрогнул от русской речи. Никуда от них не деться. Я поднял голову и посмотрел во след этому Ромео. Депутат Семаго, обнимая за талию стройную блондинку удалялся от моих окон в сторону барбекю.

На поляне перед отелем официанты жарили цыплят, ягнят, телят и малоизвестных представителей животного мира. На барбекю за огромным столом собралась вся компания. Микита приехал по приглашению Егора Рамзайцева и ещё одного нефтяного магната из бывшего Совэкспортнефти и они расселись за столом с полными комплектами жён, детей и детей от первых жен, с тёщами и золовками. Меня почти не заметили и это мне очень понравилось. Жать руки и преданно смотреть в глаза я не любил с детства. Микита, воспользовавшись моментом, сказал, что проводит меня за соседний стол, и облегчённо вздохнув показал мне уютное местечко у прибрежного бара. Он зазвал меня в Пафос, обещая экскурсию на теплоходе в Израиль. После своих трагических расколов в семье я хотел совершить паломничество к Гробу Господня и, узнав об этом, Микита стал уговаривать поехать с ним в Пафос по приглашению новых русских. На мою попытку отговориться, прикрытую словом «мне неудобно» он привёл несколько убедительных примеров, что делать действительно неудобно, и взяв с меня косуху зелёных, сказал, что удобнее не бывает. В первую ночь я наслаждался огромной кроватью, морским бризом и стрёкотом цикад в своём пещерообразном бунгало. С восходом солнца я вышел по мокрой траве к морю и наслаждался в одиночеством и утренним прибоем. На террасе, которая тянулась вдоль моря по всему фасаду отеля, уже накрыли завтрак и гуськом потянулись изголодавшиеся туристы. Владимир Семаго тоже оказался здесь со своим комплектом и придирчиво выбирал себе куски пожирнее. Я попросил кофе с молоком и горячий рогалик и уселся в кресло на краю террасы. Таня с Надей, Тёма и Аня, набрав еды, искали свободный стол, чтобы усесться дружной компанией с комплектом жён и детей нефтяников. Микита и Рамзайцев к завтраку не вышли. После бодуна аппетит появляется обычно к ужину. Но ужасно хочется пить. Ну, конечно, пива. Много пива. Много хорошего пива. При такой жёсткой диете, они умудрялись, как умалишённые, гонять в теннис по африканской жаре с влажностью, превышающей турецкую баню. Нормальные люди при таком режиме не выжили бы и двух дней. Но эти не были нормальными людьми.

Я уехал нырять на острова, а после обеда встретил в баре Микиту. Он бегло сообщил, что вечером поедем на ужин в горы, и что мой номер администрация отбирает для гостей хозяина отеля, а я могу разместиться на диванчике в номере Микиты с Тёмой. Эта новость приподняла мне настроение, но зато я узнал, чей номер в отеле лучший.

В горы долго ехали, в горах долго ждали, пока приготовят

мясо и сосали местную кислятину с козьим сыром. Отсидев свой срок, пялясь на звёздное небо и слушая греческие напевы мы вернулись под утро. Спать на диване я не мог, взял плед и пошёл на пляж под пальму.

Днём Таня и нефтяницы с детьми уехали в Пафос на шопинг, а нефтяники пошли в запой. Они это любили. Никита висел на телефоне и в поисках счастья я опять нырнул в пучину. Душу грело паломничество в Иерусалим, которое планировалось на вечер следующего дня. Отель был набит российской знатью и я встретил Никаса, который позвал меня в горы, полюбоваться на закат. Мы помчались на Хонде, которую он взял на прокат и добрались до прелестной деревушки на вершине горы с потрясающей панорамой на море с другой стороны острова. Деревенский ужин из горячего хлеба с травами и сыром был украшен вполне приличным вином из подвала хозяина. Наши москвички, приглашённые Никосом, тарахтели не много и совсем не испортили вечер.

Ночевал я в номере Никоса и с утра чувствовал себя свеженьким и бодрым. Морские волны приподняли моё настроение до уровня телячьего восторга. К полудню появился Микита и с загадочным лицом позвал меня в бар. Просеянное через тростник солнце позволяло отдохнуть глазам, а веер от волн обдавал прохладой. Микита заказал Мартини со льдом, а я взял айриш-крем. Долго кружа словами вокруг да около, Микита сообщил, что мне не дали визу на въезд в Израиль, но он, как настоящий друг, остаётся со мной и мы вдвоём классно проведём время. Такая новость выбила меня из седла. Я совершенно спокойно мог бы ехать из Москвы в Тель — Авив и за четыреста баксов отдыхать там две недели. Мерзкое чувство какого — то подлого обмана усугубляла моё страдание. Я повторил Айриш и тупо следил за набегающими волнами. Спать за тысячу баксов на диване за стеной их спальни, строить при этом глазки пьяному нефтянику, в знак благодарности за угощение и пролететь фанерой над Иерусалимом было не лучшим пасьянсом в моём положении. Но больше всего настораживала искренность Микитки и крепость нашей дружбы.

Как только семейные комплекты отчалили на теплоход, Микитка опрометью бросился в номер и повис на телефоне. Мне надоело ждать и я с семьёй Семаго поехал в старый порт Пафоса на ужин. Настроение никак не поднималось. Сиртаки, возлюбленное мною со времён «Грека Зорба», становилось невыносимым. Когда я вернулся в номер, Микита висел на телефоне.

— С кем это ты трендишь целыми днями.

— Надо договариваться о прокате фильма, пока ты загораешь. Люди — то работают.

Это меня убедило. Возразить было нечем.

Утром я проснулся от воркования Микитки по телефону. На часах было восемь. В Москве десять.

— Любимая, не могу без тебя.

Я совсем проснулся и ушёл в ванную.

— Ты меня любишь. Я специально не поехал в Иерусалим, чтобы говорить с тобой весь день.

Я проглотил пол тюбика зубной пасты и начал блевать. Это он трендит с этой Алисой! Какая сука. А мне навешал лапши, что расстался с ней после Светлогорска навсегда. Какой же я мудак. Но зачем он меня — то затащил в эту парилку. Зачем разыграл эту комедию с Иерусалимом. Сорвать мне поездку в такой момент. А зачем я ему тут нужен. Ему что, скучно без меня?

Повесив трубку, Микита засуетился и предложил партию в теннис. Я отказался. На такой жаре играть я не люблю. А поедем на яхте. Рамзайцева подговорим. Да и сами можем поехать. Он мне разрешил. Бери, говорит, когда хочешь. Я согласился.

— А что у тебя с Алисой? Ты же сказал, что бросишь.

— Старик, не могу. Буксы горят. Страсть.

— И страсть Микитушку схватила своей мозолистой рукой. визой.

— А зачем меня обманул, придумал фигню с этой.

— Старик. Если Танька просечёт, мне кранты.

— Тебе и так кранты. Это не рассасывается. А я тебе ещё на фестивале у Яковлевой говорил, что участвовать в этом не буду. Мы с тобой у одного батюшки окормляемся. Я с Богом не играю в прятки.

— Ну выручи, прикрой. Последний раз. Как друг.

Таня приехала в восторге. Тёма и Аня устали от автобуса, а Надю укачало на теплоходе. Дни потянулись однообразно. Проводив Таню с детьми на пляж, Микита запирался в номере, а меня высаживал на балкон на атас и ворковал часами с Алисой. Я вчитывался в «Солнечный удар», который лежал у него в изголовье и не мог понять, почему она сидит в Москве целыми днями. Ехала бы на дачу? Или сюда бы припёрлась? Нет, я всё — таки мудак. Ну и он не лучше.

Надька мучилась от солнца и щурила глаза. Я пошёл с ней в бутик и выбрал ей очки. На следующий день в этих очках сидела Таня, а Надька опять щурилась. Вот устои. Тёма всё время донашивал папины ботинки, Аня — мамины платья, а палить деньги на баб не западло.

Наконец настал день отъезда. Рамзайцев просох и

расплатился за отдых. Жена его Лена, всем своим бронзовым видом выражала недовольство и протест. Мы расселись в холле и ждали такси в аэропорт. Портье посмотрел по сторонам кого — то выискивая, потом подошёл к Тане и передал ей счёт за телефонные переговоры, который превышал сумму отдыха всей компании. Увидев Микитку с Рамзайцевым, выходящих из бара, она, багровея направилась к нему. Он покрутил пальцем у виска и показал в мою сторону. Рамзайцев начал выхватывать счёт, чтобы оплатить его в кассе. Но Таня уже включила прямую передачу и неслась ко мне. Я разлёгся в кресле и посасывал кофе-гляссе, отгоняя от себя страшные мысли о перелёте.

— Это ты наговорил со своей проституткой на миллион. Мы тебя содержать не будем. Иди плати.

Я напряг кисть, чтобы плеснуть ей в морду холодным кофе, но Микита зажестикулировал так, будто пропускал колонну танков на Берлин.

Я встал, поставил бокал, извинился и, взяв из дрожащих Таниных рук квитанцию, медленно поплёлся к портье. Тот уже держал в руках деньги, сунутые ему нефтяником, и не обращал на меня ни малейшего внимания. Я постучал дрожащим от гнева пальцем по стойке. Портье нажал кнопку, оторвал чек, посмотрел мне в глаза и медленно, пафосно произнёс:

— Ессс, сэр!

Оргазм

Это случилось в июле, на берегу Балтийского моря, на бывшем курорте немецких ассов люфтваффе с характерным названием Кранц. Крутой, обрывистый берег Балтийского моря. Теперь это место называлось как-то иначе. Как то по советскому — безлико. То ли Зеленоградск, то ли Солнечногорск. Не помню. Просто не обратил на это внимание. Видимо был очень рассеян. Или растерян. Я был сбитым лётчиком. Рухнуло всё. В одночасье. Всё, что я собирал по зёрнышку годами, в одночасье рухнуло. Так рушатся дома в землетрясение и тот, кто выжил, остаётся сидеть просто на земле. В поле. На руинах. Я услышал приговор — свободен. Я вышел из своего уютного, тёплого дома на пустую, безлюдную площадь. А было мне тогда ещё совсем не много лет… Сорок семь. Ося, Иосиф, Джозеф… Как же ты был прав!

«… любое пространство сзади,
взятое в цифрах, сводя к нулю
не оставляет следов глубоких
на площадях, как "прощай" широких,
в улицах узких, как звук «люблю».

Я не сразу начал хватать за руки проходящих мимо женщин и тащить их в кусты, сбивчиво расспрашивая на ходу, что они делают сегодня вечером. Была долгая пауза того мужского одиночества, когда хочется только выть волком. Но сил в живом организме ещё было много. Они бродили, набирали градус и ждали часа, чтобы с грохотом вырваться наружу. Я был свободен!

Волею случая я попал на кинофестиваль в бывшем Кёнигсберге. Вернее он проходил в пригороде, именно в этом курортном городке. Устроила его термоядерная женщина советского кинематографа Шурочка Яковлева, достойная наследница заветов Александры Коллонтай.

Стояло жаркое лето 1994 года. Курорт Северной Пруссии к такому лету подходил как нельзя лучше. Испания, Франция, Италия полыхали огнём и задыхались в дыму от нестерпимой жары. А на янтарных пляжах Балтийского моря прохладный морской бриз освежал и поднимал настроение. Ободранный народ страны Советов голодал, но те, кто об этом позаботились, не знали куда девать деньги. Накупив в универмагах и

гастрономах несколько десятков предметов из своих рабоче-крестьянских снов, они начали кутить «по чёрному».

Шурочка, используя свой выдающийся административный ресурс вице мэра, придумала провести светскую тусовку «Янтарная пантера» с плохо прикрытым намёком на её хищный образ и пригласить туда московских светил киноэкрана. Деньги на гуляние дали местные чечены. Они проживали там своим узким кругом, именуемым в народе «диаспора» и, видимо, не зря. В Чечне шла война, а в бывшем Пиллау, а ныне Балтийске базировался Балтийский флот новой России с огромным количеством оружия, оставшегося от СССР. Считать и пересчитывать его в это лихолетье было некому, а жалование у офицеров было мизерным. Через Литву по Куршской косе было легко организовать транспортный коридор.

Приехало много знаменитых советских актёров. Но главным, конечно, стал Никита Михалков со своим новым фильмом «Утомлённые солнцем». Только что он получил за него специальный приз жюри в Каннах и Шурочка мечтала блеснуть бриллиантом в тени "пальмовой ветки".

Поселили нас в Доме отдыха, размещённом на шикарных немецких виллах, некогда принадлежавших офицерам люфтваффе. В тот достопамятный вечер Шурочка давала бал на бывшей вилле опального рейхсмаршала Геринга. Она планировала разместить там самого Михалкова, но в первый праздничный вечер подыскала для него другое обветшалое нацистское гнёздышко.

Начиналось всё очень помпезно. Признанный эстет Рустам Хамдамов декорировал виллу парашютами, живописно развесив их белые купола на соснах. После адского удушья от жары кинозала при просмотре "Утомлённых солнцем", после которого газовые камеры показались бы кислородным коктейлем, воздух с моря, смешанный с настоем прибрежной хвои казался дуновением Венеры. На террасе, на высоком берегу, в шуме волн пенилось Советское шампанское. Нарядные гости выказывали манеры и произносили фразы. Армен Джигарханян расточал комплименты несравненной Настеньке Вертинской. Толпа поклонников затолкала в густой кустарник Людмилу Гурченко. Михалков пришёл со своей младшей дочкой Надей и с её миловидной гувернанткой Алисой. Оркестр не мог заглушить прибоя и казался камерным. Я чувствовал себя одиноким и свободным, как чайка. Даже, я бы сказал, как бездомный чайк, занесённый порывом ветра в чужие края. Чайк по имени…

Она появилась внезапно. Её шёлковое белое платье обтягивало сочную, стройную фигуру, а упругие, загорелые груди

приоткрывал глубокий вырез. Она была еврейских кровей с очень тонкими, точёными лодыжками, гладкими икрами и обворожительными тугими бёдрами, призывно проступавшими под тонким шёлком платья. Как я понимаю Давида. Увидеть такую Вирсавию у купальни и… можно тронуться умом. Какой там Урия, какая дружба?! За это можно пожертвовать всем.

После того как она произнесла низким контральто своё имя, я мог не пить шампанского. Вира! Вирсавия! О, эти журчащие звуки! Вирсавия! Я судорожно искал в своей голове фразы, чтобы завязать с ней разговор. И хорошо бы долгий. "Свеча горела на столе и жар соблазна…"… Там было, кому декламировать стихи и я ждал в сторонке своего часа.

Гости пили так, словно перейдя в полуденный зной Сахару, они наконец то припали к источнику. Разговоров "о прекрасном" вести было некогда. Да и незачем. Надо было смести всё со столов и хорошенько набить животы. Морской воздух возбуждал аппетит.

Она приехала одна, чтобы приветствовать гостей фестиваля от лица меценатов. Это я выяснил в танце, прижимаясь к ней всем телом под звуки аргентинского танго. Значит мы оба свободны! И от нахлынувшей радости я поцеловал её плечо. Она сделал вид, что удивилась, но вырываться не стала. Закончив танго, она, опуская свою руку, как бы невзначай провела ею по моей мускулистой спине.

В густой темноте парка веранда светилась жёлтым манящим светом. Шампанское смело все барьеры и разговор стал общим. Я отходил и снова возвращался к ней, изображая курортную беспечность. Она вела себя непринуждённо, но казалась неприступной. Недосягаемой.

Лето выдалось настолько жарким, что даже в этот поздний час хотелось окунуться в вечернем прибое. И не мне одному. Спускаясь в шумной толпе гостей к морю по крутой каменной лестнице, я протянул ей руку и, ощутив изгиб её прохладной ладони и тонкого запястья, совсем потерял дар речи.

Глубокий песок пляжа заставлял нас терять равновесие и мы то и дело оказывались в объятиях друг друга. Казалось мы стремились к этим падениям, так они нам были приятны. Наконец мы соприкоснулись губами и были поражены их сладости, влажности, упругости и мягкости одновременно. Волны окатывали нас прохладной пеной до тех пор, пока не накрыли с головой. Но это вызвало у нас гомерический хохот и необузданный восторг. Наверное, мы чего-то намешали в бокалы или съели случайно какой-то дурман. Магнетизм прикосновений нарастал с такой силой, что мы не отпускали объятий.

Не говоря ни слова, мы пошли обратно на виллу и долго поднимались по крутой каменной лестнице. Её сочные округлые бёдра призывно раскачивались прямо перед моим лицом и я прикасался к ним губами каждый раз, когда она делала очередной шаг на верхнюю ступеньку. Её голень, остававшаяся внизу, напрягалась, приобретая стройный рельеф. Я поцеловал её в изгиб под коленкой и она звонко захохотала.

Вилла была безлюдна. Только две пожилые официантки убирали со столов посуду с тихим ритмичным перезвоном хрусталя и фарфора. Мы переглянулись и поднялись наверх. Посреди огромной спальни под изломанным шатром крыши в лунном свете простиралась широкая кровать. Она упала на неё, широко раскинув свои нежные, гибкие руки и, воздев их вверх, позвала меня. Я лёг рядом и обнял её бёдра, уткнувшись своим лицом в её живот. Её пальцы перебирали мои волосы, вызывая во всём теле неистовую дрожь. Вытянув вверх ногу, она освободила бедро от шёлка и прикоснулась им к моему лицу. Я целовал его, с каждым поцелуем поднимаясь всё выше к её изумительной лодыжке.

С ловкостью цирковых факиров мы сняли друг с друга одежды, обнажая свои загорелые тела. От прикосновений кружилась голова и мутился взор. Сладкая нега растекалась по всему телу. Губы приобрели такую мягкость, что их было страшно сжимать. Нежность поцелуев стала походить на дуновение ветерка. Тугой шёлк её волос источал тепло и аромат ягнёнка. Лёгкие прикосновения её пальцев вызывали стальные напряжения моих мускулов. Обняв четырьмя пальцами её запястье, пятым я гладил её ладонь и чувствовал как неистово пульсирует под кожей её кровь. Гладя её по руке и скользнув по плечу, я накрыл ладонью её грудь. Ощутив её дрожь под своей рукой, я кончиками пальцев прочертил линию по её животу, бедру, колену, стиснув пальцами её лодыжку. Там тоже слышались стеснённые толчки. Нежно прикоснувшись к её икрам, я провёл пальцем под коленом и с силой сжал всей ладонью её смачную ляжку. За упругими, округлыми холмами и бархатными впадинами открылась сладкая, манящая бездна. Я вошёл в неё всем своим существом и она тихо застонала, распустив объятия. Прижавшись к ней всем телом, я дрожал от сладких судорог. Телотрясение продолжалось до тех пор, пока мы не потеряли сознание.

Очнулись мы в объятиях с ощущением просыпающейся плоти и снова начали ласкать друг друга поцелуями и поглаживаниями до мурашек. Мы засыпали и просыпались в объятиях несколько раз, пока нежные звуки флейты не заставили меня открыть глаза. Я лежал на широкой кровати среди скомканных простыней

совершенно один. Геометрические узоры дубовых балок потолка постепенно вернули меня в сознание. Я вспомнил, что нахожусь в доме отдыха и понял, что заработала радиотрансляция.

Доброе утро, товарищи отдыхающие! Начинаем утреннюю гимнастику. С трудом приоткрыв веки, я озирал не знакомые предметы. Звуки флейты сменились резкими стуками по клавишам фортепиано. Я лежал один в огромной постели немецкого рейхсмаршала и вспоминал обрывки вчерашнего пиршества страсти.

Её нигде не было. Куда она исчезла?! Не в плен же её забрали?! Я упал на кровать и старался пробудить помрачённое вином сознание. Подушка источала тонкий аромат её волос, напоминающий горький запах полевых трав, выжженных прибалтийским июльским солнцем. Я долго лежал и не мог надышаться этим пьянящим ароматом.

Когда я спустился в столовую к утреннему кофе, там уже собирался заспанный артистический люд. Красавцы- чечены Ваха и Ахмет подкатили со своими абреками на отмытых до блеска мерседесах. Шурочка была весела и зазывала всех на поездку в Ниду, на дачу Томаса Манна, на копчёного угря.

Когда я начал задавать ей наводящие вопросы о её обворожительной подруге, она с плохо скрываемой радостью сообщила, что я опоздал, что мой поезд, а вернее сказать, самолёт уже улетел. Утром Шурочка проводила её в Тель- Авив и теперь может спокойно веселиться с гостями.

Я стоял на высоком берегу виллы Геринга, смотрел на волны Балтийского моря, сверкающие на ярком полуденном солнце, на чаек, носившихся над волнами и никак не мог ощутить те чувства, которые испытал прошлой ночью. Но это не похоже ни на запах моря, ни на вкус кофе, ни на прикосновение ветра. Это не похоже ни на что.

Добыча

Властелинам гор, лесов и рек России.

Когда наступают первые заморозки воздух особенно вкусен. Он напоён ароматом жухлого разнотравья и пропитан морозной свежестью. Трава, прихваченная морозцем, приятно похрустывает под ногами, оставляя на сапогах мокрые узоры. Приятно сжимать в руках своё ружьецо, его холодные вороненые стволы и тёплое деревянное ложе. Оно чудно центровано и надёжно лежит в правой руке. Когда идёшь по полю вдоль болота, в любую секунду может вспорхнуть куропатка, выпрыгнуть заяц или сорваться с кочки кулик. Лёгкое движение руки и приклад, как влитой прилип к плечу, секунда на выцеливание и резкий хлопок выстрела сотрясает утреннюю тишину. Мой Шарик мало что понимал в охоте, но добычу приносил исправно. Вид у него становился такой важный и отходил от добычи он так равнодушно, что мне хотелось его потискать и расцеловать. С детства бабушка приучила меня не стрелять лишней дичи. Только для пропитания. А поломав зубы дробью, выпущенной мною в садящегося мне на голову селезня, я стал ещё и думать о том, как взять добычу с умом. Весь заряд в тушку не укладывал, старался царапнуть одной крайней дробинкой. На ужин предпочитал взять трёх- четырёх резвых бекасов, чем разделаться с простодушной куропаткой. Настоящий охотник бьёт лису в глаз, чтобы шкуру не попортить.

Закончив в 1993 году съёмки фильма, мой приятель Микитон собрался на утиную охоту. Дело было осенью. Мы приехали в Нижний и с местными охотниками поплыли в волжские плавни, в районы Мари Эл. Высадились мы на живописном острове с уютной избушкой. Народу набралось много. Человек пять или шесть вместе с нами. Микитон, Элизбар, Толя-Рафинад, купец Женя и трое его вассалов. И от охоты я решил улизнуть. Пойду, думаю, один по острову. Посмотрю, кто здесь живёт. Своё решение объявил с вечера, за чаем. Отговаривать меня никто не стал.

Дом был маленький. Сени и одна светёлка. У маленького окна стол с самоваром, полки с провиантом по стенам, а по центру у стены, огромный диван в стиле ампир. И как они его сюда притащили, ума не приложу. Может царь когда-то здесь заночевал. Микитон наотрез отказался возлежать на диване. На диван положили меня. Я принял дар смущённо, но быстро уснул

и не успел потерзаться стыдом. Ночью, когда встал по нужде, пошёл ступать по головам охотников, плотно прижавшихся друг к другу на полу и чуть не раздавил светлую голову своего друга Микиты.

Утром меня разбудил сладостный запах первых заморозков, просочившийся из сеней. В доме было тепло. Пахло сухими травами и мёдом. Егерь держал пчёл. Тишина и покой уговаривали ещё понежиться под ватным одеялом, но очень хотелось есть. Я натянул порты и вышел на волю. Грудь распирало от счастья и свежего воздуха. Дошёл до Волги и умыл своё опухшее лицо. Мы вчера прилично приняли на грудь ядрёного самогона. Вдали слышалась канонада. Это мои соратники стреляли уток в камышах, разгоняя катер до сверхзвуковой скорости. Затопив самовар, я вскинул ружьецо и пугнул двух пролетавших ворон. Они на меня удивлённо посмотрели, но маршрут свой менять не стали. Опознали чудака.

Звуки канонады не умолкали. Я нашёл в сенях вяленую рыбу, мёд и принялся есть и запивать их липовым чаем. Услышав знакомый свист крыльев, я вскинул ружьё и сбил селезня, пытавшегося сесть мне на голову. Через пару минут сбил крякву и подивился богатству сих мест водоплавающей дичью. Утки летели и летели, не давая мне спокойно довершить трапезу.

Солнце скрылось в молочных облаках, когда вернулись мои товарищи. Они приехали пустыми. Микитон распекал Женьку, а тот егерей. Егеря оправдывались, что утки стали очень умные и издали слышали рёв мотора. Но когда Микитон увидел набитую мною дичь, он выпучил глаза и потерял дар речи. Я не знал как это объяснить и оправдывался только тем, что они «летели». Секрет открыл Женька. Он догадался, что утки садились на многолетнюю помойку, в кустах за домом. Решили их зажарить на костре и допить самогонку. Поздно вечером, переплыв Волгу, мы грузились в чёрные Волги, присланные за нами Борей Немцовым.

Ни на кабана, ни на лося я с этой компанией не ездил. Шум не люблю. Но вот когда Микитон объявил, что летит к староверам, в верховья Енисея, я забил хвостом. Летели мы с новым его приятелем Сергеем, к нему на Родину, в страну непуганых тувинцев. В Кызыле пересели на вертушку и, пролетев над горными вершинами Саянского хребта, заскользили на бреющем вдоль русла Енисея, петляющего по широкому ущелью. Вскоре показался остров с ровным рядом складных избушек. Там жила староверская семья Тихона. Он с женой и девять его сыновей с потомством. Все вышли нас встречать. Люди как люди, только добротой светятся. Серёжа прислал им всякого гостинца:

патроны, горючее и прочая чепуха. Тихон отгружал Серёже грибочки, ягодки, рыбку, пушнинку и что Бог послал. Сразу пошли в баню. Енисей огибал остров и делился на несколько проток. На берегу уютной заводи, как у царского бассейна, Тихон с сынами и поставил баньку. Загляденье, а не банька. А пар! А из баньки в заводь. Холодную, прозрачную. После такого пара грех стопку не выпить. Оба-на! А староверы-то не пьют. Нет у них водки. У них и без водки жизнь счастьем светится. Молитвой душу радуют. Нас спасли летуны. У них в припасах было. Так что и мы своё счастье нашли. Залили глазоньки. Спали в светёлках, как люди. Детвора нас сначала разглядывала, а потом в дела погрузилась. Кто дровишки таскает, кто рыбку чистит.

На охоту в горы я не пошёл. Взял лодку и поехал искать тайменя. С детства мечтал. Мощный поток Енисея, зажатый среди огромных гор вселял ужас. Это не моя речушка Великая с её тихими заводями и сосновым бором по берегам. Тайменя я не взял. Да и охотники вернулись ни с чем. Решили мы вернуться сюда зимой. Тихон сказывал, что сподручней. Следы видать.

В двадцатых числах декабря, под самый новый 1996 год, мы снова прилетели в Кызыл. Мороз трещал такой, что у нас в междуножии звенели колокольчики. Нос и губы деревенели мгновенно, а глаза слипались изморосью и приходилось передвигаться наощупь. Не отказывал на морозе только слух, доносивший из космической тишины похрустывание снега, потрескивание льда на Енисее, да глухой стук о землю тушки замёрзший на лету птицы. Не большой я любитель таких приключений.

Микитон выступил во Дворце культуры, рассказал тувинцам кто в России самый лучший и из-за кого мы, российский народ, никак не может доползти до эры благоденствия. Похвалил царя Бориса, облил с ног до головы коммунистов, разжиревших на кремлёвских пайках и публично поблагодарил Кожугета за такого геройского сына. Утром по пути на аэродром мы заехали в этнографический музей, послушали заклинания шамана и просвистели мимо стелы, обозначающий самый центр Азии. Вертолёт взмыл стремительно и понёсся к горным вершинам. Я ползал по вертолёту и искал тёплые вещи. Отговориться на сей раз от царской охоты мне не удалось. Видимо у талантливого организатора Серёги были на меня свои, далеко идущие планы. От мороза и жутковатого посвиста винта, полёт казался бесконечным. Все приняли согревающего напитка, разобрали калаши и приготовились к атаке. Провожая нас, горничная в гостинице пожелала нам счастливого возвращения, рассказав о многочисленных падениях вертолётов во время зимней охоты.

Помянула добрым словом генерала Лебедя, губернатора Красноярского края, упавшего с вертолётом. Это прибавило настроения.

Когда лётчики заметили горных козлов, Микитка с Серёгой взяли калаши на изготовку и открыли дверь. В кабину хлынул поток ледяного ветра. Я вспомнил сказку про Кая и Герду, по неосторожности связавшихся со Снежной королевой, но никак не мог припомнить, чем там всё закончилось. Хотелось бы, чтобы у них всё обошлось. Услышав сухой треск автоматной очереди я втянул голову в плечи и, упав на крутом вираже, забился в угол. Оттуда мне были видны мужественные лица охотников, беспрерывно палящих из калашей по добыче. Их радостные возгласы возвестили о скором возвращении в тёплый уютный дом и я отхлебнул из фляги, забытой у меня по недоразумению. По мягкому теплу виноградной влаги я распознал отборный коньяк Хеннесси. Хотелось приложиться ещё разок, но жестяной окрик Серёги «каскадёр, пошёл!» привёл меня в чувство. На трясущихся ногах, держась двумя руками за стенку, я подошёл в двери и увидел внизу снежную пропасть. На снегу в крови разметались туши козерогов.

— Прыгай! — приказал Серёга.

Я мгновенно оценил обстановку, возможную глубину снега на склоне, способность передвижения там в модельной обуви и… наотрез отказался. Серёга этого не ожидал. Он, пройдя школу комсомола, привык, что люди повинуются ему с восторгом.

— Толя! Заорал не своим аристократическим голосом Микита!

Толя, личный шофёр председателя по кличке «рафинад», низкорослый сухонький мужичок, никогда не веривший в Бога, смачно перекрестившись, прыгнул вниз. Внизу, в снегу зазияла чёрная дыра, с головой проглотившая Толю.

— Элизбар! — Перекрывая посвист винта, завопил Микита. Элизбар, третьесортный оператор, понимавший, что смерть с голоду в Москве не лучше геройской гибели в саянских снегах, прыгнул вниз не крестясь. Впрочем, какой он был веры я не знал. Знал только то, что по какому-то колдовскому стечению обстоятельств его женой побывала дочь первого космонавта Юрия Гагарина. Дыра в снегу от Элизбара была шире и глубже. Полководцы притихли, обдумывая план дальнейших боевых действий. Я прополз мимо них к кабине лётчиков и спросил есть ли у них альпинистская верёвка. Слава Богу, оказался какой-то канат с крюком. Осторожно, как бы извиняясь за свою строптивость, я начал опускать канат вниз. Первым мы вытащили Элизбара. Он был перевозбуждён и пытался снова прыгнуть вниз,

поднимать туши козлов. Когда он понял, что за козлами отправился Толя и до сих пор не вернулся, то начал судорожно травить вниз канат с крюком. К тому времени Толя выбрался из дыры и распластался на снегу. Ухватившись за крюк, он медленно поднимался к кабине, обдуваемый ледяным вихрем саянских гор. Когда «рафинад» был благополучно втянут в кабину, Серёга дал лётчикам команду «Домой!».

Смеркалось. Вертолёт заложил вираж, отваливая от остроконечных вершин хребта и поднимая снежный смерч, плотно закрывавший белым саваном окровавленные трупы гордых животных, ещё несколько часов назад резво прыгающих по горным вершинам и не подозревавших о нашем существовании.

Глазированный Михалков

Никита Михалков стал настолько популярен в народе, что в пору выпускать глазированные сырки с изюмом, марципановые и карамельные фигурки на палочке в образе героев, полюбившихся народу — Паратова Сергей Сергеевич из «Жестокого романса», проводника Андрея из «Вокзала для двоих», комдива Котова из «Утомлённых солнцем», его же, но постаревшего из «Предстояния» со срущей немецкой жопой в прицеле. Культуру нужно нести в массы через детей. Дети нашего поколения должны лизать каждый день карамелизированных героев Михалкова, как мы зачитывали «Дядю Стёпу», гаранта нашей безопасности и правопорядка в СССР. Впрочем мы лизали фигурки вождей, сделанных даже из бронзы, гранита и мерзопакостного гипса, установленных в каждой школе, поликлинике и универмаге.

Никита Михалков родился 21 октября 1945 года. Рос в семье поэта, председателя правления Союза писателей СССР, члена Президиума Верховного совета СССР Сергея Владимировича Михалкова и поэтессы Наталии Петровны Кончаловской вместе со старшим братом Андреем. Наверное мама с папой называли его "сладким", но советский народ об этом не знал.

Юность великого режиссёра протекала на московских улицах не просто. Достаточно только одной истории, рассказанной самим Никитой Первому каналу о его любви к дочери маршала Конева Леночке, ссоре в её доме с её ухажёрами и попытке суицида Никиты с рискованным трюком повисания на балконе одиннадцатого этажа на одной руке!

Потом призыв на Тихоокеанский флот в агитбригаду «по протекции» маршала Конева. Самым сладким воспоминанием за четыре года у юного великого режиссёра было стояние на морозе в телефонной будке, забытого старшим братом во время частного приёма посетительницы в тепле и уюте московской квартиры. Разгребание голубиного помёта на съёмке курсовой работы Андрея Сергеевича "Мальчик и голуби". Тоже не сахар.

Работа над первым фильмом, хоть и про Ленина и добрых чекистов, ограбивших богатеев на пятьсот тысяч золотом была без сахара и оставила персону Никиты Михалкова в среде кинематографистов и обожателей кино "чужим среди своих". Упрёки в плагиате западных боевиков и прославлении чекистов, тогда «особо уважаемых» в народе, а паче в рядах советской интеллигенции. Сладкой его тогдашнюю жизнь не назовёшь.

Вторую фильму тоже пришлось взять без сиропа. С горчинкой. Даже с уксусом. Но на халяву в СССР и он был

сладким. Фильм о Вере Холодной снимал на Мосфильме талантливый, начинающий режиссёр и художник Рустам Хамдамов. Тогда ходили пересуды, что Никита Михалков положил глаз на этот фильм, сценарий которого писал его старший брат Андрей и "сожрал" Хамдамова с потрохами. Создали комиссию, учинили проверку, нашли отставание по графику на неделю и отдали всё исправлять Михалкову. Не сладко. Хоть картина опять получилась про хороших чекистов, зарождающуюся любовь к чекисту артистки «из бывших» и кровожадных белогвардейцев, по голове никто Никиту Михалкова не погладил. В Госкино СССР морщась, ограничили масштаб проката фильма, не смотря на то что бандит Михалкова не советует бить красных, а героиня Елены Соловей в образе Веры Холодной громко кричала белогвардейцам «Вы звери, господа!»

Если бы не навязчивая идея подражать успеху фильмов старшего брата по Тургеневу И. С. /Дворянское гнездо. 1964 и Чехову А. П. / Дядя Ваня. 1970/, ещё не известно чем бы всё это творчество закончилось, так и не распустившись. Но охота пуще неволи. И вот, собрав азартный коллектив, молодые кинематографисты выпускают фильм с загадочным, для советского тугого уха, названием "Неоконченная пьеса для механического пианино", которая и пролила на голову юного дарования первые капли сиропа славы. Без чуда здесь не обошлось. Фильмы Андрея Михалкова-Кончаловского "Дворянское гнездо" и "Дядя Ваня", не только не хуже, но и лучше перепевки чеховских мотивов Никитой, в СССР никто не видел, да и смотреть не хотел. Смотрели совсем другие фильмы. Про Ленина, про плохого Сталина, про войну, про коммунистический бескорыстный труд, фаршированных целомудренной любовью.

Те, кто с наслаждением бы посмотрел фильмы Андрея Михалкова-Кончаловского, ещё сидели в тюрьме за диссидентство. А когда они вышли на свободу, то в кино показывали новый фильм Никиты Михалкова про механическое пианино и любовь на нём. Весь сироп ему и достался. И никто не мог найти сходство между фильмами младшего и старшего братьев, потому что фильмов старшего не видели. Да и Бог с ним. Сироп полился рекой и залил юного режиссёра. Чтоб не скисал.

Но следом за «Рабой любви», выпущенной в прокат в 1975 в 1979 году вышел фильм Никиты Михалкова "Несколько дней из жизни И. И. Обломова". Всё то же, да не то. В СССР, конечно, этот фильм оценили только эстеты. В промежутке между съёмками первой и второй серий «Обломова» за 26 дней оперившийся юнец снял для диссидентов блестящую фильму по пьесе Александра Володина "Пять вечеров" с блистательными Людмилой Гурченко и

Станиславом Любшиным. Кто такой Александр Володин вы, конечно, не знаете. А зря. Если бы он вовремя не умер, его бы выгнали, как Бродского И. А. из СССР и дали бы Нобелевскую премию по литературе. Или по медицине. Понимал он сильно в человеческой душе.

Только за этот фильм Михалкову можно было ставить памятник. Из шоколада. Это был лучший Михалков из всего того, что мы сегодня знаем. В ЦК КПСС пригрозили и заставили снять кино для советской молодёжи призывного возраста "Родня" в 1981 году по внятному сценарию Виктора Мережко. Партии коммунистов нужно было много интернационалистов для войны в Афганистане. Сразу поняли все товарищи, что Михалков Н. С. над ними всеми надругался. Приоткрыл гниющие раны Родины. Виктор Мережко разорвал с ним дружеский отношения в моём присутствии в ресторане «Зимний сад» питерской гостиницы "Астория". Потратил народные денежки, а притока новобранцев страна не получила. Такая вот, братцы, история. То ли за фильм «Родня», то ли за старшего брата, который остался, нарушив паспортный режим, а Америке и которого министр МВД СССР Н. А. Щёлоков /позже застрелившийся от позора за своё воровство/ предал анафеме, но Никита Михалков больше в СССР советских фильмов не снимал.

Могло помочь этому факту и то обстоятельство, что Никита Михалков где то высказался о том, что Сергею Фёдоровичу Бондарчуку легко снимать свои фильмы потому, что на него работает вся страна. Бондарчук С. Ф. очень обиделся и руку Михалкову не подавал до 1986 года, когда на 5-ом съезде Союза кинематографистов СССР, где Никита Михалков выступил в его защиту. Правда мало кто понимает, что этот «героический» поступок Никита Михалков совершил только потому, что Элем Климов и еже с ним, отстранили от кино не только С. Ф. Бондарчука, но его, Никиту Михалкова. Причём своими ушами слышал, как Элем Климов в глаза Никите Михалкову сказал, что не допустит его к кинематографу, тем более не пустит его "Утомлённые солнцем" на Оскар в 1994 году, что фильмы Михалкова могут дойти до экранов только через его, Элема Климова, труп.

И вскоре он, якобы застрелился?! Видимо самостоятельно. Никто ему не помогал. Просто о себе кричать и стыдить товарищей Никите Михалкову было не выгодно, а заступиться за классика — прошло с блеском. С той поры Сергей Бондарчук и стал Михалкова хвалить в ответ. И слава Богу! Только передёргивать фактишки не надо. Не принято это у вас, господ аристократов.

Забавным покажется и то, что в те же времена Никита Михалков издевался над Марленом Хуциевым, называя его "дедушкой русской пролонгации". Марлен Хуциев тогда никак не мог решиться на съёмки фильма "Пушкин". Не видел достойного актёра на главную роль. Я тогда работал у него на картине в подготовительном периоде постановщиком трюков и разрабатывал эпизод восстания на Сенатской площади.

Здесь я передачу из музея восковых фигур заканчиваю, констатируя, что сладким наш герой ещё не стал. Елей и глазурь полились на Никиту из рук Эльдара Рязанова. Роль Сергей Сергеевича Паратова принесла Михалкову всенародную любовь. А роль проводника Андрея в "Вокзале для двоих" ещё и уважение. Народ принял его за своего парня и готов был облить его с ног до головы самым сладким сиропом. Это то, что касается мужей. А их жёны, сиропчику этому пропасть бы не дали. Хозяйственные они у нас на Руси. Женщины России боготворили Михалкова. Он стал для них секс-символом. То есть обнимая в темноте за шкафом своих мужей, они представляли себя в объятиях Михалкова. Какая прелесть. Прельстил он, во славу владыки, всех женщин России. Во славу Князя тьмы! С православием, правда, это никак не вяжется.

Поскольку я был живым свидетелем многих перепетий и переживаний главного героя этого рассказа, Никиты Михалкова, то могу сказать вам, каким не простым было для него время с 1981 по 1986 годы. Актёрские работы в фильмах Эльдара Рязанова, конечно, тешили его самолюбие, но не так, как работа режиссёром. Простой /безработица/ длился до 1986 года, пока Алла Гарруба, жена всемирно известного фотожурналиста Кайо Марио Гарруба, не стала в 1984 году агентом Никиты и не показала его «Механическое пианино» в Риме, собрав на просмотр влиятельных людей западно-европейской культуры. Творчество Антона Павловича Чехова пользовалось в Европе особой любовью. Фильм имел у публики большой успех. Марчелло Мастрояни пришёл в неописуемый восторг и сказал Михалкову, что мечтает с ним работать. Через месяц они обедали у меня в гостях в Ленинграде с Сильвией д'Амико Бендиго, очень богатой женщиной, и обсуждали за рюмкой "столичной" водки фильм по пьесам Антона Чехова «Пароход Одиссей» позже получивший название «Очи чёрные». В мае в Ленинграде начались съёмки, а в сентябре в Костроме они закончились. Фильм был представлен на Каннском фестивале и получил хорошую прессу, приз Экуменического жюри /это про религию и нравы/. Марчелло Мастроянни получил приз за лучшую мужскую роль в этом фильме. Если не ошибаюсь, то фильм был номинирован на Оскар

в номинации «Лучший фильм на иностранном языке» от Италии.

Первый опыт совместной продукции фильма с капиталистами у советского режиссёра и начинающего продюсера Никиты Михалкова пошёл комом. Когда дело коснулось больших денег от проката и продажи в другие страны, маленькая, хрупкая, богатая итальянка Сильвия поставила русского медведя Никиту на место, напомнила ему, когда и для чего она его пригласила на работу режиссёром и собрала всю моржу себе в ридикюль.

Вырвавшимся за границу советским творцам снесло крышу. Самооценка своей роли Александром Адабашьяном была поддержана итальянской и французской прессой, у него брали интервью, о его таланте рассказывала Муза, Сильвия и Марчелло. Никита Михалков пришёл в ярость и разорвал с Адабашьяном А. А. всякие отношения, напомнив ему ту канаву, из которой он его вынул. Кстати ссора длилась 1 лет и именно я их примирил в 1995 к юбилею 50 лет Михалкова.

Но всё равно не смотря на ссору с Сильвией д'Амико гонорар в 400 тысяч долларов, которые привозить в СССР без налогов и обмена на советские рубли было запрещено, Никита получил, доверил деньги Алле Гарруба и тратил их, приезжая в Италию, а позже и с помощью карты VISA с курсчёта Аллы.

На родине Никиты Михалкова фильм в прокате не шёл / права проката у Италии/, а просмотры в Домах кино получили вялую прессу клюквенного сиропчика. Для глазури этого было явно не достаточно, несмотря на педалирование Михалковым факта номинации фильма на премию Оскар. Подчеркну, что номинацию пробила продюсер фильма Сильвия Д'Амико Бендиго и если бы у неё хватило денег на Оскар, то уверяю вас, Никите Михалкову золочёного божка она подержать в руках бы не дала. Приз этот «За лучший фильм на иностранном языке» принадлежит стране и продюсеру, который эту страну представляет. Права на этот фильм и сегодня принадлежат Италии и для российского проката ни кем не приобретены. Вряд ли в России, кроме меня, кто нибудь смотрел этот фильм десять раз. Даже пять. Даже один. Но я на этом фильме работал сам у меня там снималась доченька. И это многое объясняет.

В том же 1984 году Алла Гарруба предложила дирекции Ла Скала пригласить для постановок русских опер Никиту Михалкова. Этот проект вызвал интерес, но Никита, ещё имея страх и совесть и не имея опыта постановок оперы, предусмотрительно отказался. Несколькими годами позже Валерий Гергиев, после устной договорённости поставил имя Михалкова на афишу оперы "Князь Игорь", но Гергиев в те годы был не тем Гергиевым и получил от Михалкова нагоняй за

преждевременное извержение желаемого. Рассказав о своём отказе Андрону Кончаловскому, он сослужил ему добрую службу и мировая музыкальная элита обрела потрясающие русские спектакли "Евгений Онегин" и "Пиковая дама" в репертуаре Ла Скала в постановке Андрона Кончаловского.

В 1984 году Никита Михалков познакомился с финским предпринимателем, по совместительству агентом иностранной разведки, Матти Грюнлундом. Михалков ездил в Хельсинки читать лекции о русском кино, чинить свой старенький «Мерседес» и покупать одежду и обувь для себя и жены. Дети всегда ходили в стареньком. В 1986 году, когда началось в СССР кооперативное движение и Михалков открыл компанию соратников, позднее ставшую студией ТРИТЭ /Творчество, товарищество, труд Никиты Михалкова/, Матти Грюнлунд привозил, купленную для него на западе аппаратуру. Его заподозрили в накручивании цены и выгнали. То есть попросили вернуть немного денег /тысяч триста долларов/, но он счёл это не справедливым и исчез. Я его поймал в Ленинграде у любовницы, хотел избить, но он всё доходчиво мне объяснил о покупке видеокамеры для Михалкова и мы разошлись с ним миром. А Никита затаил на него злобу. Казалось, что иностранцы его обсчитывают. Бог ему судья.

Алла Гарруба много сделала для Никиты Михалкова, работая за агентские 10 процентов. Это и спектакль в Риме с Марчелло Мастрояни по пьесам А. П. Чехова «Очи чёрные», рекламный ролик автомобиля ФИАТ, получивший приз на фестивалях индустриальной рекламы в Милане и в Вашингтоне, а в СССР представленный Михалковым, как художественный фильм «Автостоп». Он тоже не был в прокате именно из за отсутствия прав. В 1989 году Алла организовала мастер-класс режиссёра Никиты Михалкова в Риме в театре на пяцца д'Испания и собрала около ста желающих. Это не большие, но тоже деньги. В СССР Никита Михалков ничем больше не зарабатывал. Алла Гарруба со своим мужем Кайо Марио Гарруба, используя свои связи в мире журналистики, нашли заказ на телевизионный фильм о монгольских пастухах для французского познавательного телевидения. Спонсировал этот проект один из десяти братьев, богатейших людей Франции, владеющих электростанциями, Мишель Сейду.

Когда редактор студии Никиты Михалкова Анатолий Ермилов поработал во Внутренней Монголии и подготовил приезд экспедиции, мы собрались в долгий путь. Взяв творческий отпуск от обязанностей проректора Всесоюзного института повышения квалификации ПТО в городе Ленинграде я тоже

приехал в Китай, в город Хайлар, на сопки Маньчжурии. Просидев там месяц, не понимая что делать и болтаясь по магазинам мы уже собирались домой. Но в этот момент на экскурсию в экзотический край приехал Мишель Сейду с женой и её подругами. Магия Михалкова за столом с водкой, даже китайской, не преодолима. Мишель Сейду, выпив рюмку «Столичной» /а у нас было/, повёлся на рассказы Михалкова, как мыши на дудочку Нильса из сказки Сельмы Лагерлёф про диких гусей. Михалков плёл несусветный бред про презервативы, которые спасут монголов от казни за плодовитость, рассказывал о сне мальчика, увидевшего своих предков из войска Чингис-Хана и всё, что всплывало в его перепуганном безработицей, мозгу.

В итоге Сейду стал продюсером фильма с рабочим названием «Монгольский фантом», а в Венеции ставшей легендарной, золотольвиной венецианской «Ургой». Плёнки было отснято Михалковым на десять фильмов, в результате чего подобралось материала на более менее внятную историю об урге и хозяине её Бенге. Именно «Урга», а не «Урга — территория любви» как её называет режиссёр Никита Михалков, а не продюсер Мишель Сейду. Именно Мишель Сейду имеет права на прокат фильма в мире, а следовательно, также как и Сильвия Д'Амико, имел бы право держать в руках приз Американской киноакадемии ОСКАР, если бы фильм стал первым из числа пяти, номинированных на «Лучший фильм на иностранном языке» от Франции за 1991 год.

В 1991 году Алла Гарруба уговорила итальянского бизнесмена и издателя Анджелло Рицолли, который между прочим был продюсером фильмов Федерико Феллини, продюсировать проект «Сибирский цирюльник», придуманный возбуждённым Михалковым. Анджелло Рицолли, ориентируясь на Оскар и мировой рынок пригласил известного американского сценариста Роспо Паленберга и соединил его идеи с маниакально-навязчивой мыслью Михалкова о любви к царской России, юнкерах и сибирской каторге. Не зря прошло детство мастера на кремлёвских задворках. Получилась невообразимая фигня. Но и эту фигню Михалков умудрился превратить в свой подвиг. Вот уж ИЛЛЮЗИОНИСТ с большой буквы.

Снимая в Ленинграде телевизионный документальный сериальчик «Сентиментальное путешествие на Родину через живопись», он оставлял Роспо в гостинице «Прибалтийская», а вечером, после своих съёмок, проверял, что тот сделал. Когда Роспо, известный сценарист Голливуда, возмутился такими условиями рабства и передал эту ноту протеста Никите Михалкову через Аллу Гарруба. Произошёл взрыв михалковского гнева. Он грубо прогнал Аллу, порвав с ней многолетние

отношения. Сценарий был заморожен хозяином Анжелло Рицолли и вернулся к жизни, выкупленный адвокатом Никиты Михалкова господином Клайнгути в 1995 году. Подготовительный период к съёмкам фильма «Сибирский цирюльник» проводил я, работая в ТРИТЭ заместителем председателя правления, то есть заместителем господина Михалкова Н. С. И к слову замечу, взял он меня не на содержание, а как интеллектуальную рабочую силу, как человека с двумя высшими образованиями, доцента, проректора по учебной работе всесоюзного института, каскадёра и мастера спорта по самбо, подавшего документы на звание профессора. Причём за копейки. Пользуясь моей бедой /это справка для пидоров, которые своим холуйским мозгом могут додумать только до того, что он меня взял, а зачем и за сколько это у них не прорастает/. Но тут у Никиты Михалкова случился солнечный удар с подружкой и сокурсницей его дочери Анны, актрисой Алисой Призняковой, при котором мне отводилась роль "панамы" /крыша/. Я не любезно отказался.

Вернувшись в 1992 год безработный Никита Сергеевич набросился на синопсис Анатолия Ермилова о страшной судьбе российского поэта Эфрона, попавшего в сети НКВД, чтобы вернуться на Родину к своей любимой, а попав на Родину, нашёл её в объятиях красного комдива. Синопсис назывался «Безусловный эффект шаровой молнии». Чтобы незаметно уйти от замысла автора и перехватить инициативу, Никита Сергеевич, на моих глазах в гостинице «Астория» придумал назвать фильм «Утомлённые солнцем». Ну как "Унесённые ветром".

Прицелом был мировой прокат и премия ОСКАР, а продюсером планировался всё тот же — Мишель Сейду. Других и не было, а этот подсел на гранёный стакан. Михалков кого хочешь споит. Хочешь попа, хочешь француза. Повезло Наполеону в то время родиться. Или вернее, не в то. Да, хрен с ним. Больше всех повезло Михалкову. Обласкан он Владыкой! Правда, по моему, Христос в хитоне ходил. Ну во второй то раз к ним в кремлёвские кущи, надеюсь, он поприличней оденется и явится в норковой шубе!

На этот раз, накопив опыта, Никита Михалков развёл Мишеля Сейду так, что к концу съёмок в Нижнем Новгороде в октябре 1993 года денег не осталось ни копейки и давать и добавлять лишние Мишель Сейду не собирался. К тому же от сильного ноябрьского ветра внезапно облетела листва с деревьев и стукнул морозец. Михалков свалил всё на киногруппу, построил всех по стойке смирно, обласкал аристократической бранью и велел всем развешивать на деревья искусственные листья. Картинка была ещё та, достойная кисти Кости Коровина. Один умный человек

подсказал им, что у военных есть маскировочные сетки, что спало художника Аронина от превращений в крошечку-хаврошечу. Долго потом Никита Сергеевич приводил в восторг нашу простодушную публику рассказом о героическом подвиге Наденьки Михалковой, изображавшей июльскую жару, топая босыми ножками по промёрзшей земельке. И никому в голову не пришло спросить, кто же создал условия для этого подвига, прохлаждаясь в баньке с нижегородскими русалками и лешими.

Совершенно случайно /кто верит в Бога, не верит в случайность/, за азартной дьявольской игрой в рулетку в «Дамском клубе», Никита Сергеевич соблазнил хозяина клуба Владимира Ивановича Седова, помочь ему деньгами и стать сопродюсером. Тот клюнул и дал денег. Денег было некуда девать. Народ в 1993 разводили по полной программе. Но называл его продюсером Никита только при своих дружках, потому как это не совсем законно. Подоспела дружеская помощь от Фонда Ролана Быкова в лице его тогдашнего директора и самого Иванькова. В Лос-Анжелес на вручение премии ОСКАР Седов В. И. тоже летал, но за свой счёт, оплатив дорогу и билеты в кинотеатр «Кодак- Синема» Никите Михалкову, Рустаму Ибрагимбекову и сопровождающим их дамам. Я платил за себя сам. Принципиально. Мишель Сейду на Оскаре не засветился. Как, впрочем, и Олег Меньшиков, Ингиборга Дапкунайте, Вячеслав Тихонов, Владимир Ильин, главный оператор Вилен Калюта, директор Леонид Верещагин и другие официальные лица. На сцену для вручения Оскара вышел Никита Михалков с дочерью Надей. Речь ведущего звучала так:…и приз получает режиссёр фильма Никита Михалков Россия/. Именно так российские сограждане слышали впоследствии комментарий ведущего. То что перед этим он говорил про Мишеля Сейду никто не знает. Однако во Франции оценили заслуги Михалкова и вручили ему орден Почётного Легиона. Просто так такие знаки отличия не дают. Крепкая и давняя дружба связывает наши народы. Скорее всего это была договорённость Никиты Михалкова с Мишелем Сейду, все стороны устроившая. По правилам американской киноакадемии премия Оскар «За лучший фильм на иностранном языке» вручается продюсеру фильма. Хорошо было бы посмотреть, как прыгали и изгалялись лауреаты этой премии в других странах. В СССР статуэтку премии ОСКАР помещали в сервант директора киностудии Мосфильм и считали общественным достоянием. Помню что посылали на ОСКАР «Утомлённые солнцем» от России и протокол подписывал первый секретарь Союза кинематографистов России, режиссёр Сергей Соловьёв. А вот кто мог конкурировать с фильмом «Утомлённые

солнцем» в 1994 году тогда даже не говорили. А ведь уже проводил Юлий Гусман полным ходом свою НИКУ. Причём не силами жилконторы химкинского района, а Национальной академией киноискусства России! Но ОСКАР «Утомлённых солнцем» принадлежал только Никите Михалкову. Он был дороже, чем тот за фильм «Война и мир» С. Ф. Бондарчука и тот, за фильм «Москва слезам не верит» В. Меньшова, потому что за них работала вся страна, а здесь работала только студия ТРИТЭ «Творчество, товарищество, труд Никиты Михалкова».

Справедливости ради, нужно уточнить, что первоначально в 1994 году студия ТРИТЭ /Творчество, товарищество, труд/ была Товариществом с ограниченной ответственностью и принадлежала нескольким физическим лицам — Никите Михалкову, Леониду Верещагину, Рустаму Ибрагимбекову, Анатолию Ермилову. Логично было бы и славу от ОСКАРА делить поровну. Но при мне Михалков даже отказал Рустаму Ибрагимбекову показать картину и Оскара на его родине в Баку, сославшись на занятость, а мне хитро подмигнув — «перебьётся!». И "перебился"!

Золотого Льва в Венеции они получали вместе, Мишель Сейду и Никита Михалков, демонстрируя творческое содружество режиссёра и продюсера. Но стоит он в Москве у Михалкова. Прокат «Утомлённых солнцем» в мире принадлежит Мишелю Сейду, а ОСКАР стоит в Москве у Михалкова. Правда ОСКАР за «Войну и мир», «Москва слезам не верит» стояли до недавнего времени на Мосфильме, а не у режиссёра С. Бондарчука и В. Меньшова дома.

Работать на съёмках «Утомлённых солнцем» я не согласился, хотя Михалков меня сильно уговаривал. После моей работы на «Урге» он верил в мои силы и смекалку. Но денег платил мало. На съёмках вторым режиссёром работал Володя Красинский. А вот прокат фильма по России осуществили под моим руководством, снова появившемся на работе в ТРИТЭ в 1994 году.

Вот тут то я был свидетелем того, как Никиту Михалкова любящие зрители, губернаторы, олигархи щедро поливали сладостным сиропом. Новые друзья из Нижнего Новгорода Владимир Седов, Борис Немцов, Андрей Клементьев провели презентацию «Утомлённых солнцем» в Нижнем Новгороде, пригласили губернатора Ярославля Лисицина А. И. и других товарищей. Приехали уважаемые люди из Москвы — С. Ф. Бондарчук с супругой, А. Иншаков, президент ассоциации каскадёров и лучший друг и тренер Вячеслава Иванькова, меценат Шабтай фон Калманович, Отарик Квантришвили, президент ММКФ 1994 года /совместно с Сергеем Соловьёвым/

Александр Абдулов, Сергей Соловьёв и другие неофициальные лица. Премьера прошла в тёплой, дружественной обстановке. Нападение вооружённого, ревнивого мужа одной русалки на Никиту Михалкова я нейтрализовал без лишнего шума. Фильм всем понравился и было решено выставить его в 1995 году /за истекающий 1994 / на премию ОСКАР/.

В Америке от Фонда Ролана Быкова в то время работал Вячеслав Иваньков /Япончик/ и правил бал на Гудзоне. В Россию на Московский Международный Кинофестиваль в 1994 году прилетело из Америки много известных артистов, академиков Американской киноакадемии, среди них был и Ричард Гир, которого радушно принимали и дарили ему дорогие подарки. Гостей ММКФ решили принять в Нижнем Новгороде, прокатить по Волге на теплоходах /причём Ричарду Гиру выделили отдельный теплоход/, Мишеля Сейду уговаривали на общем теплоходе, угостили ушицей у стен Макарьева монастыря.

Подписал и директор Фонда Ролана Быкова или Сергей Соловьёв оформил прошение и рекомендацию Американской киноакадемии на номинацию в разделе «Лучший фильм на иностранном языке» от России фильма режиссёра Никиты Михалкова и совместной продукции ТРИТЭ и Камера УАН / Франция/ — «Утомлённые солнцем» — тонет во мраке времён. Даже прилетев в Лос-Анжелес со своими друзьями В. Седовым и Р. Ибрагимбековым и семьёй, Никита Михалков не верил в своё счастье. Ведь оно улизнуло от него здесь и в 1987, когда вместо «Очи чёрные» премию ОСКАР получил фильм с Катрин Денёв «Индокитай» и Михалков кричал тогда, что так американцы расплатились с ней за его унижение в Каннах, где Катрин Денёв, вступив в сговор с американцами, отдала Золотую пальмовую ветвь фильму Квентина Тарантино «Криминальное чтиво». Дураку понятно, что «Очи чёрные» Михалкова намного лучше. И с «Ургой» не сложилось, пожалел Мишель Сейду денежек. Потратился на «Золотого льва» в Венеции и скис. Но Михалков ошибался. Счастье привалило, как из ведра. Российско-французский фильм "Утомлённые солнцем", собрав наибольшую кассу за время проката на русском языке среди русскоязычного населения в США в 1994 году, честно получил свой приз ОСКАР.

Вот по какой причине этот фильм собрал наибольшую кассу? Может потому, что он про сталинский режим? А Михалков трактовал в России для не посвящённых про свою гениальность, которую раскусили русские иммигранты. И все простаки поверили. Он говорил мне, что не чувствителен к лести, к славе. Уверял, что ОСКАР никак не повлияет на его личность. Но каждый день он менялся. К тому же с ним случился солнечный

удар. Прямо на дне рождения дочери Анны. ОСКАР сверкал золотом у него в серванте и принадлежал только ему.

Только не подумайте, что всё дали так, без денег. За красивые Никтины глазки. Секс — символов у них и без Михалкова хватает. Нет, всё было не так. Во-первых осенью 1994 года в Москве проходил финал Кубка Дэвиса по теннису. Никита уже несколько лет занимал трон Президента Федерации тенниса России. Это было на уровне Великого Князя при царе Борисе. Царя Бориса, человека спортивного, потянуло к теннису и тренировал его Шамиль Тарпищев. Никита был не у дел. Финал выиграли шведы и на приёме в Кремлёвском дворце съездов, где я обхаживал своего кумира Стефана Эдберга, к Никите подошёл Шамиль Тарпищев с другом и сказали ему, чтобы он "отдыхал", а пост Президента федерации тенниса Шаиль возьмёт себе. Так надо. Михалков пытался подговорить общественность через Арама Мнакацанова, но тот в поддержке отказал. Тогда Михалков пожаловался Иншакову. После "тёрок" про теннис Михалков почти забыл. Ездил иногда играть в "Чайку" с Борей Немцовым и Олегом Сосковцом, чтобы мелькать в кремлевской тусовке, но процессом не рулил.

По осени 1994 года в Ярославль, к губернатору Анатолию Ивановичу /8-0852-222328/ Лисицину /помошник — Воронин Николай Павлович /221624,277756 Ира/ приехал на охоту Виктор Степанович Черномырдин /премьер-министр РФ/ и случайно встретил там Никиту Михалкова, послушал про мою идею — подарить тираж книг «Российский архив» всем институтам и школам России и перевёл по просьбе Н. С. Михалкова, президента Фонда культуру РФ с 1993 года, по письму директора Фонда культуры РФ Левчука Дмитрия Георгиевича /8-095-2026984/ в банк «Новый международный валютный союз» 7 миллионов долларов США /семь миллионов долларов США/, исчезнувшие на другой денег вместе с этим банком. На такие бабки можно и два ОСКАРА купить. И ещё останется. Банк принадлежал друзьям друзей, любителей кино, денег и стволов, каскадёров и каратистов.

Банк ЧАРА уже лежал на боку, а этот только что споткнулся. При Б. Н. Ельцине и В. С. Черномырдине прогорало много банков, модно это было, по капиталистически, по новому. Прокурора Скуратова, после того как малютку сфоткали голым на проститутках, молчала и он молчал. Мычал только на тех, кого укажет царь Борис. Да нет, не Березовский.

Кстати о птичках. Переевшие и перепившие граждане России потеряли способность к анализу. Даже такие шустрые журналисты, как Андрей Колесников и Тина Канделаки обсуждая

на «Нереальной политике» новый манифест Никиты Михалкова не вспомнили его вопли по поводу выпуска его студией и Фондом культуры РФ книг «Российский архив», придуманных от тоски его другом Алексеем Налепиным, с которым Никита учился в школе рабочей молодёжи.

Эти книги, по второму гранту в пять миллионов долларов на счета банка, указанным в письме Фонда культуры РФ в Правительство РФ должны были достичь своего читателя и должны были быть разосланы в библиотеки всех ВУЗов России. Кто нибудь их читал? А ведь и фильмы Никиты Михалкова смотрит такое же количество зрителей, ничтожно малое от числа всех граждан Российской Федерации. Воспитательный эффект от них — нулевой! А вот крику и запаха — много. Ой, как много. Ни о Борисе Пастернаке, ни о Юрии Гагарине, ни об Андрее Сахарове, ни об Иосифе Бродском, ни об Александре Пушкине, ни об Иване Тургеневе, ни о братьях Черепановых, ни об Андрее Тарковском, ни об Иване Крылове, ни об Михаиле Кутузове, ни об Александре Невском, ни об Екатерине Великой, ни о Степане Разине, ни о Василии Шукшине, ни о Владимире Высоцком, ни о Андрее Звягинцеве, ни об Алексее Германе, ни о Леониде Брежневе, ни о Великом Ленине сегодня столько не говорят, сколько говорят о Великом режиссёре Никите Михалкове, который за наши огромные деньги снял два фильма «Предстояние» и «Цитадель», а их даже по телеку никто в России не смотрел /по статистике — ничтожно мало и статистически недостоверное число граждан, чтобы говорить о мнении народа/. Ну уж патриотический дух он точно этим фильмом ни у кого не поднял. Ну, если только, у бывшего министра обороны Анатолия Сердюкова и его девушек, дальних родственниц Премьеров и Президентов.

Никита Михалков очень мало в своей жизни читал книг. Иначе когда блудить? Когда сниматься? Когда тусоваться? Чтение требует тишины и покоя. Такой жизни Бесогон никогда не вёл. Даже на флоте, на Дальнем Востоке. Там нужно было агитацией заниматься, по гарнизонам шнырять с гармошкой. Или "карандашиком" /лом — по ихнему/ ямки в вечной мерзлоте "рисовать".

Читали для него соратники. А. Адабашьян, А. Ермилов, А. Налепин и многие другие товарищи. Читая, выписывали цитаты и фамилию автора. Вот почему Никита Михалков так любит сыпать цитатами, добавляя фамилию автора и забывая имя отчество. А ведь в России много однофамильцев. Толстых только двое.

Вообще — делание за Барина — стало хорошей традицией. Никита Сергеевич приучил дворовых выполнять за него черновую

работу, отпахав на курсовой у старшего брата. Потом стал объяснять это челяди своей колоссальной занятостью. Сидит два часа, "качается" на станках-качалках, да это ещё по телеку "Россия" с Сергеем Брилёвым на всю страну показывают, а потом несётся с мигалкой на совещания в Кремль, к бывшему Министру Обороны, в Совет советов, в Союз кинематографистов, в Фонд культуры, в студию ТРИТЭ, на теннисный матч с нужными лицами, А потом на съёмочную площадку, творить нерукотворное.

Как и всё в фильме. Ни оператор, ни сценарист, ни актёры, ни художник, ни кто то ещё к этому ОСКАРУ отношения не имели. А Никита Михалков получил этот ОСКАР как кто? Лучший режиссёр? Лучший актёр? Лучший продюсер? Лучшее всё!! Лично мне, было бы неловко.

На основании какого критерия американская киноакадемия присуждает этот приз ОСКАР «За лучший фильм на иностранном языке». Согласно природе этого критерия определяется и персона, которой вручается приз ОСКАР. Логика подсказывает, что это не актёр, не режиссёр, не оператор, не художник, не композитор, для которых в основном конкурсе есть номинации, а кинематографический коллектив страны, который своей кинопродукцией прорвался на американский рынок и завоевал там лучший кассовый сбор.

И не фиг вкручивать тупым не образованным, не любопытным россиянам, что ОСКАРОМ отмечен только один гений, великий режиссёр, глазированный Никита Михалков.

Без взаимной любви Путина В. В. и Михалкова Н. С. такое, конечно, было бы не возможно. Сталин тоже полюбил авторов гимна Эль Регистана и Сергея Михалкова, но миллионными тиражами издавался только один. Володя Путин полюбил Никиту Михалкова, когда тот его и не знал, будучи студентом ЛГУ имени А. А. Жданова, штудируя работы Ленина и мечтая о работе во всемогущем КГБ СССР. Володю, как самозванца туда не приняли. И тут, в 1974 году Путин увидел фильм о Егоре Шилове, которому как и Володе Путину, не поверили товарищи из отдела кадров КГБ и если бы не добрый, прозорливый заведующий кафедрой физвоспитания М. М. Бобров, и не их дружба с Володей на ниве информирования, не известно, как бы сложилась судьба будущего разведчика. Никита Михалков, сам не понимая, снял кинофильм, прототипом главного героя в котором, стал юный Путин В. В. Долго ждали они этой встречи. Подводил я Никиту Михалкова к Путину В. В. и в спортзале бассейна «Петроградец» в 1984 году, где директором был Демит Момот, друг Путина по секции самбо в ЛОС ДСО ТРУД, проходил мимо Путина В. В.

маститый Никита Михалков в Смольном в 1995 году, где за дружеским обедом, Никита Михалков договаривался с Анатолием Собчаком о съёмках в Питере «Сибирского цирюльника» / Людмила Нарусова не даст мне соврать/,отказывал Михалков в просьбе Путина поддержать его друга Алексеева А. А. на выборах в Госдуму в 1995 году, а вот в 1999 их пути пересеклись и вряд ли разойдутся. Никита Михалков стал Президентом ММКФ, возглавил Союз кинематографистов, Бессменный Президент Фонда культуры, член многочисленных советов при Президенте, Министерстве обороны, друг Шойгу С. К., доверенное лицо Путина В. В./между прочим таким же доверенным лицом Путина стал тот самый Александр Иншаков, президент каскадёров, каратистов, бойцовых собак и друг Япончика/.

Сергей Михалков уже в 1999 году в интервью объяснял свой поступок по исключению Бориса Пастернака из Союза писателей СССР в 1958 году и о его травле, как врага и предателя народа. И это уже при том, что сын его Никита снял фильм воздействии культа личности Сталина на души советских людей и нравственность их поступков, уже свершилась многотрудная история и других членов его семьи. И при этом не покаяние, а оправдание своих действий, согласно правилам игры.

Никита Михалков производит среди населения России толкование успехов фильмов «Очи чёрные»,1986 /производство Италия/, Автостоп,1990 /рекламный ролик производство Италия/,Урга,1991/производство Франция/, «Утомлённые солнцем»,1994 /производство Франция- Россия/, будто бы это только его личные заслуги и награды, выданные лично ему. Это не правда. Лауреатом этих премий имеют право называться совсем другие люди и их много. Это Марчелло Мастроянни, продюсер Сузо Чекки Д'Амико, продюсер Мишель Сейду, актёры Владимир Гостюхин, Олег Меньшиков, Ингеборга Дапкунайте, оператор Вилен Калюта, а втор идеи «Утомлённые солнцем» Анатолий Ермилов и многие другие достойные соавторы кинопроизведений. Когда премию ОСКАР в номинации «За лучший фильм на иностранном языке вручали авторам фильмов «Дорога», 1954 год, продюсер Дино де Лаурентис,/ Италия/,"Восемь с половиной",1964, продюсер Анджелло Рицолли,/Италия/, "Мужчина и женщина", 1967 год, продюсер и режиссёр Клод Лелуш /Франция/, то на церемонии присутствовали режиссёры и актёры. У Михалкова создаётся культ и окружающие с наслаждением впадают в грех и творят себе кумира.

Новый фильм великого режиссёра, во многом и для многих, автобиографический, поможет России решить демографическую

проблему, пробудит в людях страсть к деторождению, раскроет тайны грехопадений, покажет путь к вершинам христианской морали и нравственности. И ничего, что Никита Михалков не успевает поработать как следует на всех постах, ничего что в России не осталось колёсных пароходов и он, Президент Фонда культуры России, не постарался их сохранить на Родине, а снимает их в Швейцарии, главное — он остаётся талантливым, свободным художником.

P.S. Замечу, что Никита Михалков, называл меня единственным своим другом /репортаж из Канн, 16 мая 1994 года по ОРТ/ и выбрал меня, как опытный режиссёр, из большого числа людей, не брезговал нашей дружбой двадцать лет, а сломался на моём не подчинении его греху прелюбодеяния с Алисой Призняковой. Ну не хотел я, чтобы он погряз в грехе, и все его товарищи по работе и дому не хотели. Только сделать ничего не могли. Бздели! А я не забздел!

История Никиты Михалкова, Иосифа Сталина, Леонида Брежнева — явление общественное. Простые люди только на вид идиоты, а так они всё понимают. К чему привело такое вялое, безразличное отношение общества сегодня в 2012 году вы можете видеть. Михалков перестал делать интересные фильмы, но лоснится глазурью, выдвигает сам свои фильмы на ОСКАР, не получив его, упрекает американских киноакадемиков в том, что у них всё продаётся и покупается и снова выдвигает свой фильм на ОСКАР. Оскаромания какая то!

А вспомните как на посиделках, организованной Первым каналом по случаю первой церемонии "Золотой орёл" Никита Сергеевич рассказывал душераздирающую историю про то, как на кинофестивале в Сан-Себастьяне он сам уговорил президента кинофестиваля, выдать приз российскому режиссёру из хорошего к Никите отношения. Режиссёр был в восторге. А у меня перед телевизором отвисла челюсть. Здоров ли бывший друг? Всё ли хорошо у него с головой? Если он так может вынуть приз в Сан-Себастьяне, то чего все эти призы стоят? При этом спектакль по поводу кристальной честности при определении лауреатов "Золотого орла" Михалков Н. С. разыграл такой, что зрители с трудом сдерживали слёзы.

И вот сидел Михалков десять лет в Советах разных, носился по Москве с МиГалками, как бы не опоздать после тренажёров на совещание к министру обвороны Пердюкову. А чего насоветовал то? Разграбить армию на миллиарды, пошить говённую форму. Или мне послышалось? ГЛОНАСС, АТЭСС и прочая хрень. Потому что Михалкова слушают и смотрят его лживые фильмы.

Балованный он у вас!!! Кликуша отвлекает людей от Бога, золотят купола, а могилы предков срывают бульдозером и строят на костях свои дворцы. А вы, сограждане, от царствия благоденствия всё дальше и дальше. Только не думайте, что ваши дети этого бардака не видят! Конечно, власти не могут не любить сына автора гимнов СССР и России, сына патриотов и помощников в деле возвращения на родину из США скульптора Конёнкова с его женой Маргаритой, а с ними и связь с Альбертом Эйнштейном, источником секрета американской атомной бомбы /Кончаловский А. С. "Низкие истины", Совершенно секретно,М.,1998/

Мы забыли об истинных героях, о врачах, геологах, сталеварах, генералах, космонавтах. Кто помнит Юрия Гагарина, Иосифа Бродского, Николая Вавилова, Сергея Ильюшина, Сергея Королёва, Андрея Сахарова, /это он вам дал новую, достойную жизнь/, Александра Пушкина? Но зато каждый день вы слышите о Михалкове, о его съёмках парохода в Швейцарии. Да ведь это только кино, которое не все и увидят. А если даже все увидят, как в СССР, то лучше не станут, а позволят разорить свою Родину шпане и мракобесам.

То же твориться и в стране. Скинув ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА народ посадил на трон живого чекиста, утратил контроль над действиями правящей верхушки и смотрит по телевизору кошмары о собственной жизни, о воровстве космического масштаба. И не случайно Никита Михалков характеризуя суть русской загадочной души цитирует Василия Розанова "Подмигнёт один русский мужичок другому и всё станет ясно..". Лукавое лицемерие, жизнь по понятиям, вне Закона — вот та глазурь, которая укрывает сущность современной аристократии.

Общественные должности Никиты Сергеевича Михалкова, где его ждут годами

Президент Российского фонда культуры (с 1993 года по н/в);

Член президиума совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству;

Член совета по кинематографии при Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации;

Член совета директоров ОАО «Первый канал»; Председатель правления ООО «Студия ТРИТЭ Никиты Михалкова»;

Член совета директоров компании «Синемапарк»;

Президент Московского международного кинофестиваля;

Академик Национальной академии кинематографических

искусств и наук России;

Член комиссии Национальной академии искусств и наук России по выдвижению российских фильмов на «Оскар»;

Представитель России в Европейской киноакадемии;

Участник российско-итальянского Форума-диалога по линии гражданских обществ;

Член совета по информационной политике Союза России и Белоруссии;

Член конкурсной комиссии по созданию гимна Союза России и Белоруссии;

Член президиума Всемирного русского собора;

Сопредседатель совета Российского земского движения;

Член экспертного совета премии «Человек года»; Почётный профессор ВГИКа;

Председатель попечительского совета конкурса студенческих и дебютных фильмов «Святая Анна»;

Почётный председатель жюри Литературной премии имени Горького;

Член попечительского совета Благотворительного фонда поддержки творческого наследия Микаэла Таривердиева;

Председатель творческо-экспертной комиссии по присуждению премий Центрального федерального округа в области литературы и искусства;

Член общественного совета Приволжского федерального округа по развитию институтов гражданского общества;

Член попечительского совета по возрождению мужского монастыря Коренная пустынь (Курская область);

Член попечительского совета Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана;

Член попечительского совета Отечественного футбольного фонда;

Сопредседатель попечительского совета по сохранению наследия Соловецких островов;

Олимпийский посол заявочного комитета «Сочи-2014»;

Председатель Общественного Совета при Министерстве обороны;

Президент Совета Российского союза правообладателей;

Член Попечительского совета благотворительного фонда Олега Дерипаски «Вольное дело»;

Член Попечительского совета Благотворительного фонда Святителя Василия Великого;

Доверенное лицо кандидата в президенты Путина В. В.

Наводящие вопросы пустоголовым биографам Никиты Михалкова, раскрывающим его лицемерие и лживость

1. Как Михалков мог удержаться и влезть на балкон 11 этажа из положения виса на одной руке Лены Коневой, за которой он ухаживал и получил там ****юлей? Сил бы не хватило висеть на одной руке, а тем более подняться на балкон 11 этажа из положения виса не спортсмену и довольно крупному не спортивному юноше…Это его ложь.

2. Отправка на Тихоокеанский флот /где он почему то пробыл 1,5 года в то время, как на флоте ВМФ СССР служили 3 года/ была инициирована маршалом Коневым, а не геройским, патриотическим подвигом самого Михалкова.

3. После исключения из актёрского училища, почему его принял в мастерскую Михаил Ромм, у которого учился старший брат Андрей Михалков /Кончаловский/, а ни какой другой мастер? Конечно блат и папа.

4. Молодому режиссёру на Мосфильме дают снимать картину про чекистов Э. Володарского? Не Ю. Семёнов ли позвонил своим друзьям в КГБ? И не был у них "принят" молодой Михалков, как и Галина Вишневская, на службу? Был. Да ещё получил премию Ленинского комсомола за неё. А пресса была ужасающей.

5. Не так просто было подвинуть режиссёра с картины на Мосфильме, а Никита Михалков подвинул национального выдвиженца Рустама Хамдамова и доснял "Рабу любви" про тех же чекистов. Много было пересудов по этому поводу. Звонил ли папа и его знакомые генералы КГБ?

6. Режиссёр — профессия собирательная. Лебешев, Адабашьян, Артемьев, работавшие у старшего брата, сыграли не малую роль в успехе последующих фильмов Михалкова. Но их претензии резко пресекались Никитой- Бесоклоном — отсюда и ссора с Лебешевым, с Кайдановским, с Калягиным, И. Дыховичным, с В. Мережко, А. Адабашьяном, давшим интервью французской газете о его доли участия в фильме "Очи чёрные" в 1986 году в Каннах..

7. Связь с финским бизнесменом Матти Грюнлундом в 1983 году /он кстати указан в титрах фильма "Урга" как продюсер с русской стороны, а не Л. Верещагин /, позволили Н. С. Михалкову выехать в Финляндию для чтения лекций, купить Мерседес, и завести счёт в западном банке на Матти Грюнлунда. А ведь он был нормальным шпионом. Это я выяснил, гоняясь за "долгом" Михалкова у Матти. И уже тогда Михалков представлял интерес, как "агент влияния",снявший антисоветский фильм "Родня".

8. Знакомство в 1984 с фоторепортёром ЭСПРЕССО Кайо

Марио Гарруба и его женой Аллой Гарруба — принесли Михалкову заказ на работу режиссёром в итальянском фильме Сильвии Бендиго Д'Амико с Марчелло Мастроянни "Пароход Одиссей", переименованный в "Очи чёрные" и приз в Каннах за лучшую мужскую роль в фильме Марчелло Мастроянни.

9. Алла Гарруба, работая агентом Михалкова, в 1988 году принесла ему заказ на рекламный ролик ФИАТ, выдаваемый Михалковым как АВТОСТОП, но с упоением рассказывающим афёру с получением киноматериала./сюда можно приплюсовать такую же афёру с похищением плёнки для фильма "Анна — от 6 до 18", учебного французского фильма о Чехове на студии ТРИТЭ.

10. Алла Гарруба нашла заказ для Михалкова на документальный фильм для ТВ Франции, для географического общества Франции о монгольских пастухах. Встретившись во Внутренней Монголии с продюсером фильма Мишелем Сейду, за стаканом русской водки /он, Сейду, был слаб на алкоголь/,Михалков уговорил его на эксперимент и попытку снять художественный фильм с любительскими актёрами из Монголии и В. Гостюхиным с нашей стороны. Без сценария было снято материала, превышающие все мыслимые масштабы, изгнана из экспедиции в Монголии французская группа, мешавшая Михалкову шифровать пустоту и смонтирован весьма посредственный фильм…получивший Золотого Льва в Венеции! Понять это стало возможным только после того, как Михалков пробил 13 Львов для своего фильма "12" в той же Венеции.

11. После написания сценария с американцем Роспо Паленбергом "Сибирский цирюльник" по заказу Анжело Рицолли, Михалков в своём гневе Бесегона выгнал Аллу Гарруба с проекта и Анжелло Рицолли закрыл проект. Отсудил и выкупил права Михалков много позже с адвокатом Клайнгутти. Но не один журналист не возмутился тем, что урапатриот и бесогон пропагандирует в своём фильме порочную любовь американской женщины лёгкого поведения и русского юнкера, будущего офицера российской армии. И если другой режиссёр мог бы взяться за такую тему, то великому режиссёру, надорвавшемуся с патриотическими лозунгами в своих «Утомлённых солнцем-2» довольно сомнительно. Впрочем ещё более сомнительным кажется тема первого фильма Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих», в котором чекисты собрали 500 тысяч золотом, ограбив добропорядочных россиян и пославших его любимому Ленину, а золото чуть не украли бандит и белогвардеец. Вы за белых или за красных, Никита Сергеевич? Или об этом никому не рассказывать?

12. Фильм "Утомлённые солнцем" снимался на деньги того же

Мишеля Сейду, человека тихого и застенчивого. Но антисталинская тема фильма была и тогда отмечена в ПРАВДЕ статьёй коммунистов о предательстве Михалковым интересов советского государства, разваленного предателями СССР. Полученные призы в Каннах /спец. приз жюри/ и Оскар имеют к Михалкову такое же отношение, как и к Мишелю Сейду из Франции /фильм то совместный, как и "Урга"/."Очи чёрные" вообще чисто итальянская продукция. Откуда же такая чесотка по поводу Оскароносного Никиты Михалкова? На Западе продюсеры ему и рта бы раскрыть не дали?

13. Интересен факт выдвижения кандидадуры Никиты Михалкова на выборы Президентом России /интервью Евгения Киселёва с Никитой Михалковым транслировалось на НТВ/ в 1996 году. Но так же как и в 1994 году Отари Квантришвили заменил Н. Михалкова на посту президента Федерации тенниса на Шамиля Тарпищева, так же и в этот раз он предложил ему проехать по стране и агитировать народ за Ельцина, что Михалков с "честью" и сделал, получив гонорар у Олега Сосковца и Александра Кержакова, люди которого охраняли Михалкова в поездке по стране.

14. Война разведок привела к полной победе империализма над коммунистами. КГБ СССР, офицеры которого давали клятву ЦК КПСС И СССР на веру и верность, не стали иммигрировать как Белая гвардия, а перешли на службу к олигархам и олигархии, переименовавшись в ФСБ РФ. Патриот России Никита Михалков на Всемирном православном конгрессе упрекнул Главнокомандующего, премьер министра и министра обороны, что они унизили армию, сидя принимая парад в 2011 и в 2012 году на Красной площади Москвы. А не представляет ли это господин узкомедицинский интерес? Или хотя бы тщательное журналистское расследование вышеизложенных фактов.

15. Как то не заслужено стала забыта дружба Никиты Михалкова в 1998 году с Борисом Абрамовичем Березовским, Бадри Патаркацешвили, совместные их поездки в Чечню, разговоры о заказе фильма о Чечне, объяснения Михалкова журналистам о том, что деньги не пахнут.

16. Проще простого для объективности суждений взять интервью у тех продюсеров из Италии, Франции, России, которые финансировали все совместные фильмы Никиты Михалкова, начиная с "Очи чёрные" 1986 года и спросить их мнение о том, как он приписывает только себе призы и премии за эти фильмы, как учитывалось их участие при присуждении этим фильмам Государственных премий России.

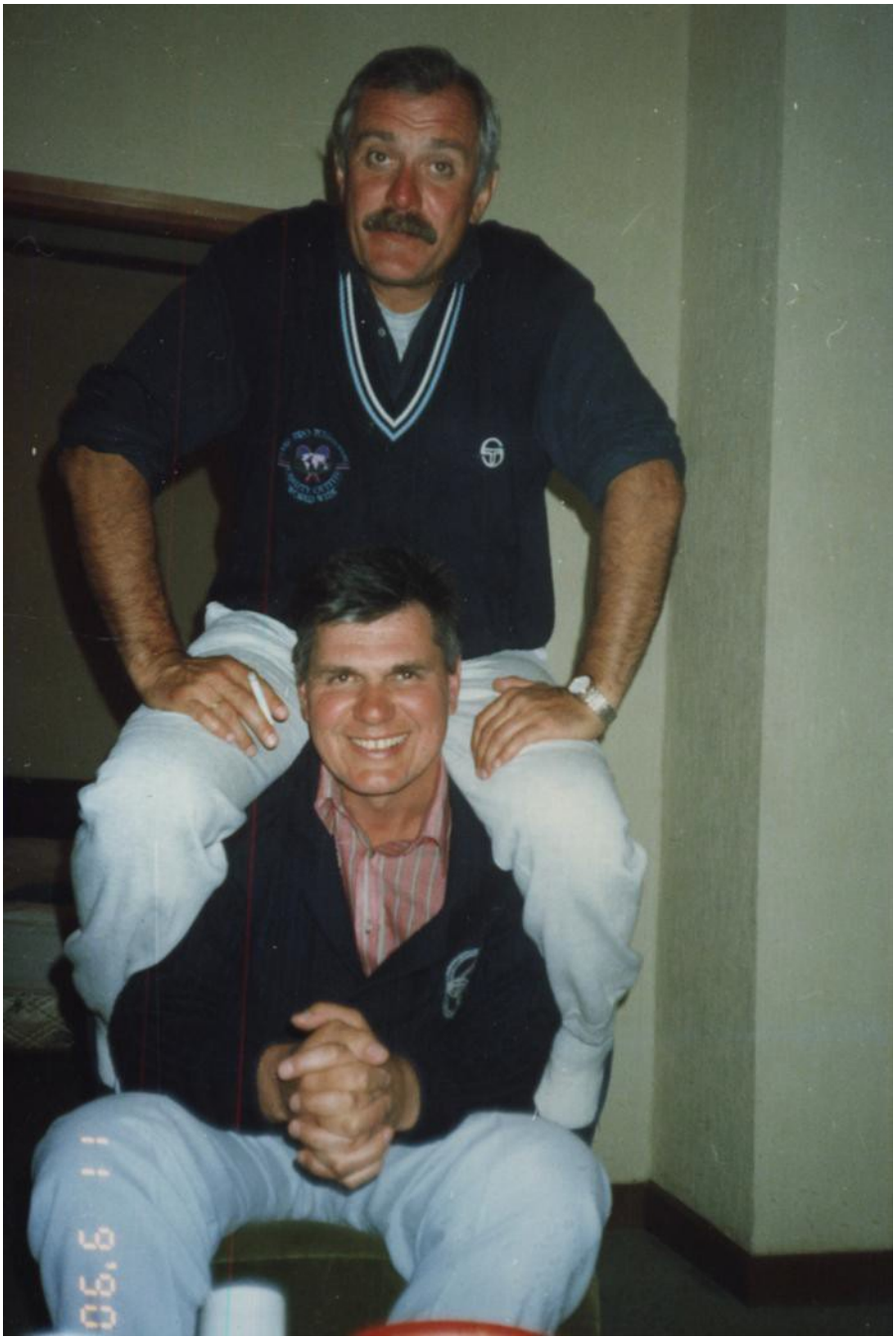
17. И, наконец, вспомните фильм Ивана Дыховичного

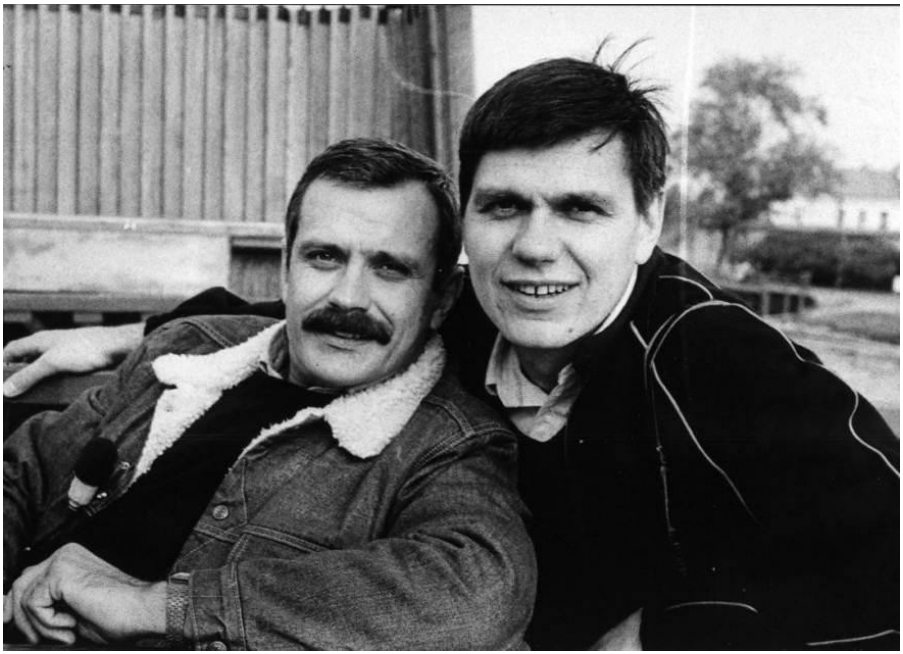
"Прорва" 1992 года. Та же тема, тот же художник Владимир Аронин, блестящий оператор Вадим Юсов. Чем не лауреат на премию Оскар?

Постскриптум. Недавно прочитал у Андрея Кончаловского в книге "Низкие истины" о его маме, Наталии Петровне Кончаловской, трогательные строки о том, как она старалась для Родины и, пользуясь своей дружбой с семьёй скульптора Коненкова, уговорила его в письме по просьбе одного начальника /видимо из ведомства Берии/ приехать из Америки в СССР. Так совпало, что я прочитал ещё и воспоминания жены Конёнкова — Маргариты, как она "поймала на удочку" в Америке Альберта Эйнштейна и добыла для СССР СЕКРЕТ АТОМНОЙ БОМБЫ. А потом прочитал воспоминания министра секретной службы Франции Константина Мельника о том, как семья Михалковых помогла завербовать посла Франции, познакомив его с девушкой-подстилкой из КГБ. Стало ясно многое — почему Никита Михалков так трепетно рассказывает в своих первых фильмах о чекистах, почему Никита Михалков в 1992 году с остервенением "дрался с Татьяной Митковой с НТВ, защищая честь Питирима в своей телепередаче ПЕРЕКРЁСТОК, служившего в КГБ СССР под кличкой АББАТ, почему с таким пиитетом к ним относится бывший разведчик Владимир Путин.

Арт-хаос

Никита Михалков с супругой в гостях у Николая Ващилина с супругой. Ленинград. 1986


06.6 11



студия ТРИТЭ
ТОВАРИЩЕСТВО·ТВОРЧЕСТВО·ТРУД
Творческо-производственное об'единение НИКИТЫ МИХАЛКОВА

Характеристика
на постановщика трюков Вацилина Николая Николаевича

Вацилин Н.Н. работает в кино с 1965 г.и участвовал в создании 44 фильмов. В работе со мной на кинокртинах "СИБИРИАДА" ,"Несколько дней из жизни И.И. Обломова", "Очи чёрные" ,"Урга" Вацилин Н.Н. проявил творчество и профессионализм. Заслуживает оценки его работа со студентами актёрами в ЛИТМиКе, в результате которой была создана уникальная программа трюковой подготовки.

Рекомендую Вацилина Н.Н. для приёма в члены Союза кинематографистов России.

29.05.1992 г.

Н. МИХАЛКОВ

Москва, 103 001 Малый Козихинский пер. 11, тел. 299-98-08, р.с. N 4461403 в Краснопресненском отд. ЖСБанка

студия Тритэ
NIKITA MIKHALKOV'S STUDIO
Товарищество с ограниченной ответственностью

Исх. №_____

"___"_____1996 г.

Справка - характеристика

трудовой деятельности Ващилина Николая Николаевича
в ТОО "Студия Тритэ" Н.С.Михалкова
в период с 1.09.1994г. по 1.09.1996г.

В период работы в должности заместителя Председателя Правления ТОО "Студия Тритэ" кроме своих основных обязаностей принимал участие в следующих проектах:

- координатор премьеры фильма "Утомленные солнцем" в Нижнем Новгороде (6.6.94)
- координатор премьеры фильма "Утомленные солнцем" в Москва в ГКЗ "Россия" (2.10.95)
- координатор программы проката и гастролей Н.С. Михалкова по городам России с к/ф "Утомленные солнцем" (8.10.94 - 24.05.95)
- координатор юбилейного вечера Н.С.Михалкова в ГКЗ "Россия" (21.10.95)
- координатор программы гастролей Н.С.Михалкова по городам России с к/ф реж.С.Газарова "Ревизор" (24.05 - 12.06.96)

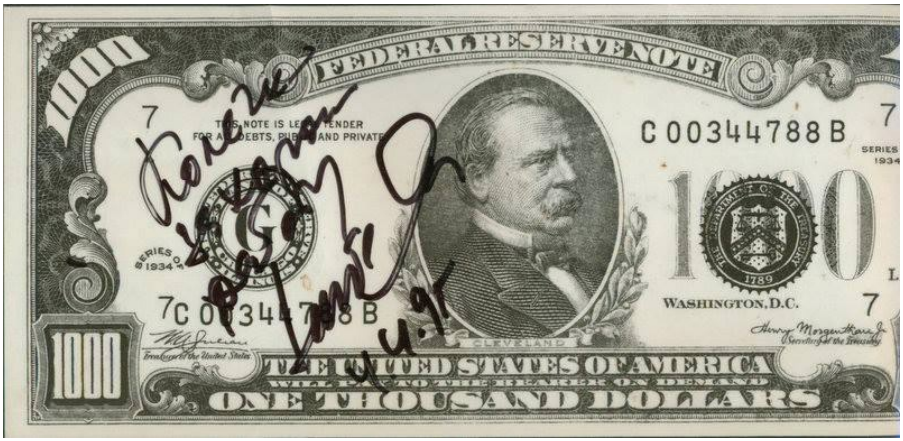
Работа была выполнена на высоком профессиональном уровне.

Генеральный директор Л.Э.Верещагин

Центральный административный округ г. Москва Товарищество с ограниченной ответственностью СТУДИЯ ТРИТЭ г. МОСКВА

Наши реквизиты: ИНН 7710100588 , р.с 6467212 в филиале "Центральный" МАКБ "Возрождение " МФО 211015, уч.48

Борис Немцов, Никита Михалков и Александр Руцкой на демонстрации в Нижнем Новгороде. 1993



Виктор Астафьев, Николай Ващилин и Никита Михалков в Овсянках снимают призыв к народу России голосовать за Ельцина. Июнь, 1996

Никита Михалков в гостях у семьи Николая Ващилина. Ленинград. 1986

Николай Ващилин, Никита Михалков и Михаил Синягин в Сарагосе, Испания. 1995

Дорогому Никите, с пожеланиями
наилучшими всячески
благополучия и надежды на
гармонию звуков внутри и вовне,
когда то, что хочешь сказать совпадет со
всем остальным; когда мысль
ведет дело, а слово сказанное
не просится обратно!

Твое имя и себе.

Твой

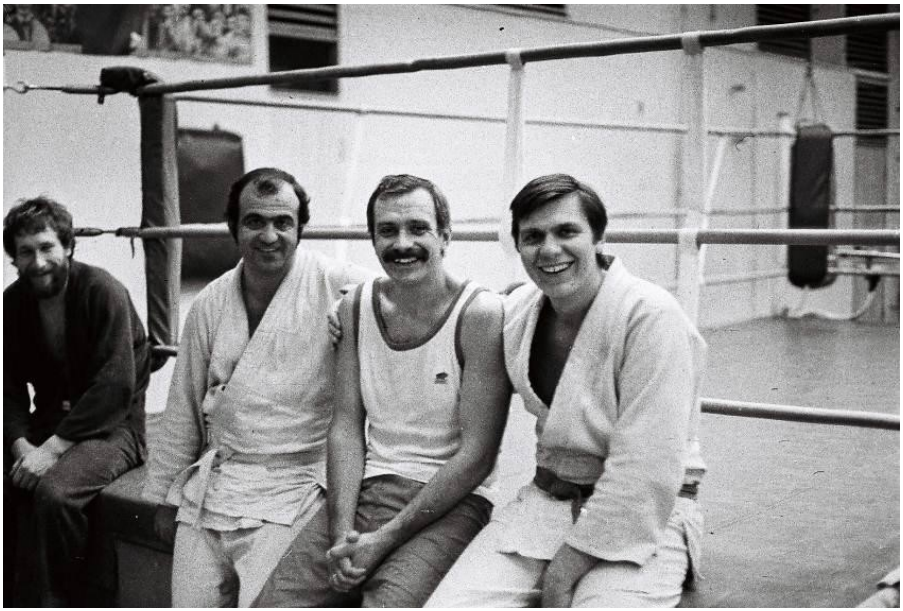
1.11.95.
г. Москва

Никита

"Издательский дом "Сегодня" • Студия "ТРИТЭ"
Москва, 1995

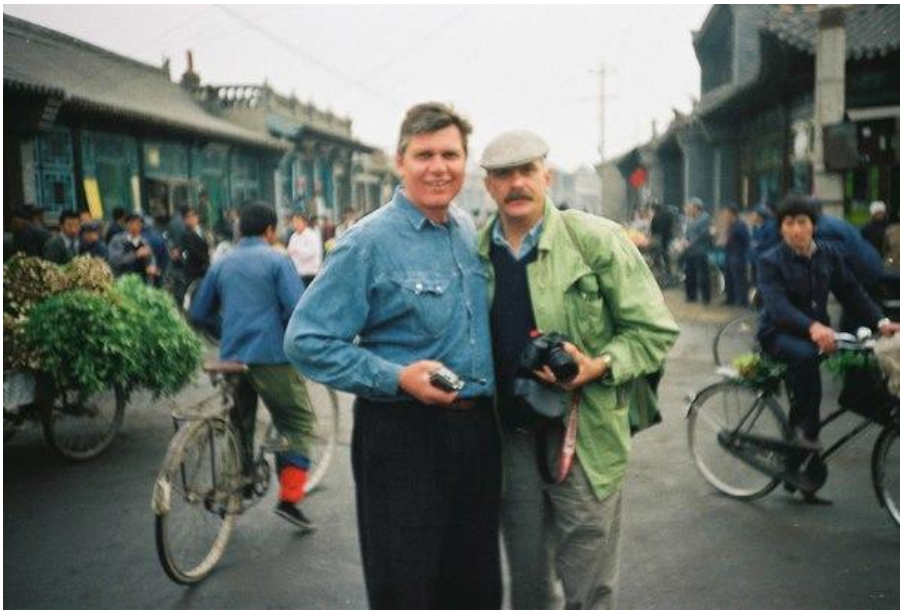
Дорогому Коле!
Моему другу и сорат-
нику.
С любовью
Никита
20.X.81

Никита МИХАЛКОВ
Заслуженный артист РСФСР



А. Шехтель, Н. Михалков и Н. Ващилин в спортзале ЛГИТМиК, 1981

Алиса Признякова /подруга Анны и Никиты Михалкова/, посол России в Украине с супругой, Никита Михалков, Николай Ващилин в помещении Киево-Печерского банка в Киеве на беседе. 1995



Николай Ващилин и Никита Михалков на съемочной площадке французского фильма «Урга». Китай, Маньчжурия. 1990